

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

Научный журнал

2012

№ 2

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47763 от 9 декабря 2011 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

«Вопросы лексикографии»

Т.А. Демешкина (Томск) – председатель

О.И. Блинова (Томск) – зам. председателя

Д.А. Катунин (Томск) – отв. секретарь

Н.Д. Голев (Кемерово)

А.Д. Жакупова (Кокчетав)

Е.В. Иванцова (Томск)

В.М. Мокиенко (Санкт-Петербург)

О.В. Фельде (Красноярск)

Л.И. Шелепова (Барнаул)

Е.А. Юрина (Томск)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Голев Н.Д. Деривационные ассоциации русских слов: теоретический и лексикографический аспекты	5
Дронова Л.П. Лексикографические проблемы в свете антропологической лингвистики.....	26
Фельде О.В. Историческая терминология русского языка: этапы становления и перспективы развития	33

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

Блинова О.И. К историографии типов мотивационных словарей	39
Жакупова А.Д. Модель словарной статьи «Мотивационного сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов»	66
Наумов В.Г. Принципы перевода диалектного словаря.....	76
Шевчик А.В. Лексикографическое описание зоонимов русского и английского языков	82

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

Арьянова В.Г., Арьянова А.В. Мир современных крестьян (по материалам «Словаря фитонимов Среднего Приобья»)	90
Слаутина М.В. Отображение антонимических отношений в словаре синонимов.....	97

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

Шелепова Л.И. Лексикография на Алтае: обзор диалектных и ономастических словарей	104
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Мотивационный словарь сибирского говора [Рец. З.И. Резановой]	110
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	116
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	117

CONTENTS

THEORY OF LEXICOGRAPHY

Golev N.D. Derivational associations of Russian words: theoretical and lexicographical aspects	5
Dronova L.P. Issues of lexicography and anthropological linguistics	26
Felde O.V. Historical terminography of Russian language: timeline and prospects for development.....	33

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Blinova O.I. Historiography of types of motivological dictionaries	39
Zhakupova A.D. Dictionary entry model of Ormithonyms and Phitonyms Motivological Contrastive Dictionary	66
Naumov V.G. Principles of dialect dictionary translation.....	76
Shevchik A.V. Lexicographic description of Russian and English zoonyms	82

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

Aryanova V.G., Aryanova A.V. World of modern peasants (by the Dictionary of Phytonyms of the Middle Priobie).....	90
Slautina M.V. Reflection of antonymic relations in dictionary of synonyms	97

ACTIVITY OF CENTRES FOR LEXICOGRAPHY

Shelepova L.I. Lexicography in Altai: review of dialect and onomastic dictionaries	104
---	-----

REVIEWS

Motivological Dictionary of Siberian Dialect [rev. by Z.I. Rezanova].....	110
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	116
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	117

Н.Д. Голев

ДЕРИВАЦИОННЫЕ АССОЦИАЦИИ РУССКИХ СЛОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ¹

Статья посвящена проблемам деривационного функционирования русской лексики и его лексикографического описания. В ней представляется концепция «Деривационно-ассоциативного словаря русской лексики». В первой части статьи рассматриваются теоретические основания такого словаря, в заключительной части намечаются возможности его исследовательского использования.

Ключевые слова: *деривационные ассоциации, деривационная лексикография, внутренняя форма слова, деривационно-ассоциативный словарь, лексико-деривационный контекст.*

...Изучать в языке такие его элементы, которые несут на себе энергию языкового становления; уловить и представить себе в живом виде сам принцип потока сознания.

А.Ф. Лосев, 1982 [38. С. 457]

1

Отечественная деривационная лексикография имеет достаточно богатую историю², отражающую основные тенденции развития лингвистики в целом и словообразования, мотивологии и деривационной лексикологии в частности. Основные направления такого развития науки, на наш взгляд, связаны с тенденцией к функционализации словообразовательных структур и отношений, определенных в производных словах:

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Минобрнауки 16.740.11.0422 «Обыденная семантика лексики русского языка: теоретическое и лексикографическое исследование».

² См. обзоры и исследования работ в этой области: [1–6].

- направление погружения морфемки и словообразования в лексическую семантику, «запараллеливание» лексики и морфемки в производных словах (начало такой лексикографии положено в словаре В.И. Даля, в котором принцип гнездовой подачи слов явился одним из системообразующих для лексикографического описания лексики живого великорусского языка (в дальнейшем этот опыт был повторен в первых томах 17-томного академического словаря русского литературного языка (1961–1965)¹ [7]; в этом направлении, лексикография под воздействием синхронно-статического словообразования перешла от словарей, отражающих морфемный состав отдельных слов [8], к фиксации формально-семантических отношений в лексике в словарях гнездового типа [9, 10];

- направление погружения производных слов в текст, речевую деятельность; это направление имеет две разновидности: от текста (речи) как детерминанты словообразовательных процессов к производному слову (в теории словообразования данное направление связано с дериватологическими исследованиями Е.Л. Гинзбурга, Л.В. Сахарного, Л.Н. Мурзина) и от производного слова к его функционированию в тексте (О.И. Блинова, М.Н. Янценецкая, Н.Д. Голев и их ученики); в лексикографии это направление закреплено в «Мотивационном диалектном словаре» О.И. Блиновой [11], в котором зафиксированы ситуации актуализированных мотивационных отношений слов в текстах и метатекстах, произведенных носителями говоров, и отчасти в словаре А.А. Кретьева и Л.Н. Матыциной [12]²;

- направление погружения производных и непроизводных слов в языковое сознание носителей языка; это направление представлено в двух вариантах: в одном из них исследователь апеллирует к метаязыковому сознанию носителя, которому предпосылается задание

¹ Нетрудно предположить, что одной из причин отказа от использования принципа однокорневости при организации словарной статьи явилось сущностное расхождение презумпций отождествления слова по его семантике в лексике и словообразовании (морфемике); в структуре слова застывают генетические связи слова, которые часто уже не актуальны в его синхронном функционировании, поэтому объединение в одной статье слов типа *лизать* и *подлизать*, *овца* и *овчарка*, *полотно* и *полотенце*, *ворона* и *проворонить* и т.п. не может не осознаваться носителями языка как искусственное, даже несмотря на то, что на уровне метаязыкового сознания (или интуитивного ощущения) такая связь легко восстанавливается.

² Хотя словарь построен на лексике, извлеченной из текстов А.С. Пушкина, данные тексты в нем используются как источник материала, а не как пространство функционирования многоморфемного слова.

высказать мнение о мотивированности слова [13–23], в другом – осуществляется апелляция к произвольным показаниям языкового сознания, проявляющимся в ассоциативном эксперименте [24–26]. На показаниях обыденного метаязыкового сознания построены «Мотивационный словарь» О.И. Блиновой [11] и мотивационно-сопоставительный словарь А.С. Савенко [27, 28], произвольные мотивационно-ассоциативные связи слов на основе их внутренней формы отражают лексикографические проекты [6, 24, 25, 26, 29, 30].

Предложенный нами «Деривационно-ассоциативный словарь» (ДАС) является естественным продолжением тенденций к функционализации и динамизации русского словообразования как науки и усиления в нем антропоцентрического принципа верификации. Он построен на синтезе двух названных выше идей: идеи **текстового функционирования производных слов** и идеи произвольного действия деривационно-мотивационных механизмов **в языковом сознании**, и то и другое, на наш взгляд, органически включено в естественные процессы речепорождения и речевосприятия. Словообразовательная потенция языка реализуется, по В. Гумбольдту, в повседневном речепотреблении; механизмы деривационного функционирования слова являются естественным элементом общей языковой (порождающей речь) способности, ими владеют все носители русского языка, и их речевые проявления носят массовый характер, регулярно обнаруживающийся в тексте в виде непрерывного деривационно-мотивационного процесса [30]. Его выходы на поверхность наиболее заметны в тексте в тех случаях, когда выбор одного слова (как формально-семантической единицы) деривационно зависит от другого слова, в силу чего лексико-деривационные ряды пронизывают текст, скрепляя и системно организуя его наряду с парадигматическими (тематическими, синонимическими и др.) и синтагматическими рядами. Через опосредование текста лексическая дериватика представлена и в словаре как один из его системообразующих факторов.

Все сказанное объясняет актуальность выявления и лексикографического описания массовых проявлений деривационных рефлексий носителей русского языка, свидетельствующих о реальном потенциале деривационного функционирования лексических единиц русского языка и представляющих особенности его (потенциала) реализации.

Изучение деривационного потенциала слов в современной лингвистике строится в основном на материале двух источников: литературных текстов (или данных диалектологических картотек) и лексикографических (разного рода словарей). Новым источником сбора и лексикографического описания лексического материала является **лингвистический эксперимент**. Используя определение Ю.Д. Апресяна, можно сказать, что лингвистический эксперимент «имеет двойное назначение. Во-первых, результаты эксперимента, наряду с текстовыми и другими данными, являются основанием для выводов о природе рассматриваемых фактов и для соответствующих лексикографических решений. Во-вторых, они определяют характер нормативных указаний о правилах употребления» [31. С. 21] лексических средств языка, в том числе дериватов.

Для экспериментального изучения деривационного потенциала лексических единиц была разработана специальная методика – деривационно-ассоциативный эксперимент (ДАЭ), идея которого была предложена нами в [30. С. 142–146; 32. С. 13–33]. Данная методика уже была апробирована в ряде работ [32–35]. В качестве основного лексикографического источника она использована в диссертационном исследовании Н.И. Дорониной (см.: [34, 35]).

Основу ДАЭ составляют лексико-деривационные контексты (ЛДК), которые в силу наличия у них определенных семантических, синтаксических и прагматических свойств обладают способностью включать (актуализировать) механизмы лексической деривации, например: *Если человека все время обвинять в глупости, он и в самом деле **поглупеет**; Об этом столько **говорено-переговорено**, что я, наверное, стотысячный **говорильщик** на эту тему; Не надо нам чужой **демагогии**: у нас своих **демагогов** хватает; Он **дурак**, и шутки его **дурацкие**; **Жалобы** они не читают, а самих **жалобщиков** гонят **взашей***. Подробнее состав и свойства русских ЛДК см. в работе [32. С. 13–33].

Включение механизма лексической деривации обуславливается предъявлением ЛДК с лакуной (например: *Он **дурак**, и шутки его...*), которую и требуется восполнить с голоса экспериментатора или письменно в анкете посредством слова, «первого пришедшего на ум».

В процессе ДАЭ реципиент выступает одновременно и как субъект – говорящий / пишущий, и как субъект – слушающий / читающий. Функция реципиента как субъекта восприятия является во временном смысле первичной, поскольку ЛДК сначала воспринимается как звучащий / написанный; функция реципиента как субъекта порождения речи, соответственно, является вторичной. Именно восприятие текста и его компонентов определяет во многом дальнейшее деривационное поведение испытуемого. Важно подчеркнуть, что реципиент выполняет деривационные действия не в сугубо автоматическом формате, а совершает креативный акт продуцирования текста и его отдельных компонентов, в том числе – и это принципиально – означаемого многих лексических (номинативных) «заполнителей» позиций. В этом процессе отыскание адекватной семантической позиции для слова представляет собой естественную и неотъемлемую часть процесса текстопорождения, а не его (процесса) изолированный спонтанный фрагмент (акт). В эксперименте время выполнения задания максимально ограничено условиями эксперимента, в нем предлагается заполнить пропущенную позицию первым пришедшим на ум словом или словосочетанием, в этот период информант как бы додумывает замысел предполагаемого автора. Это вполне обыкновенно для спонтанной коммуникации, о чем, в частности, говорят паузы в ходе построения текста, свидетельствующие именно о поиске слова [36. С. 50–51]. Особую роль играет контекст самого высказывания. Так, контекст формирует означаемое элиминированной лексической единицы [37], и в ряде случаев сказанное как бы «тянет» за собой последующие языковые единицы и конструкции – уже готовые коммуникативные фрагменты.

Данный эксперимент проводился с аудиторией разного возраста, разных профессий и разного социального статуса, поскольку целью эксперимента было изучение лексико-деривационных механизмов, свойственных всем носителям русского языка.

3

Лексико-деривативные контексты (ЛДК) представляют собой наиболее мощный канал, по которому деривационная энергия текста переходит на отдельные лексические единицы, переводимые из сферы словаря (готовых, целостных единиц) в сферу порождаемых еди-

ниц текста. Попадая в их орбиту, лексические единицы обнаруживают и реализуют потенциал деривационного функционирования либо в качестве дериваторов, либо в качестве дериватов.

На поверхности действие ЛДК проявляется в высокой степени вероятности выхода в позициях производимости именно лексических дериватов – порождаемых от тех или иных единиц данного или предшествующих данному контекстов. Степень прогнозируемости выхода формально-семантических дериватов в ЛДК значительно превышает среднестатистические возможности детерминации определенных дериватов в обычных контекстах. Ср. обмен репликами персонажей «Ракового корпуса» А. Солженицына:

– **Просветы** тоже нужны.

– На кой они, **просветы**?

– На то и **просветы**, чтобы **просветлять**.

Последняя фраза представляет собой ЛДК, который содержит энергетический фокус производимости, проецируемый на лексико-деривационный ряд предшествующего текста, каждый последующий член которого представляет собой лексический дериват по отношению ко всему актуализированному в тексте ЛДК. В психолингвистическом плане слово *просветляться* – деривационный рефлекс слова *просвет(ы)*. Вероятность выхода дериватов, формально и семантически детерминированных предшествующим текстом (*просветлять, просветить, светить* или *просвещать*), в заключительной фразе «*На то и **просветы**, чтобы...*» достаточно велика¹. Она значительно выше, чем вероятность супплетивных заполнителей соответствующей позиции, например, таких, как *озарять, вдохновлять, помнеть* и т.п.: они не соответствуют структурно-семантическим и прагматическим (коммуникативно-интенциональным) свойствам контекста, ориентирующего «субъекта контекста» именно на формально-семантическую деривацию (= продление, развитие лексико-деривационного ряда). То обстоятельство, что деривационный выход *просветлять* не является строгим формально-словообразовательным выходом (это факт не реализации словарной эпидигматики, а окказиональной² эпидигматизации заполняемой позиции), говорит о силе

¹ В психолингвистическом плане слово *просветляться* – деривационный рефлекс слова *просвет(ы)*.

² Заметим, что окказионально-речевая дериватизация может естественным образом трансформироваться в системно-языковую и узуальную – в факты народной этимологии и

данного ЛДК, о наличии соответствующих коммуникативных интенций у говорящего.

Названные свойства ЛДК позволяют использовать их в качестве контекста-стимула в ассоциативно-деривационном эксперименте – надежном способе для решения многих задач деривационной лексикологии. Заполнение пропуска в позиции перспективной или ретроспективной производимости испытуемыми дает возможность увидеть характер детерминации со стороны деривационной энергетике контексты через ЛДК как ее проводники на прямую или обратную производимость слова. Таким образом можно, например, использовать в эксперименте контексты из романа М. Булгакова: *И без того худой финдиректор как будто еще более похудел* (перспективная производимость) и *Загадочный профессор скривил и без того кривой рот и пожал плечами* (ретроспективная производимость). Заполнение испытуемыми пропусков на месте дериватов *похудел* (первый контекст) и *кривой* (второй контекст) показывает, что вероятность появления на выходе именно этих дериватов весьма высока – 80 и 85%.

Причина деривационной силы данных ЛДК очевидна: это компаративная интенция, сводящая сравниваемые понятия в лексико-деривационном ряду *скривил – кривой*. Известно, что компаративность в русском языке выражается несупплетивным способом¹, что и создает высокую прогнозируемость появления формально выраженных дериватов в данных контекстах. Ср. следующий отрывок из поэмы В. Маяковского «Во весь голос»: *Умри мой стих, умри, как рядовой, как безымянные на штурмах мерли наши*. Появлению в данном контексте слова *мерли*, стилистически выпадающего из всей фразы, можно дать деривационное объяснение – скорее всего, поэт отдался здесь «воле» компаративного контекста и лексико-деривационного ряда «умри – мерли». Замена *мерли* на, скажем, *гибли* нарушает онтологическое единство данного речевого произведения. Все это лишний раз говорит об органической встроенности эпидигматики (лексической дериватики) в динамическую системность разворачивающегося текста и ее функциональной значимости в нем,

установления новых связей, которые достаточно регулярны в русском языке (см.: [11. С. 100–118; 35].

¹ Исключения здесь (*хорошо – лучше, много – больше, плохо – хуже*) лишь подтверждают данное правило.

а не просто пассивной регистрации в тексте словарной системности, отражающей генетические связи слова.

4

В качестве стимула в ДАЭ выступает, с одной стороны, ЛДК, с другой стороны, конкретное слово, которое ставится в позицию актуального деривационного фокуса, детерминирующего выход словарной реакции как варианта заполнения имеющейся лакуны. Роль лакуны заключается в стимулировании деривационно-ассоциативных реакций, способствующих восполнению ЛДК и приданию ему завершенности. Таким образом, функциональные свойства ЛДК заключаются в его целевом назначении: актуализировать имеющийся потенциал и восстановить элиминированную единицу, по которой можно было бы определить характер деривационного функционирования лексических единиц.

ДАС строится по принципу ассоциативных словарей. Это касается и способа сбора материала (предъявление испытуемому единицы-стимула, реакция на него) и его подачи в словаре как поля ассоциаций, в котором слова располагаются по частотности, где наиболее частотные реакции претендуют на статус ядерных).

Особенностью проводимого деривационно-ассоциативного эксперимента является то, что в качестве единицы-стимула выступает фраза-стимул. На наш взгляд, набор их ограничен (исчислим), разумеется, если иметь в виду уровень текстов-примитивов, представленных как одна деривационная пропозиция.

С точки зрения деривации принципиально разделять контексты с перспективной направленностью (от семантически простого к сложному, от частотного к периферийному) и ретроспективной направленностью (от сложного к простому, от маркированного к немаркированному, от объясняемого слова к объясняющему). Примеры перспективных контекстов-пропозиций: **Каков ..., таков и ...**; например, **каков автомобиль (машина, трактор), таков и** с возможными выходами **автомобилист, хозяин (машинист, тракторист)**; **зарядил – буду ... Во ведь какой ... нашелся!** Например, **зарядил буду учиться (летать, учить)** с возможными выходами **ученик, студент (летчик, учитель)**; **Тебя же кто-нибудь ...! – Не родился на меня еще такой ...** Например: – **Тебя же кто-нибудь побьет!** – **Не родил-**

ся на меня еще такой побивальщик (побиватель, силач)! Очевидно, что ретроспективные контексты в значительно большей степени предполагают участие метаязыкового сознания, что связано с гиперпропозицией «объяснение» (сложного через простое, менее известного через более известное).

Примеры ретроспективных контекстов: **На то он и ... , чтобы ...** Например: *На то он и машинист, чтобы машину водить; Так из за чего же было нужно ... ? – Как зачем? Именно из-за ...* Например: *...Так из за чего же было обезболивание? – Как зачем? Именно из-за боли; Раньше его называли ... – Значит, он на самом деле ...* Например: *– Раньше его называли защитником. – Значит, он на самом деле защищал; А к нам прислали ..., наверное, думают, что у нас тут для них много ...* Например: *А к нам прислали автомобилистов (водителей, машинистов, трактористов), наверное, думают, что у нас тут для них много автомобилей (машин, тракторов).*

Возможно построение набора реакций на контекст-стимул (в этом случае предметом описания выступает деривационный потенциал контекста или всего набора контекстов стимула). Точкой отсчета для «собственно» лексикографа, на наш взгляд, должно выступать **слово**, для которого подбирается или создается контекст-стимул или набор контекстов-стимулов. Далее для иллюстрации сказанного приводятся пары слов с подобранными (созданными) для них ЛДК, актуализирующими то или иное направление деривации.

Перспективное направление деривации

АТАКА – АТАКЕР: *– Ну что, братишка, **атаки** испугался? – Да брось. Лучшие скажи, много их там осталось, этих самых **атакеров**?*

БОГ – БОГОВО: ***Богу** – **богово**, а кесарю – кесарево.*

ГОВОРИТЬ – ГОВОРИЛЬЩИК: *Об этом столько **говорено-переговорено**, что я, наверное, сотысячный **говорильщик** на эту тему.*

ДЕМАГОГИЯ – ДЕМАГОГ: *Не надо нам чуждой **демагогии**: у нас своих **демагогов** хватает.*

ДУРАК – ДУРАЦКИЙ: *Он **дурак**, и шутки его **дурацкие**.*

ЖАЛОБА – ЖАЛОБЩИК: *Жалобы* они не читают, а самих *жалобщиков* *взаией* гонят.

ЖИВОТНОЕ – ЖИВОТНОВОД: – Папка, ты ни о чем, кроме своих *животных*, и не думаешь. – Алексей Андреич, кто-то же должен быть *животноводом*.

ЗАБОЛЕТЬ – БОЛЕЛЬЩИК: *Заболел* я вашим рассказом, вот и все. И как всякий *болельщик*, кричу: «Еще гол!»

ЗАЩИТНИК – НЕЗАЩИЩЕННЫЙ: Но не парадоксально ли, что *защитники* конституционного строя оказались одними из *самых незащищенных*?

ИГРАТЬ – ЗАИГРЫВАТЬСЯ: *Играй*, да не *заигрывайся*.

КАМЕНЬ – КАМЕНЩИК: – Вот Виктор придет и разберется с твоими *камнями*. – Да какой из Виктора *каменщик*!

КОСМОС – КОСМОНАВТ: Как же, не побывав в *космосе*, не коснувшись рукою звезд, можно стать *космонавтом*?

КОШКА – КОШАТНИК: Эллочка наша *кошек* возлюбила. Я думала, на свете таких *кошатников* не бывает.

КРАСНЫЙ – ПОКРАСНЕТЬ: – У Васи, как услышал про то, лицо стало *красным*. – Ну да! Дождешься от него. *Покраснеет*, как же...

ЛОШАДКА – ЛОШАДОЧНИК: Как ни приду с ним в «Детский мир», сразу канючит – купи да купи *лошадочку*. Такой вот *лошадочник*.

НОЧНОЙ – НОЧЬ: О каком *ночном* шуме ты говоришь? У нас никто *по ночам* не шумит!

ОБОРУДОВАТЬ – ОБОРУДОВАННО: На производстве он все может *оборудовать*, но сам прожил свою жизнь не слишком-то *оборудованно*.

РАССУДИТЬ – СУДЬЯ: – Вот придет Виктор и все *рассудит*. – Да брось ты! Какой из него *судья*!

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ – ПО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ: Мы назвали перестройку *революционным* процессом, значит, и действовать надо *по-революционному*.

РОМАН – РОМАНИСТКА: А моя Светка к *романам* пристрастилась. Одни *романы* на уме. Я ей говорю: твои *романы* никто, кроме тебя, наверно, и не читает. А она говорит: «Знаешь, мам, сколько у нас в классе таких *романисток*».

СЖИМАТЬ – СЖАТЫЙ: Честное слово, я доклад не **сжимал**, сам не знаю, почему он получился **сжатым**.

СКУЧНО – ЗАСКУЧАЕШЬ: – Не кажется ли вам, что ребятам на уроке было **скучно**? – Семь двоек за урок. Тут, знаете ли, **заскучаешь**.

СООБРАЗИТЬ – НЕСООБРАЗИТЕЛЬНЫЙ: Странные вещи ты делаешь, Юра. Неужели **сообразить** не можешь, что они тебе же во вред. Вот ведь какой **несообразительный**.

СТЕСНЯТЬСЯ – СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ: – Я, знаете ли, **стесняюсь**. – **Стеснительный** ты наш...

ТАБАК – АНТИТАБАЧНЫЙ: В наше время много говорят о вреде алкоголя, но ведь **табак** представляет собой не меньшую опасность. А в школе **антитабачной** пропаганде уделяют очень мало внимания.

ТОВАРИЩ – ПО-ТОВАРИЩЕСКИ: Раз ты считаешь меня своим **товарищем**, то почему поступаешь не **по-товарищески**?

УСЛЫШАТЬ – СЛУХАЧ: – Ты думаешь, тебя могут **услышать**? – Ха-ха! Не родился на меня еще такой **слухач**!

УЧЕНЬЕ – НЕУЧЕНый: **Ученье** – свет, а **неученых** – тьма.

УЧИТЬ – ВЫУЧИТЬ: Меня не интересует, **учил** ли ты; меня интересует, **выучил** ли?

УЧИТЬСЯ – УЧЕНЫЙ: С детского сада зарядил: хочу **учиться** – и все. Вот ведь какой **ученый** нашелся!

ХУЛИГАН – ХУЛИГАНСКИЙ: Говорят, он **хулиган**, но я в его действиях не нахожу ничего **хулиганского**.

ШУМЕТЬ – ШУМ: Они **шумели** так, что **шум** их докучал соседям.

Я – ЯКАТЬ: Все «я!», «я!», «я!». Хватит **якать-то**!

Ретроспективное направление деривации

БАБАХНУТЬ – БАБАХ!: Вдали **бабахнуло**, и эхо не успело смолкнуть, как снова раздалось «**бабах!**»

БАНДА – БАНДИТ: Потому это и **банда**, что в ней одни **бандиты**.

БЕЗРЫБЬЕ – РЫБА: На **безрыбье** и рак **рыба**.

БЕРЕЧЬ – БЕРЕЖЕНЫЙ: **Береженого** бог **бережет**.

«БУЯН» – БУЯНИТЬ: *И дали ему прозвище «Буян». Тут не захочешь, а забуянишь.*

ВЫКЛЮЧАТЕЛЬ – ВЫКЛЮЧАТЬ: – *Ты что без конца выключателем щелкаешь? – Как что? Чтобы выключать.*

ГЛУПОСТЬ – ПОГЛУПЕТЬ: *Если человека все время обвинять в глупости, он и в самом деле поглупеет.*

ДЕМАГОГИЯ – ДЕМАГОГ: *Не надо нам чужой демагогии: у нас своих демагогов хватает.*

ИНАКОМЫСЛИЕ – МЫСЛЬ: *Без **инакомыслия** нет и **мысли**.*

КАМЕНЩИК – КАМЕНЬ: *На то он и **каменщик**, чтобы **камни** таскать.*

МАШИНИСТ – МАШИНА: *Каковы **машинисты**, таковы и **машины**.*

НАДСТРОЕЧНЫЙ – НАДСТРАИВАТЬ: ***Надстроечные** институты могут существовать, если есть над чем **надстраивать**.*

НАХЛЕБНИК – ХЛЕБ: *Это он-то у вас был **нахлебник**?! Да вы хоть **хлеба** ему давали? «**Нахлебник**», ну и ну...*

ОТКАТЧИК – ОТКАТИТЬ: – *К нам еще и **откатчиков** при-слать собираются... – Да? У нас что? Есть что **откатывать**?!*

ОТЧАЯННЫЙ – ОТЧАЯНИЕ: – *Чем же вызван сей **отчаянный** шаг? – Как чем? Именно **отчаянием** и вызван.*

ОЧЕРНИТЬ – ЧЕРНЫЙ: *Как можно **очернить** нашу жизнь, которая и без того **черная**?*

ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ – ПЕРЕКЛЮЧИТЬ: *Твоим **переключателем** не то что свет **переключить**, до него и дотронуться-то страшно.*

ПУСТОМЕЛЯ – ИЗМОЛОТЬ: *Не зря говорят – **пустомеля**: язык уже себе **измолот**.*

РАБСТВО – РАБЫ: *Мы, борясь с **рабством**, сами еще **рабы**.*

РАЗДУТЫЙ – РАЗДУТЬСЯ: *Вот говорят штаты у нас **раздуты**. Да как же им не **раздуться**?!*

РЫБАК – РЫБКА: *Тожe мне **рыбак** – рыбки не **видали**.*

СВИДЕТЕЛЬ – ВИДЕТЬ: *Говорят **свидетель**, **свидетель**. Тут поверишь сам, что что-то **видел**.*

СЖАТЫЙ – СЖИМАТЬ: *Доклад и так получился **сжатым**, куда уж дальше **сжимать**.*

СПАСИБО – СПАСЕНИЕ: *Как же это приятно, когда случайный прохожий говорит «пожалуйста» и «спасибо», точно в самом деле желает тебе спасения.*

УЖЕСТОЧЕНИЕ – ЖЕСТОКИЙ: *Лидер призвал к ужесточению репрессий, которые и без того были жестокими.*

ЦЕЛИТЕЛЬ – ИСЦЕЛИЛ: *И кого этот целитель хоть однажды исцелил?*

ЧУДАК – ЧУДНОЙ: *«Чудак», – как-то некстати брякнул я. Он удивился: «А что в этом чудного?»*

ЧУДОТВОРЕЦ – ЧУДО: *Категорически протестую против «чудотворца»: если я вылечил кого-то, от кого отказалась официальная медицина, то это еще не означает, что я совершил чудо.*

ШКОЛЬНИК – ШКОЛА: *Итак, теперь ты школьник. Это значит, что школа для тебя теперь – самое главное.*

ШУМ – ШУМЕТЬ: *О каком ночном шуме ты говоришь? У нас никто по ночам не шумит.*

Достаточно очевидно, что приведенные ЛДК представляют собой разные типы деривации, разную степень детерминирующего воздействия со стороны всего контекста и непосредственного слова-дериватора. Типология ЛДК по этим (и другим) основаниям – важнейшая задача теоретической текстодериватологии и деривационной лексикологии. Не менее важная задача связана с преобразованием сложных контекстов в ЛДК-примитивы, состоящие из одной деривационной пропозиции. В том виде, в каком ЛДК предложены нами, они в своем большинстве представляют пропозиции, осложненные дополнительными семантическими и прагматическими компонентами, которые, разумеется, имеют тенденцию формировать собственные пропозиции и тем самым значительно расширять диапазон выходов ДАЭ¹. Вероятно, без решения проблемы исчисления ЛДК-примитивов трудно рассчитывать на полноценно системное воплощение деривационно-ассоциативного словаря.

Тем не менее уже имеющиеся представления о ЛДК позволяют однозначно говорить о том, что они являются, во-первых, реальным

¹ Впрочем, избежать момента полипропозициональности деривационных выходов эксперимента, по-видимому, в принципе нельзя, поскольку испытуемый невольно достраивает абстрактный контекст-примитив до реального, он реконструирует какую-то определенную коммуникативную ситуацию, поэтому проявления «чистой семантики» могут выступать лишь как тенденция.

феноменом языка-речи. Например, даже мысленный эксперимент с заполнением лакун в двух контекстах – *Ты зачем столько выключателей приобрел? – Как зачем? Чтобы...* и – *На то это и выключатель, чтобы ...* показывает, что первый контекст является обычным; он провоцирует заполнение пропуска, исходя из актуальной семантики слова и ситуативного смысла контекста, тогда как второй контекст в большей мере предполагает фиксацию внимания на внутренней форме слова и актуализацию его деривационных связей в ретроспективном направлении; вместе с тем второй контекст активизирует метаязыковое сознание, что со всей очевидностью стимулирует более активный выход семы «выключать» (как выраженной, так и невыраженной). Во-вторых, важным инструментом лингвиста при познании и описании сущности лексико-деривационного потенциала каждого слова русского языка, в том числе лексикографического описания. На «эксплуатации» деривационной способности ЛДК и строится идея «Деривационно-ассоциативного словаря».

5

Микроструктуру «Деривационно-ассоциативного словаря» представляют собственно словарные статьи, приводимые в порядке алфавитного следования слов-стимулов и обладающие своей собственной структурой.

Каждая словарная статья состоит из слова-стимула, данного в начальной форме, ЛДК, в составе которого оно предлагалось в ДАЭ, списка слов-реакций и статистической справки по качеству и количеству реакций. Слова-реакции расположены по мере убывания их частоты, которая указывается после каждой реакции. Реакции с одной частотой приводятся в алфавитном порядке по первому слову, поскольку не все реакции являются однословными. Например:

АНЕСТЕЗИЯ

РЛДК¹: **Какая же это анестезия, если...** *Больно* – 27, *болит* – 4, *все болит* – 4. Отказ – 2.

КАМЕНЬ --- (КАМЕНЩИК)²

ПЛДК¹: – **Вот Виктор и разберется с камнями.**

¹ Ретроспективный лексико-деривационный контекст.

² В скобках помещается слово, детерминируемое контекстом. Это особенно важно в том случае, если ПЛДК создается специально для детерминации данного слова.

– Да ну, какой из Виктора ...

Каменищик – 13, камнетес – 4, ювелир – 3, разбиратель – 2, строитель – 2, выбросит их со двора, гладиатор, дизайнер, камнетес, камнесобиратель, камень, камнесборщик камнеразборщик, камневод, разбежался!, разбиральщик, собиратель, спортсмен, строитель дороги – 1. Отказ – 3.

ОБЕЗБОЛИВАНИЕ --- (БОЛЬ, ОБЕЗБОЛИВАТЬ)

РЛДК: **А по-моему, этот твой хваленый аппарат для обезболивания нисколько даже не ...**

Помогает – 31, обезболивает – 15, действует – 13, аппаратит – 1, аппарирует – 1. Отказ – 1.

СТУДЕНТ --- (...?)

РЛДК: **На то и студент, чтобы ...**

Учиться – 12, учить – 3, не спать ночами – 2, прогуливать – 2, балдеть, быть удачливым, в долгах быть, в маршрутках толкаться, веселиться, все успевать, все учить, всегда учиться, грызть науку, дурака валять, есть, мало есть, много есть, много учить, на лекции ходить, не выспаться, писать лекции, сессию сдавать, спать, студиться – 1. Отказ – 2.

ТАБАК --- (АНТИТАБАЧНЫЙ)

ПЛДК: **Табак вреден, а в школе плохо ведется ... пропаганда**

Антитабачная – 7, табачная – 5, эта – 5, данная – 3, активная – 2, здоровая – 2, вредная, оздоровительная, отрицательная, наркотическая, сигаретная, такая, действенная, подобная, до сих пор – 1². Отказ – 2.

УСЛЫШАТЬ --- (СЛУШАТЕЛЬ, СЛУХАЧ)

ПЛДК: **– А ты не боишься, что тебя могут услышать?**

– Ха-ха! Не родился еще такой ...!

Человек – 7, слухач – 6, слушатель – 3, наглец – 2, наглый – 2, слыхун – 2, слышатель – 2, слыхач – 2, самоуверенный, такой, кто меня поймет, такой человек, которого бы я боялась, услышиватель, ухогорлонос, человек, который слышит шаги через стены, Чебурашка, человек, который осмелился бы меня подслушать, шпион – 1. Отказ – 4.

¹ Перспективный лексико-деривационный контекст.

² Цифра «1» здесь и далее относится к каждой из последних в словарной статье реакций.

ШКОЛЬНИК --- (ШКОЛА)РЛДК: **Да какой он школьник, если ...**

Не учится – 5, в школу не ходит – 5, не знает где школа – 2, в школу ходит – 2, двух слов связать не может, дерется, ему давно 18, ему 27, ему – 30, на горшок ходит, не вырос из-за стола, не готовит уроки, не помнит где его школа, не умеет разборчиво писать, не учит ничего, ни разу не сбежал с урока, ничего не знает, он пьет, он конспиратор, от горшка два вершка, прогуливает, у него еще усы не растут, уроки не прогуливал, формы нет, ходит в детсад – 1. Отказ – 0.

ШКОЛА --- (ШКОЛЬНИК)

ПЛДК: **С детского сада зарядил: «хочу учиться в школе!» Вот ведь какой ... нашелся!**

Умный – 7, упорный – 6, умник – 6, настойчивый – 5, умница – 5, ученик – 5, молодец – 4, школьник – 4, вундеркинд – 3, дурак – 2, настырный – 2, грамотей – 2, любознательный, вредный, идиот, болван, дурачок, простой и светлый, глупый, чудак, негодяй, бесенок, умненький, умненький мальчик, интеллигент, зануда, упрямый, хо-чушник, пожелатель – 1. Отказ – 1.

Макроструктуру словарной статьи представляет объединение ассоциативных полей одной деривационной пары слов, полученных в разных деривативных контекстах. Гиперструктуру представляет объединение ассоциативных полей одного слова, входящего в разные пары.

6

«Деривационно-ассоциативный словарь», основанный на массовом эксперименте с носителями языка, демонстрирует не только особенности системно-статического плана деривации, но и отражает особенности обыденного языкового сознания, частью которого является лексико-деривационная языковая способность, и особенности реализации деривационных отношений в условиях речи. По данным «Деривационно-ассоциативного словаря» можно судить о способности языковой личности порождать дериваты различной степени сложности (от слова до текста); о реальных и потенциальных деривационных процессах, протекающих в языке и речи; о способах реализации системного потенциала языковых единиц; о стратегиях выбора того или иного слова в процессе речевой деятельности индивида и т.д.

На более общем уровне словарь может внести вклад в понимание глубинных деривационных процессов в речи. В литературе неоднократно высказывалась мысль о самодетерминации языко-речевой материи: тезис А.Р. Лурия о речемыслительном процессе как «влиянии» предыдущей фразы в последующую [39. С. 237]; положение Н.И. Жинкина о том, что всякое последующее в тексте является функцией предшествующего [40. С. 244–245]; замечание С.Д. Кацнельсона о нормальном ходе коммуникации как постепенном продвижении от известного к неизвестному [41]. «Говорящий может передать слушающему новую информацию, отталкиваясь от заранее известных последнему данных и сведений, ставших известными в ходе самой коммуникации» [42. С. 84].

На более поверхностном уровне словарь демонстрирует разнообразие реакций, что может стать важным материалом для исследований в самых различных аспектах.

Реакции отличаются друг от друга не только количественно, но и качественно. По существу, все реакции являются деривационными, поскольку представляют собой результирующий компонент деривации текста (высказывания). Однако реакции находятся в разных отношениях к стимулирующему материалу. Часть из них являются собственно семантическими ассоциациями, т.е. реципиенты реагируют на смысл ЛДК или на семантику его отдельных компонентов. Другая часть – это формально-семантические ассоциации, т.е. ассоциации, обусловленные не только семантикой, но и формой (структурой) элементов ЛДК, и слова-стимула в частности. О существовании чисто формальных ассоциаций следует говорить с достаточной степенью условности, поскольку в контексте формальная ассоциация получает семантическое наращение, не противоречащее общему смыслу высказывания.

Большой интерес для дериватологии представляет сравнение данных, полученных в результате ДАЭ, и данных по тому же слову, полученных в свободном эксперименте, поскольку такое сравнение может показать угол отклонения деривационного (направленного) ассоциирования от ассоциирования ненаправленного.

Механизм развития языко-речевой материи на основе предшествующей формально-семантической базы и включенность предшествующего в последующее мы связываем с суппозитивной функцией

единиц текста. Суппозитивная¹ функция всеобъемлюща по отношению к языко-речевой материи как в тексте, так и в словаре. Ранее мы связали ее с явлением мотивации – «...текстовая мотивация номинативных единиц, обеспечивающая «представительство» мотиватора в мотивате и, следовательно, возможность обратной трансформации, является лишь частным случаем универсальной суппозитивной функции» [30. С. 29]. Необходимость данной функции не исчезает с образованием (первичным, вторичным, третичным и т.д.) слова в тексте. Слово, несущее потенциал обусловливаемого и обусловливающего, в речевой деятельности оказывается вовлеченным в непрерывный деривационно-мотивационный процесс², в рамках которого осуществляется производимость означаемого, производимость «более высоких по рангу единиц» (предложений, текстов), в которых дериватизируются / функционируют мотивированные слова.

Особая тема – **варьирование** ЛДК в эксперименте. Цели и рамки статьи не предполагают представить ее с достаточной полнотой. Укажем лишь, что параметры варьирования, число которых в принципе не ограничено, определяют целевые установки исследования (подробнее см.: [10, 11, 14]). В тексте словаря каждый вариант ЛДК при слове-стимуле обозначается соответствующей цифрой-индексом. Лексико-деривационный эксперимент с ЛДК с ретроспективной направленностью позволяет ставить и решать вопрос о степени мотивированности слов на основании количества выходов формально-семантических ассоциаций. Большой интерес представляет различие типов актуализированных значений: сигнификативно-

¹ Термин «суппозиция» в значении «опираться на то, что известно адресатам» используется Б.В. Якушиным при описании создания языковых инноваций в первобытных обществах [44. С. 120]. Нами ранее было введено понятие суппозитивной функции – важнейшей функции языкового сознания, спроецированной на свойства языко-речевой материи, заключающейся в суппозитивном обеспечении процессов речевой деривации, в необходимой опоре деривации на данное, известное, во включении данного, известного в созданные в результате деривации речевые единицы [30. С. 14–15].

² Понятие непрерывного деривационно-мотивационного процесса введено нами для описания мотивационных процессов в лексике, которые рассматриваются в аспекте взаимодействия планов создания и функционирования слова. Планы создания и функционирования не разрываются и не противопоставляются, а выступают частями непрерывного деривационно-мотивационного процесса. Основой такого взаимодействия является «последовательная и попеременная смена звеньев от создания слова к его функционированию (слово является источником новых порождений) и параллелизм данных направлений» [30. С. 32–39]. См. также [43].

го, денотативного или ситуативного; понятийного или концептного; узуального или создаваемого для данной ситуации¹. Наконец, эксперимент и словарь имеют лингвоперсонологическую значимость: уже первые опыты осуществления лексико-деривационного эксперимента показывают возможность выявления разных типов языковой способности, в частности способности некоторой части носителей языка фиксировать внимание на внутренней форме слова, тогда как другая часть обнаруживает склонность к «незамечанию» внутренней формы, растворению ее семантики в актуальных смыслах слова и контекста. Весьма заметна и склонность одних носителей языка к употреблению в контекстах, провоцирующих новообразования, только узуальных слов, тогда как другая (меньшая) их часть весьма активно использует на выходе лексические окказионализмы. Значительным числом в эксперименте представлены описательные выходы (словосочетания, фразы), особенно активны они в ситуации открытого конца контекста стимула, возникающего в заданиях типа «продолжить фразу» (см. примеры в статье «ШКОЛЬНИК – (ШКОЛА)»).

Литература

1. Зайкова Е.С. Русская деривационная лексикография: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2008. – 23 с.
2. Голев Н.Д., Доронина Н.И. Деривационно-ассоциативный словарь русского языка // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания: сб. науч. тр. в честь профессора Л.А. Шкатовой. – Челябинск, 1999. – С. 276–282.
3. Доронина Н.И. Условия реализации деривационного потенциала слов русского языка (на материале деривационно-ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1999. – 24 с.
4. Дериватология и дериватография литературной нормы и научного стиля: сб. науч. тр. / под ред. Б.И. Барткова, Р.Г. Зятковской, Л.И. Минина; Академия наук СССР, Дальневосточный научный центр. Кафедра иностранных языков ДВНЦ АН СССР, 1984. – 205 с.
5. Блинова О. И. Лексикографический аспект сопоставительной мотивологии // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. С. 14–24.

¹ ЛДЭ ясно показывает, что заполнение пропуска – это не только процесс подбора подходящих единиц плана выражения, но и процесс создания означаемого, «вытекающего» из понимания всего контекста и органически «втекающего» в позицию пропуска, что является органической частью когнитивной гармонии и смыслового согласования при естественном текстопорождении. Е.Г. Гусар в своей диссертации [37], выполненной под нашим руководством, раскрывает механизмы, детерминирующие такие процессы.

6. Голев Н.Д. Словарь обыденных толкований русских слов: концепция, проект, опыты реализации // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н.Д. Голев. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 205–264.
7. Словарь современного русского языка: в 17 т. – М., 1951. – Т. 1–2.
8. Мейеров В.Ф., Шклярков В.Т. Русское слово в составе словообразовательного гнезда. – Вып. 1. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1979. – 224 с.
9. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1985. – Т. 1. – 855 с.; Т. 2. – 886 с.
10. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – 3-е изд. – М.: Культура и традиции, 1996. – 576 с.
11. Мотивационный диалектный словарь (Говоры Среднего Приобья): в 2 т. / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. – Т. 1. – 267 с.; Т. 2. – 243 с.
12. Кретов А.А., Матыцина Л.Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А.С. Пушкина: ок. 23.000 слов. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1999. – 208 с.
13. Антипов А.Г. Морфонологические модели русского словообразования (на материале метаязыковой фантазии коммуникантов) // Вестн. Кем. гос. ун-та. – 2010. – № 2. – С. 89–93.
15. Денисова Э.П. Экспериментальное моделирование иконичности словообразовательной формы производного слова (на материале окказиональной деривации) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. – М., 2011. – С. 317–380.
16. Жакупова А.Д. Информативные возможности многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря как словаря нового типа // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №3 (15). – С. 38–44.
17. Жакупова А.Д. Концепция многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря орнитонимов и фитонимов // Коммуникативные аспекты прагматики и текста. – Жешув, 2009. – С. 44–54.
18. Катышев П.А. Полимотивированность деривата как показатель интенсивности русского языкового мышления // Актуальные проблемы современного словообразования. – Томск, 2006. – С. 67–91.
19. Оленев С.В. Способы словообразования в лингвоперсонологическом измерении (на материале симулятивного психолингвистического эксперимента) // Кемеровская дериватологическая школа: традиции и новаторство. – М., 2011. – С. 266–280.
20. Савенко А.С. Лексикографический аспект явления мотивации слов // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. – 2009. – № 9. – С. 141–145.
21. Тубалова И.В. Отражение лексической мотивированности слова в показаниях языкового сознания // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее. – Томск, 1995. – Вып. 4. – С. 96–100.
22. Тубалова И.В. Показания языкового сознания как источник изучения явления мотивации слова: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1995. – 23 с.
23. Адилова А. Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – 24 с.
24. Голев Н.Д. Мотивационно-ассоциативный словарь: теоретические основания и лексикографическая концепция // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2011. – №3 (15). – С. 17–30.

25. *Голев Н.Д.* Лексикографирование мотивационного и лексического значений мотивированного (производного) слова // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Ч. 3. – Кемерово, 2010. – С. 246–251.
26. *Пересыпкина О. Н.* Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка (лексикографический и теоретический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. – 25 с.
27. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: Ленанд, 2012. – 198 с.
28. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков. Фитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: Ленанд, 2012. – 186 с.
29. *Восприятие лингвистических единиц как фактор формирования коммуникативных стереотипов: исследование по гранту в области гуманитарных наук при Уральском университете / науч. рук. Н.Д. Голев (Отчет № 02960001387 от 15 января 1996 г.).* Рукопись. 230 с.
30. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. – 252 с.
31. *Апресян Ю.Д.* Новый объяснительный словарь синонимов: концепция и типы информации // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – Вып. 1. – М., 1999.
32. *Очерки по лингвистической детерминологии и дериватологии русского языка / под ред. Н.Д. Голева.* – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. – 251 с.
33. *Голев Н.Д.* Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1994. – С. 83–85.
34. *Доронина Н.И.* О проекте «Словаря деривационных ассоциаций слов русского языка» // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: в 2 т. – Бийск, 1998. – Т. 2. – С. 290–295.
35. *Доронина Н.И., Москальчук Г.Г.* К вопросу о планировании лингвистического эксперимента // Художественный текст: варианты интерпретации. – Бийск, 1998. – С. 23–31.
36. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности // Вопросы языкознания. – 1984. – №4. – С. 19–26.
37. *Гусар Е.Г.* Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка): дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 1995. – 21 с.
38. *Лосев А.Ф.* Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 480 с.
39. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 320 с.
40. *Жинкин Н.И.* О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. – 1964. – №6. – С. 26–38.
41. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. – М., Л.: Наука, 1973. – 213 с.
42. *Гак В.Г.* К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследования. – М.: Наука, 1976. – С. 73–92.
43. *Трубников Ю.В.* Лексико-деривационные основания моделирования текста. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – 180 с.
44. *Якушин В.В.* Гипотезы о происхождении языка. – М.: Наука, 1985. – 185 с.

Л.П. Дронова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СВЕТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматривается вопрос о необходимости изучения изосемии (междialeктной и межъязыковой), необходимости, обусловленной современным уровнем гуманитарного знания, интересом лингвистики к взаимоотношениям языка и мышления: идеографическая систематизация словаря на основе новых информационных технологий может дать более полное представление о реализации семантического потенциала исторически засвидетельствованных лексем, изменении их системных характеристик в диалектно ограниченных подсистемах языка и – в целом – представление об исторической ретроспективе национальных моделей мировидения.

Ключевые слова: лексикография, синонимия междialeктная и межъязыковая (изосемия).

Последнюю четверть XX в. по праву называют «эпохой словарей» в нашей стране. Состоялось не только многообразное «ословаривание» русского языка в его современном состоянии, но достигнуты серьезные результаты в области диалектной и исторической лексикографии: значительно продвинулось издание «Словаря русских народных говоров», издание целого ряда серьезных лексикографических исследований отдельных диалектов (архангельских, вологодских, новгородских, псковских, орловских, пермских, среднеуральских, среднеобских и др.), на завершающем этапе находятся два фундаментальных исторических словаря русского языка – «Словарь древнерусского языка» (опубликовано 8 из 10 томов) и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (опубликовано 26 выпусков). Значимый вклад в отечественную диалектную лексикографию сделан томскими лингвистами, вклад, являющийся результатом, прежде всего, многолетней плодотворной работы сотрудников кафедры русского языка, начатой под руководством В.В. Палагиной и О.И. Блиновой и продолженной их учениками. Вклад томичей в создание исторических словарей – «Словарь разговорно-народной речи г. Томска XVII – нач. XVIII века» (под ред. В.В. Палагиной и Л.А. Захаровой).

Антропологически ориентированная современная лингвистика обратилась к изучению опредмеченного в языке мировидения, системы ценностей этноса. Дискретность понятия, глубина его осмысления, представленность оценочных параметров проявляются в плотности выражающего это понятие языкового поля. Формирование смыслового/семантического поля соотносится с проблемой диалектной вариативности национального языка, отражающей вариативность субкультурную. В этой ситуации особую актуальность приобретают теоретическая проработка и практическое (лексикографическое) решение проблемы диалектной синонимии (ср. начатую работу в этом направлении Г.А. Ракова [1]), так называемой междиалектной (межъязыковой) синонимии (изосемии).

Проблема междиалектной (межъязыковой) синонимии (изосемии), ее значимости в современных семантически ориентированных исследованиях была поставлена на XIII Международном съезде славистов (Любляна, 2003) в докладе С.М. Толстой «Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике»: «...нужды диалектологии, сравнительно-исторического, этимологического изучения славянской лексики ставят перед исследователями задачу разработки более строгого логического и терминологического подхода к явлениям так называемой междиалектной (межъязыковой) синонимии, лексических и семантических параллелей, моделей номинации (мотивационных моделей), поисков других регулярных межсистемных семантических отношений. Диалектные словари и атласы разного профиля и масштаба, этимологические словари и специальные лексикологические исследования славянских языков создают для этого богатую эмпирическую основу и содержат ценные частные наблюдения, ожидающие систематизации и теоретического осмысления» [2. С. 550]. В своем докладе С.М. Толстая приводит яркие примеры эвристичности учета явления семантического параллелизма при реконструкции промежуточных звеньев семантических цепочек – мотивационных моделей (например, глаголы *jigrati и *gul'ati, являющиеся для некоторых славянских ареалов типичными междиалектными синонимами и имеющие «перекрестные» основные значения, обнаруживают несколько семантических сфер, в которых они оказываются эквивалентными; слова *труд* и *мука*, семантически не соотносительные в современном употреблении, в общеславян-

ской перспективе оказываются параллельными в нескольких показательных контекстах и т.п.).

Языковая картина мира отражает восприятие мира носителями данной культуры, но отражение мира в сознании человека и его кодировка языковыми средствами не являются механическими, а носят творческий (и поэтому в известной мере субъективный) характер. Развивающую идею В. фон Гумбольдта о создании сравнительной антропологии исследование «стереотипов» культурного сознания и реконструкция языкового сознания народа предъявляют особые требования к семантической стороне языковых знаков, их принадлежности к единому смысловому пространству (ср. мысль В. фон Гумбольдта, что предмет сравнительной антропологии – вопрос о том, как человек мыслит, чувствует, эмоционально реагирует и действует в условиях различных культур). Актуальность теоретической проработки и практического, лексикографического, решения проблемы так называемой междиалектной (межъязыковой) синонимии (изосемии) и в том, что выделение наряду с типичными семантическими моделями и их вариантами «периферийных» или нетипичных моделей требует усиления культурологической составляющей исследования, иначе говоря, выхода из сферы отношений языка и мышления в сферу отношений языка и культуры.

При всей актуальности, значимости описания междиалектной (межъязыковой) изосемии как для синхронных, так и для диахронных исследований в мировой лексикографической практике не существует других работ, кроме «Словаря избранных синонимов индоевропейских языков» К. Бака (Buck C.D. A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages. A contribution to the history of ideas. Chicago, 1949). Без системно построенной работы в этом направлении, масштабной по объему и значимости, не будет прочного фундамента и для предлагавшихся и предлагаемых проектов словарей/каталогов семасиологического характера (ср. работы О.Н. Трубачева [3. С. 311–318], Анны А. Зализняк [4. С. 13–25]) и даже исторического словаря (ср. проект Е.Э. Бабаевой, А.Ф. Журавлева, И.И. Макеевой «Исторический словарь современного русского языка» [5. С. 34–46]).

Современный уровень науки о языке, ее антропологическая ориентированность требует практического решения еще одной лексикографической проблемы. Исследователи неоднократно отмечали, что

алфавитный словарь – это случайный лексический массив (В.В. Морковкин), поскольку в сознании и, следовательно, в языке слова упорядочены путем вхождения в некий понятийный ряд, лексико-семантическую или тематическую группу. Эта проблема особенно отчетливо прозвучала на Международной научной конференции «Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы» (Москва, 2003): «...совершенно очевидно, что логическим продолжением развития русской исторической лексикографии – после алфавитного описания – должно стать тематическое (или идеографическое) представление лексического материала» (доклад М.И. Чернышевой [6. С. 336]).

В настоящее время на материале «Словаря русского языка XI–XVII вв.» проведена экспериментальная разработка двух тем для тематического исторического словаря русского языка – «Наименования кушаний» и «Наименования одежды», также разработан проект проведения на базе существующей Картотеки выписок из памятников письменности XI–XVII вв. (так называемой ДРС) серии историко-тематических исследований, осуществляемых с привлечением новых информационных технологий. В качестве объекта опытного исследования выбрана тема «Человек» в древнерусских и христианско-византийских памятниках», часть первая этого исследования включает в себя названия частей тела (внешний облик человека) [7. С. 60].

Принципиальное отличие электронной разработки исторического тематического словаря состоит в возможности включить не выборочные, а все материалы, имеющиеся в Картотеке. «Словарь русского языка XI–XVII вв.» привлекает только 25% общего объема картотечных запасов, три четверти материала остаются не включенными в научный оборот. Особенно страдают от неполноты подачи материала многозначные слова (например, к слову *свѣтъ* включено 83 цитаты, имеющихся в картотеке) [8. С. 338]. Полнота представления материала позволит использовать картотечный массив и для других, не только собственно лексикографических целей.

Вся информация словарной статьи в словаре нового формата будет распределена по нескольким разделам: «Картотека» – полный картотечный массив на данное слово темы, «Словари» – копии словарных статей исторических словарей на данное слово, «Выписки» – первичная обработка материала, в табличном варианте отмечающая

сочетаемость, вид употребления лексемы, комментарий, «Хрестоматия» – набор расширенных контекстов по выбранной теме, «Исследование» – собственно авторское видение истории развития семантики данного слова внутри выбранной темы, «Указатель источников» и «Библиография» [Там же]. Создание такого типа электронного ресурса – принципиально новый этап представления исторического материала: он позволяет соединить результаты работы лексикологов, лексикографов, источниковедов, историков языка и историков культуры.

Именно исследование современной – лексикографически зафиксированной и дополненной в электронном варианте имеющимися в Картоотеках контекстами – междиалектной синонимии может дать более полное представление исторической ретроспективы (ограниченное жанрово-тематическим своеобразием ранних текстов истории русского языка), показать дальнейшую реализацию семантического потенциала исторически засвидетельствованных лексем, изменения их синтагматических и парадигматических характеристик в диалектно ограниченных подсистемах языка. Такой подход к проблеме синонимии позволит показать возможную вариантность исходной семантической модели и, следовательно, стать основанием для разграничения традиционного и нового, определения исторических вех формирования неких общих тенденций в семантическом развитии как лексико-семантических групп (полей, парадигм), так и лексико-грамматических классов.

Вне зависимости от того, что одни из словарей должны являть собой синхроническое описание (изосемия междиалектная/межъязыковая и тематическая группировка), а вторые давать историческое представление материала русского языка, и те и другие могут быть способом антропоцентрического освещения фактов языка, представлением триады «язык – мышление – действительность/культура». Подобные исследования позволяют проследить как синхроническую вариативность лексем, так и диахроническую, которая берет свое начало в функциональной, социальной и географической дифференциации языковых явлений конкретной языковой системы, а также могут послужить ключом для решения частных проблем лексикологии – разграничения видов омонимии, энантиосемии и генетической омонимии [9].

Основой для работы по междиалектной и межъязыковой синонимии и идеографической систематизации в настоящее время могут стать диалектные словари и атласы разного профиля, этимологические словари нового поколения (реконструирующие и семантические отношения), систематизация результатов многочисленных лексикологических исследований, направленных на изучение лексико-семантических полей на диалектном материале или сопоставляющих данные литературного языка и его диалектов в рамках национального языка. В таких исследованиях представлена, как правило, и синтагматика и парадигматика исследуемых лексем. Даже если это изучение синонимии исторически ориентированное, начальный этап анализа предполагает определение лексического состава, границ лексико-семантического поля. Кроме того, есть немало работ по исторической лексикологии, авторы которых в рамках определенной лексической группы исследуют междиалектную синонимию на более широком фоне родственных языков (межъязыковая изосемия), прежде всего в тех случаях, когда единицей описания является этимологическое гнездо (например, в недавно защищенной в МГУ диссертации С.А. Мельниковой на материале почти трех тысяч лексических единиц, полученных методом сплошной выборки из полных и авторитетных словарей литературного языка, диалектных и исторических словарей, решалась задача определения мотивационных и генетических характеристик лексико-семантического поля «Сила, здоровье / слабость, болезнь» в русском языке [10]).

Проблема исследования междиалектной и межъязыковой синонимии и проблема тематического (или идеографического) представления лексического материала – это проблемы одного ряда, следствие ощущающейся необходимости эмпирической базы при создавшейся возможности и необходимости (в первую очередь вследствие развития когнитивной семантики) исследования языка на такой глубине, где недостаточно анализа отношений в одной системе, требуется видение межсистемных связей, где задействованы традиционно обусловленные и контактно (субкультурно) привнесенные отношения, их результаты.

Таким образом, междиалектный и межъязыковой подход к проблеме синонимии, идеографическая систематизация словаря на основе новых информационных технологий позволят привести более

полную лингвистическую аргументацию в воссоздаваемой эволюции национальных моделей мировидения.

Литература

1. Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1988. – 271 с.
2. Толстая С.М. Семантическая реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. – М., 2003. – С. 549–563.
3. Трубочев О.Н. «Молчать» и «таять»: О необходимости семасиологического словаря нового типа // Труды по этимологии: Слово. История. Культура. – Т. 1. – М., 2004. – С. 311–318.
4. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопр. языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.
5. Бабаева Е.Э., А.Ф. Журавлев, И.И. Макеева. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопр. языкознания. – 1997. – № 2. – С. 34–46.
6. Чернышева М.И. Тематические исследования в русской исторической лексикологии и лексикографии // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. – М., 2003. – С. 336–338.
7. Чернышева М.И., Филитович Ю.Н. Историко-лексикологическое (тематическое) исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии // Вопр. языкознания. – 1999. – № 1. – С. 56–83.
8. Чернышева М.И. Тематические исследования в русской исторической лексикологии и лексикографии // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф. – М., – 2003. – С. 336–338.
9. Дронова Л.П. Прилагательное *благой* в историко-культурном контексте // Изв. Урал. гос. ун-та. – 2005. – № 39. Гуманитарные науки, вып. 10. – С. 185–190.
10. Мельникова С.А. Мотивационная и генетическая характеристика лексико-семантического поля «СИЛА, ЗДОРОВЬЕ / СЛАБОСТЬ, БОЛЕЗНЬ» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2011. – 24 с.

О.В. Фельде

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОГРАФИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА:
ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

В статье устанавливается статус исторической терминологии русского языка, кратко характеризуются основные этапы становления данной отрасли, дается классификация исторических словарей специальной лексики по предметной ориентации, назначению, объему и порядку расположения словарных статей. Определяются актуальные задачи лексикографического описания терминов, прототерминов, предтерминов, терминоидов и профессионализмов. Особо подчеркивается необходимость создания словарей активного типа, ориентированных не только на фиксацию семантического содержания, но и на отражение динамики специального слова.

Ключевые слова: историческая терминология русского языка, специальная лексика прошлых эпох, словари, типология.

Исторической терминологии отводится особая роль в системе гуманитарных наук. Решая теоретические и практические задачи фиксации специальной лексики прошлых эпох, она способствует успешному развитию исторической лексикологии, терминоведения, диалектологии, лингвистического источниковедения и других научных дисциплин, объектом исследования которых являются лексические единицы языка в их истории и современном состоянии. Исторические словари специальной лексики носят ярко выраженный инвентаризационный характер и, как правило, имеют этнокультурологическую направленность. Они отражают историю того или иного подъязыка, фиксируют динамику номинативных процессов в хронологических пределах от известной или условной даты возникновения изучаемой сферы человеческой деятельности до начала современного периода её развития и т.п. В них находят отражение характерные особенности научной, экономической, общественно-политической, культурной жизни наших предков, а также этапы накопления научных знаний о материальном и духовном мире. Именно поэтому потребность в таких словарях испытывают не только ученые, изучающие историю русского языка и культуры, но и любознательные люди разных возрастов и профессий. Своеобразие исторической терминологии как отрасли лингвистики заключается

также в том, что она активно взаимодействует с широким кругом научных дисциплин. Само существование исторической терминологии невозможно без опоры на понятийный аппарат многообразных областей человеческих знаний и практической деятельности. Число наук и отраслей, обеспечивающих материал для исторической терминологии, увеличивается с каждым годом.

Истоки зарождения русской исторической терминологии относятся к концу XVIII столетия, когда в общественном сознании стал утверждаться исторический взгляд на мир. Пробуждению интереса к минувшему, в том числе и к языку предков, способствовала цивилизационная парадигма романтизма, которая идеализировала уклад жизни отдаленных эпох. В 1791 г. во втором издании «Древней российской вивлиотики» (Ч. 20. С. 131–277) выходят два объяснительных историко-терминологических словаря: «Историческое известие об упомянутых старинных чинах в России» и «Московские старинные приказы», в которых фрагментарно отражена общественно-политическая и административная терминология XV–XVII вв. Эти лексикографические публикации вызвали большой интерес у современников. В дополненном виде они переиздавались в 1793 и 1825 гг. Одним из родоначальников исторической терминологии можно считать В.Н. Татищева, автора неоконченного «Лексикона российского исторического, географического, политического и гражданского» (СПб., 1793. Ч. 1. 312 с.; Ч. 2. 216 с.; Ч. 3. 218 с.). Традиция лексикографического описания «многих древностей российских» была продолжена в XIX в. А.В. Висковатовым, А.Ф. Вельтманом, П.М. Строевым, И.И. Срезневским (подробнее см.: [2. С. 30–39]). Наибольшую известность получил словарь военного историка А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск», который издавался в 30 частях с 1841 по 1862 г. Этот труд был удостоен Академией наук Демидовской премии. В рецензии, написанной по этому случаю, отмечалось, что словарь Висковатова «...делает понятным названия, встречающиеся в летописях и других источниках и доселе остававшихся темными и недоступными <...> сочинение это возвращает отечественному языку множество слов, которые или вовсе для него были утрачены, или понимались в превратном смысле» (цит. по кн.: [3. С. 333]). Первые историко-терминологические словари имели много общего с энциклопедическими справочниками, в них преобладал описательный способ толкования слов, а также сообщались раз-

нообразные энциклопедические сведения о предмете лексикографирования.

Примерно в середине XX в. начался принципиально новый этап развития исторической терминологии, ознаменованный её включением в парадигму прикладной лингвистики. С этого времени предметом исследования русской исторической терминологии стали профессиональные подсистемы русского языка прошедших веков. Объектом исследования исторической терминологии выступает специальная (профессиональная и терминологическая) лексика различных отраслей культуры, науки, промышленного производства, промыслов и ремесел в её становлении и развитии. К числу основных задач этой отрасли русистики относятся отражение истории того или иного подязыка; фиксация его словарного состава на ранних этапах развития терминосистемы; показ динамики номинативных процессов в хронологических пределах от известной или условной даты возникновения изучаемой отрасли знаний (сферы деятельности) до начала современного периода её развития.

Конкретные хронологические рамки исторического словаря специальной лексики опираются на «внутреннюю логику развития языка» [4. С. 12] и логику развития изучаемой отрасли науки, культуры, техники или производства. Они могут охватывать и длительный период развития терминосистемы, и какой-либо этап её становления. Например, «Материалы для словаря терминов русской иконописи» Н.А. Замятиной включают лексику XI – нач. XX в.; «Словарь золотого промысла Российской империи» О.В. Борхвальдт – специальные наименования XVIII–XIX вв.

В настоящее время исторические словари специальной лексики русского языка отличаются достаточным разнообразием типов. Как показывает практика, тип терминологического словаря определяется прежде всего авторской установкой и элементами макрокомпозиции словаря. По предметной ориентации выделяются межотраслевые, отраслевые и узкоотраслевые словари. По назначению – энциклопедические, толковые и толковые с элементами энциклопедического описания. По объёму – большие, средние, малые и словарно-минимумы. В зависимости от порядка расположения словарных статей выделяются алфавитные, алфавитно-гнездовые, идеографические словари.

По-прежнему востребованными остаются историко-терминологические словари энциклопедического типа. Они могут фиксировать как лексику одной отрасли или группы родственных отраслей (например: Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 т. / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1987–1989), так и лексику разнообразных специальных сфер (Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1 (А–Г) и др.). Растет популярность также историко-терминологических словарей собственно лингвистического типа. В настоящее время они подразделяются на следующие жанровые разновидности: 1) *исторические толковые многоотраслевые и узкоотраслевые словари* (Борхвальдт О.В. Словарь золотого промысла Российской империи. М., 1998; Гладиллина Г.Л. Исторический словарь лексики лесного сплава. – Красноярск, 2008 и др.); 2) *исторические словари одной терминологической микросистемы* (Шкатова Л.А. Словарь названий мастеровых и служилых людей уральских горных заводов XVIII в. Свердловск, 1987); 3) *исторические идеографические словари* (Борхвальдт О.В. Идеографический исторический словарь золота и золотых сплавов. Красноярск, 1999); 4) *словари вхождений терминов* (Барутчева Е.А. Словарь вхождений заимствованных архитектурных терминов кон. XVII–XVIII вв. М., 1984); 5) *историко-терминологические словари одного письменного памятника* (Туркин В.Н. Терминологический словарь «Русской правды». М., 1953); 6) *историко-терминологические словари одной языковой личности* (Шафрановский И.И., Хабаков А.В. Указатель устаревших научно-технических терминов, встречающихся в работах Ломоносова // Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 5: Труды по минералогии, металлургии и горному делу 1741–1763 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 726–734); 7) *исторические региональные словари специальной лексики* (Полякова Е.Н. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII в. Пермь, 1972). Отметим также, что в приложениях к некоторым диссертационным работам по исторической лексикологии и терминоведению содержатся глоссарии, словарные списки специальной лексики XI–XIX вв. с элементами толкования.

Начало XXI столетия – это период интеграции лингвистических дисциплин и укрепления когнитивной парадигмы. Общенаучные тенденции повлияли на процесс взаимодействия словарей разных

типов и жанров, предопределили поиск новых форм и приёмов лексикографической фиксации специальной лексики русского языка. Это привело к появлению инновационных лексикографических концепций. Одна из них представлена во введении к комплексному диакроническому словарю хозяйственного освоения Приенисейской Сибири XVII–XIX вв. Этот готовящийся к печати пятитомный труд сочетает в себе черты словарей разных типов: энциклопедического, идеографического, ономастического, толкового отраслевого и страноведческого. Именно такие издания могут дать представление о формировании подязыков и их системно-структурных особенностях, о специфике регионального языкового существования человека, о наивной картине мира, запечатленной в «своеязычных» терминологиях и профессиональном просторечии.

Комплексный словарь способен воплотить идеи современной лексикографии о создании словарей активного типа, ориентированных не только на фиксацию семантического содержания, но и на отражение динамики специального слова, ступеней его терминологизации. Кроме того, он поможет решить проблемы подготовки неалфавитных многоаспектных словарей с семантическим принципом организации словников и усиления их социокультурного компонента. Это в полной мере соответствует актуальной задаче интегрального описания языка, при котором слово представляется не только как лингвистическая единица, но и как элемент, связанный с духовной и материальной культурой этноса. Специалистам в области исторической терминографии в ближайшие годы предстоит решить и ряд других важных задач: требуется дальнейшая разработка теоретических основ лексикографического описания различных разрядов специальной лексики русского языка XI–XVII и XVIII – нач. XX в.; необходимо лингвоисторико-лексическое обследование письменных памятников, прежде не вовлекавшихся в лингвистический оборот; составление электронных картотек и внедрение в оборот компьютерных методов исследования и лексикографической фиксации лексики прошлых эпох; актуально создание словарей, максимально отражающих лингвистическое и функциональное многообразие специальной лексики в её историческом развитии.

Литература

1. *Богатова Г.А.* История слова как объект русской исторической лексикографии. – М.: Наука, 1984. – 253 с.
2. *Борхвальдт О.В.* Русская терминография в историческом аспекте. – Красноярск: Платина, 1998. – 105 с.
3. *Кауфман И.М.* Терминологические словари. – М.: Сов. Россия, 1961. – 419 с.
4. *Сорокин Ю.С.* Что такое исторический словарь? // Проблемы исторической лексикографии. – Л., 1977. – С. 4–27.

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

УДК 811.161.1

О.И. Блинова

К ИСТОРИОГРАФИИ ТИПОВ МОТИВАЦИОННЫХ СЛОВАРЕЙ

Статья посвящена историографическому представлению мотивационных словарей – словарей нового типа, отражающих различные аспекты мотивологии: онтологический, сопоставительный, функциональный, социовозрастной, терминологический. «Инвентаризации» подверглись, наряду с опубликованными словарями, фрагменты мотивационных словарей, заслуживающие внимания лексикографов как словарные труды ближайшего будущего. Охарактеризованы следующие типы мотивационных словарей: толковые, категориальных единиц мотивологии, толково-сопоставительные (двуязычные и многоязычные), толково-функциональные, полисистемный, терминологические.

Ключевые слова: типы мотивационных словарей.

«**Р**усская лексикография XX в. представляет собой новый этап в истории отечественной лексикографии, продолжающий и развивающий лучшие традиции словарного дела в России» [1. С. 37]. Авторы этих строк, конкретизируя сказанное, отмечают: «Во второй половине XX в. родились и принципиально новые лексикографические жанры» [1. С. 257]. О них и пойдёт речь в последующем изложении – о серии мотивационных словарей, отражающих одно из ведущих лексических явлений языка – явление мотивации слов [2].

Предыдущая публикация о типах мотивационных словарей датируется 2004 г. [3. С. 35–40]. Она является неполной, поскольку включает только изданные к 2002 г. словари. Рукописные мотивационные словари и словарики разных жанров, помещённые, как правило, в кандидатских и докторских диссертациях, а также опубликованные мотивационные словари после 2002 г. не представлены в печати в историографическом освещении. Настоящая статья заполняет образовавшуюся лакуну.

Избранная тема – историография словарей – предполагает анализ ряда подтем, включающих этапы создания словаря: концепция словаря, материалы и источники, терминологический аппарат, методы и приёмы отбора слов, систематизация полученных данных, со-

ставление картотеки, написание словарных статей, определение информативных возможностей словаря. В статье даётся предельно краткая ознакомительная характеристика мотивационных словарей с учётом их типов и времени издания или составления.

МОТИВАЦИОННЫЙ СЛОВАРЬ (МС) – тип словаря, в котором представлены категориальные единицы мотивологии: мотивированные и полумотивированные слова, мотивационные парадигмы, мотивационные блоки, внутренняя форма слова, мотивировочные и номинационные признаки, лексические и структурные мотиваторы и т.д. – в полиаспектном освещении. В отечественной лексикографии разработаны концепции нескольких типов МС: толковый, толково-сопоставительный, толково-функциональный, МС категориальных единиц мотивологии (внутренних форм слова, лексических мотиваторов, регулярных формантов, ремотиваторов, демотиваторов и др. [2. С. 163–180; 3. С. 35–40; 4. С. 13–53; 5. С. 108–110].

1. **Толковый МС (ТМС)** – тип МС, цель которого – дать толкование лексикографируемых единиц мотивологии с учётом их категориальной специфики.

1. Опыт диалектного мотивационного словаря (на материале среднеобских говоров) / сост. О.И. Блинова. Томск, 1974 [6. С. 202–251].

Фрагмент МС представляет первый опыт данного лексикографического жанра в лингвистике. Он был задуман и выполнен как один из источников исследования лексического явления мотивации слов, чему посвящена 3-я глава докторской диссертации О.И. Блиновой. Лексикографическая форма представления актуализации мотивационных отношений лексических единиц (ЛЕ) предусматривала участие в структуре словарной статьи трех компонентов: мотивируемой ЛЕ (ей отводилась роль заглавного слова) и мотивирующих её слов: лексического (ЛМ) и структурного (СМ) мотиваторов. Так реализовался замысел первого МС. Образец словарной статьи:

ЕЛАЧ, а или у, м. Ельник.

ЛМ: ель, еловый. – Елач – это ельник, пошти что одна ель растёт (Том. В.-Кет. М. Яр).

СМ: кедрач ‘кедровый лес’, пихтач ‘пихтовый лес’ и под. – Елач, кедрач, пихтач – это чернолес (Том. В.-Кет. Мох.) [6. С. 216].

Словарная статья МС предельно краткая: даны самые необходимые сведения – избирательно грамматические пометы (только у заглавного слова), толкование значения заглавного слова и СМ, контекст с актуализацией мотивационных отношений и локальные пометы с указанием области, района, села. МС включает 360 словарных статей на все буквы алфавита – от А (*абыз* ‘сердитый человек’) до Я (*яманий* ‘сделанный из меха «ямана» (козла)’) – и на слова всех частей речи. Несмотря на минимальное число компонентов в структуре словарной статьи (их три: заглавное слово, лексический и структурный мотиватор, а в современных МС их число достигает 10 и более компонентов), «Опыт мотивационного диалектного словаря», сыграв роль первенца, заложил основы мотивационной лексикографии.

2. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой (Томск, 1982. Т. 1: А–О; 1983. Т. 2: П–Я) (МДС) [7. Т. 1, 2] – первый из серии опубликованных толковых МС в отечественной и зарубежной лексикографии. Принадлежит к разряду словарей системного типа, словарь фиксирует малоисследованный в лексикологии вид лексических связей – связей мотивационных, в процессе актуализации которых выявляется одно из важнейших свойств слова – его мотивированность. Двухтомный МДС охватывает около 2000 словарных статей, расположенных, как и во всех МС, в алфавитном порядке. Словарная статья строится в соответствии с концепцией словаря [7. Т. 1. С. 6–15], сохраняющей преемственность «Опыта диалектного мотивационного словаря», существенно дополненного за счёт: а) введения толкования значения заглавного слова, содержащего мотивировку; б) расширения иллюстративной зоны словаря; включающей тексты и метатексты; в) статистических данных. Образец словарной статьи МДС:

ПРОМОИНА, ы, ж. и ПРОМЫВИНА. Впадина в земле, промытая дождевыми и тальными водами.

ЛМ: мыть ‘образовывать что-л. течением’ (1) и – вымыть (вымывать) (4), промыть (промывать) (21), размыть (размывать) (2).

СМ: вымоина (1), котловина (1), низина (1), рытвина (1), ямина (1) – названия впадин.

– *И вот бегут ручьи и промоину промывают* (Кем. Ягун.). *От речки промывина прошла, метров сто пятьдесят – это буграк. Вода с лугов в речку промывала, промывала* (Юрг. Том.). *Когда снег тает, вода скопляется и идёт низиной. Размывает её и промоина получается* (Юрг. Иск.) [7. Т. 2. С. 97–98].

При составлении МДС использована уникальная фактическая база: материалы диалектологических экспедиций ТГУ за 1946–1981 гг., словарные картотеки, в том числе картотека МДС (свыше 80 тыс. карточек), опубликованные и рукописные среднеобские словари, включая 11 МС (дипломные сочинения), показания метаязыкового сознания носителей среднеобской диалектной группировки [7. Т. 1. С. 14–16]. Лексикографическое исследование десятков тысяч контекстов в МДС дало положительный эффект: прошли апробацию ранее предложенные термины мотивологии, введены новые термины, разработаны принципы толкования заглавных слов с опорой на мотивационное значение, возникли идеи создания МС иных типов [2. С. 163–180; 3. С. 35–36; 5. С. 149–150; 8. Т. 1. С. 9–14; 9. С. 6–7; 10. С. 125–131].

3. Мотивационный словарь Нарымского говора / сост. В.Г. Наумов. Томск, 1985 [11. Прил. 1. С. 220–275].

Нарымский МС составлен на базе обширной картотеки в 80 тысяч карточек, отражающих русский старожильческий говор ряда сёл Парабельского района Томской области. Источники картотеки – материалы диалектологических экспедиций Томского университета (1946–1984 гг.) и записи говора, сделанные В.Г. Наумовым (1977, 1980–1983 гг.). Словарь повторяет структуру словарной статьи МДС. Фрагмент представляет отрезок А–Г (*аккуратистка – гусятничать*), включающий 204 словарные статьи. В их числе много новых словарных статей, отсутствующих в МДС.

4. Фрагмент мотивационного словаря орнитонимов русского языка / сост. А.Д. Адилова. – Томск, 1996. [25. Прил. 1. С. 226–240].

Толковый МС одной тематической группы – наименований птиц, положивший начало серии разных типов МС, посвященных орнитонимам. МС составлен на материале русского литературного языка. Образцом для него послужил МДС (1982–1983), словарная статья которого в соответствии со сложившейся традицией была дополнена рядом новых параметров, характеризующих заглавное слово (была введена внутренняя форма слова (ВФС) с её составляющими, типы ВФС), и сопутствующих ему сведений (орнитологическая справка, показания метаязыкового сознания (ПЯС), количество опрошенных информантов).

Фрагмент МС в прил. 1 делится на 2 части: в первой дан словник заглавных лексических единиц словарных статей из 264 наименова-

ний птиц [С. 226–227], во второй части – 26 образцов словарных статей [С. 229–240]. Один из них:

Горихвостка. Певчая птица семейства дроздовых, с рыже-красным хвостом.

ЛМ: «горит» хвост

СМ: галКА, красноармейКА, сойКА

ПЯС: ‘с ярким хвостом, который как бы горит’(20)

Невариантная, нелексикализованная, метафорическая.

Орнитологическая справка: «птичка <...> часто подёргивает хвостиком, отчего вспыхивают, обнажаясь, пурпурные тона оперения (хвост горит багряными красками заката, поэтому птичка и получила своё название – горихвостка» [Жизнь животных, с. 406] [25. С. 230].

Включение в структуру словарной статьи МС орнитонимов дополнительных параметров, во-первых, обеспечило комплексную характеристику заглавных слов, закрепило практику многопараметрового мотивационного анализа в словаре толкового типа; во-вторых, расширило информативные возможности толкового словаря, в-третьих, подтвердило его антропоцентрический характер.

5. Мотивационный словарь профессиональной лексики алюминиевой промышленности / сост. Е.А. Штейнгарт. Красноярск, 2005 [12. С. 152–159].

Словарь представляет новый тип терминологического словаря. Его цель – отразить мотивационные отношения специальных наименований, используемых в профессиональном просторечии работников Красноярского алюминиевого завода.

Теоретическая база МС та же, что и для МДС. Специфика словаря: значительное количество двусловных наименований наряду с однословными, включение в заглавную зону мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ), тематически-алфавитный порядок представления словарных статей. Образец словарной статьи:

РАССОЛ, а, м. Жидкий электролит (отклонение от нормы).

МФ: РАССОЛ.

МЗ: '< нечто, такое же жидкое, как > рассол'.

ЛМ: *рассол* 'жидкость, насыщенная соками засоленных в ней продуктов'.

6. Мотивационный словарь детской речи / авт.-сост. К.В. Гарганеева. Томск, 2007 [13].

Первый МС детской речи, охватывающий 530 словарных статей, которые, сохраняя строение словарной статьи МДС, включают дополнительные компоненты: наряду с толкованием заглавного слова, как оно понимается ребёнком, внесено толкование узувального лексического значения (УЛЗ), введена ВФС, высказывание ребёнка сопровождается указанием его имени и возраста, источника высказывания, введена новая помета «фонетический мотиватор», которая приводится для слов, обладающих в восприятии детей звукоподражательным эффектом. Образец словарной статьи:

ЗАКРУТКА. Инструмент, которым закручивают гайки; отвёртка.

УЛЗ. Машинка для закручивания крышек на банках при консервировании овощей, фруктов (разг.).

ЛМ: закручивать

СМ: отвёртКА

ВФС МФ: закрут/ка
МЗ: 'то, <чем> закручивают гайки'.

– Мама: *кто-нибудь видел, где моя закрутка?* – Ребёнок: *У папы, в гараже.* – Мама: *И что она там делает?* – Ребёнок: *Гайки закручивает* (Рома, 3 года 7 месяцев) [13. С. 54].

Словарь демонстрирует стремление детей к гармонии звучания и значения слов, к их прозрачности, о чём свидетельствуют следующие реплики: *Почему «перчатки»? Надо [называть] «пальчатки»: они же на пальцы надеваются. // Не «ногти», а «рукти»: это на ногах – ногти, а на руках – рукти.* В детской речи наиболее ярко, активно и последовательно проявляется тенденция к мотивированности языкового знака, что и иллюстрирует словарь. О структуре словаря см. Введение к словарю [13. С. 5–17].

7. Мотивационный словарь сибирского говора / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко. Томск, 2009. Т. 1: А–О. 372 с.; 2010. Т. 2: П–Я. Послесловие. 310 с. [8. Т. 1–2]) (МССГ).

Объект лексикографического исследования – говор села Вершинино Томского района Томской области и прилегающих к нему сёл Батурино и Ярское. Это один из самых лексикографически изученных говоров России: источники МСС составляют 9 опубликованных словарей (21 словарный том) и 6 рукописных дипломных сочинений, представляющих фрагменты МС вершининского говора; их авторы-составители А.А. Алексеева, Т.В. Козловская, Е.В. Крысова, Д.О. Сидорко, И.Г. Суховарова, Е.Н. Харитоновна. МССГ наследует концепцию МДС, сохраняя ту же структуру словаря и структуру словарной статьи. Образец словарной статьи:

МАСЛЕННИКИ, мн. и МАСЛЁНКИ, МАСЛЯНКИ, ед. МАСЛЕНИК, МАСЛЁНОК. Грибы маслята со слизистой, маслянистой кожицей на шляпке.

ЛМ: масленый ‘как бы покрытый слоем масла’ и – масло.

СМ: беянки, бычки, волнушки, опёнки, рыжики – названия грибов.

– Масленик жёлтенький, на ём как масло на корочке. // Белы грибы, маслёнки, маслены они. Вот такой грибочек, их почистишь – он масленый, жёлтенький. // Ох, раньше маслят было – лопатой гребил! <...> Грибов возили: масленники, бычки, опёнки, маслята, черниги много. // И маслята, и рыжики есть, ну есть и опяты, и вообще каких только нету грибов всяких [8. Т. 1. С. 271–272].

МССГ включает около 5 000 словарных статей, содержащих свыше 20 000 слов вершининского говора, связанных мотивационными отношениями. Главный итог: в научный обиход впервые вводятся значительные лексикографически систематизированные данные для мотивологии, тысячи свидетельств проявления обыденного метаязыкового сознания рядового носителя народно-разговорного языка, представляющих источник для многоаспектного исследования самого явления мотивации как научного феномена и как феномена народной речевой культуры (см.: [8. Т. 2. С. 295–306]).

II. МС категориальных единиц мотивологии отражает отдельные компоненты её терминосистемы.

9. МС внутренних форм слова – тип МС, фиксирующего ВФС в её речевом и языковом проявлениях. Назначение словаря – отразить явление варьирования ВФС, обусловленное его полимотиваци-

ей в разных контекстах. Например, слово *валёжина* в диалектной речи актуализуется с разными лексическими мотиваторами – *лежит, валяется, повалена* – ВФС предстаёт в разных вариантах: *ВАЛЁЖИНА* ‘дерево, <которое> лежит’, *ВАЛЁЖИНА* ‘дерево, <которое> валяется’, ‘дерево, <которое> повалено’. В связи с этим появляются две категориальные единицы – речевая ВФС и узальная ВФС как результат обобщения речевых ВФС.

Существуют 2 МС ВФС.

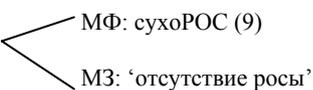
9а. МС внутренних форм слова в говорах Среднего Приобья / сост. О.И. Блинова. Томск, 1980–1987 [37. С. 162–168; 3. С. 39–40].

Согласно разработанной составителем концепции словаря структура его словарной статьи включает: 1) заглавное слово – мотивированное или полумотивированное, грамматические пометы, толкование значения; 2) ЛМ; СМ; 3) речевые, или контекстные, ВФС, каждая из которых сопровождается числовым индексом и контекстами; 4) языковую ВФС. Образец словарной статьи:

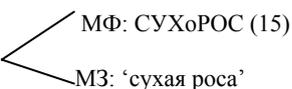
СУХОРОС, а, м. Отсутствие росы по утрам.

ЛМ: роса (9), сухой ‘невлажный’ (3) и – сухо (3).

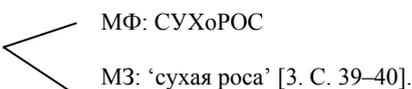
СМ: суховей ‘сухой горячий ветер’ (2).

ВФС₁ МФ: сухоРОС (9)
МЗ: ‘отсутствие росы’

– *Бывает так, что роса – как по воде идёшь, а если мало-мало – и ешь сухорос. Смотри, сегодня сухорос: ничё росы нет.*

ВФС₂ МФ: СУХоРОС (15)
МЗ: ‘сухая роса’

– *Когда встанешь, росы нет, сухо всё – сухорос. Сухорос бывает летом же. Если утром нет росы, говорят: «Сёдни сухорос, росы нету, сухо». Суховей-то в страду бывает.*

ВФС МФ: СУХоРОС
МЗ: ‘сухая роса’ [3. С. 39–40].

МС составлен на материале картотеки МДС и картотеки ВФС. Рукопись словаря включает около 2000 словарных статей общим

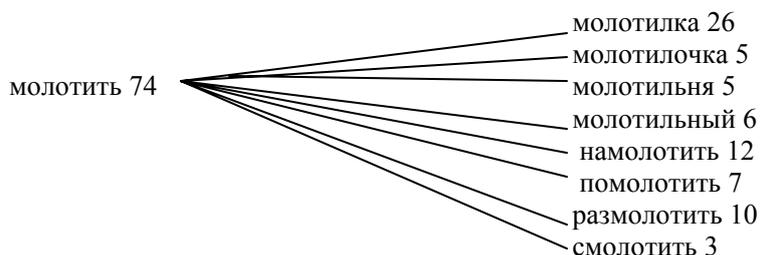
объёмом 50 а.л. Хранится в Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

9б. Фрагмент МС внутренних форм слова: Говоры Среднего Приобья / сост. О.В. Золотухина. Томск, 2004. [14. Прил. 1. С. 105–106].

МС выполнен на материале опубликованных среднеобских словарей и рукописных данных словарных картотек, значительно пополненных. Получены новые результаты по варьированию ВФС разных частей речи, с учётом количественных подсчётов. Представлена итоговая таблица, отражающая соотношение мономотивации и полимотивации лексических единиц (ЛЕ) диалекта. Общее число привлечённых слов 2206, из них мономотивация характерна для 11,5 % ЛЕ, остальные – полимотивированные. В прил. 1 представлены словарные статьи отрезка А–Б. Структура словарной статьи обоих словарей идентична.

10. Словарь лексических мотиваторов Нарымского говора / сост. В.Г. Наумов. Томск, 1985 [11. Прил. 2. С. 276–296].

«Мотивационный словарь лексических мотиваторов» является приложением к толковому «Мотивационному словарю Нарымского говора». Представлен фрагмент отрезка А–В (315 лексических единиц с их мотиваторами). Назначение МС – пополнить словарные статьи толкового словаря Нарымского говора. Если в первом МС в центре внимания мотивируемые слова, то во втором словаре – мотивирующие их слова, сопровождаемые статистической характеристикой. Мотивемы в словаре расположены с учётом частеречной принадлежности и частотности. Образец словарной статьи:

МС лексических мотиваторов составлен на базе 2,5 тысячи случаев актуализации мотивационных отношений лексических единиц.

Его данные позволяют выявить частоту лексических мотиваторов разных тематических групп, разных классов слов (общерусских, диалектно-просторечных, диалектных; мотивированных или немотивированных); определить некоторые закономерности актуализации мотивационных отношений лексических единиц, в том числе смены их «мотивационной сочетаемости ЛМ»: она колеблется от 1 мотивемы до 15, в отдельных случаях – до 50 [15. С. 90–95].

11. Словарь регулярных формантов (на материале говоров Среднего Приобья) / сост. Н.Г. Нестерова [15. С. 37–42].

МС регулярных формантов – тип словаря, объектом лексикографирования которого избран формант, или формантная часть, – сегмент ВФС, который выражает его структурную мотивированность, отражающую классификационный признак обозначаемого [4. С. 17].

Основным принципом при выявлении значения форманта признаётся принцип регулярности, повторяемости значений, с ним связанных, в условиях идентичного окружения одноструктурных слов одной тематической группы. Порядок следования формантов в словаре основан на частеречном принципе. Структура словарной статьи представляет: 1) формант с его вариантами; 2) указание на тематическую группу слов, в которой вычленяется формант; 3) указание значения, в которых зафиксирован формант; 4) примеры мотивированных слов [15. С. 38]. Образец словарной статьи (даётся в сокращении):

-КА/-овКА/-анКА/-истКА/-лКА/-ичКА/-ушКА/-КА

-КА ₁ (в названиях лиц)	‘конь’ <i>сивка, чалка, савраска</i>
‘женщина/девочка’ <i>аккуратистка, гулеванка</i>	‘корова’ <i>белянка, пестрянка, кра-сулька</i>
‘жена’ <i>солдатка, красноармейка</i>	‘курица’ <i>клушка, наседка, квочка</i>
‘работница’ <i>доярка, овчарка, рыба-чка</i>	-КА ₃ (в названиях растений)
‘родственница’ <i>внучка, дочка, бабушка</i>	‘растение’ <i>бельзиминка, душичка</i>
-КА ₂ (в названиях животных)	‘пшеница/рожь’ <i>усатка, криво-рожка</i>
‘самка’ <i>тетёрка, вострохвостка</i>	‘картофель’ <i>берлинка, нарымка, скороспелка</i> [15. С. 40]

Данные словаря имеют большое значение прежде всего для определения статуса форманта как термина мотивологии, – для уточ-

нения роли формантной части, в её соотношении с мотивирующей частью, роли мотивационной формы и мотивационного значения ВФС. Кроме того, обретает твёрдую почву методика анализа «правой» части лексической единицы [11. С. 276–296; 14. С. 107–110; 15. С. 90–95].

12. Частотный мотивационный словарь: Говоры Среднего Приобья / сост. О.И. Блинова [7. Т. 2. С. 321–353].

Частотный МС [ЧМС] – тип мотивационного словаря, представляющего частоту (число) актуализаций мотивированных слов (компонентов мотивационных парадигм) в речи (тексте).

ЧМС среднеобских говоров составлен по данным двухтомного МДС и новых поступлений в его картотеку. Он охватывает свыше 2000 мотивированных единиц. Объект словаря – категориальная единица мотивологии мотивационно связанные слова: две или более лексические единицы, актуализующие в рамках мотивационного контекста отношения лексической и/или структурной мотивации [4. С. 31].

Цель ЧМС – отразить количество актуализаций мотивационных связей слова с его лексическими и структурными мотиваторами в речи носителей среднеобских говоров. Фрагмент ЧМС Среднего Приобья:

рыбачить	<u>260</u>	255 (6) / 5 (2)	осинник	<u>170</u>	40 (4) / 130 (3)
песня	<u>252</u>	252 (10) / 0	молотило	<u>163</u>	158 (2) / 5(3)
мялка	<u>231</u>	191 (9) / 40 (8)	покос	<u>157</u>	155 (4) / 0
березник	<u>190</u>	51(1) / 139 (12)	рыбак	<u>144</u>	144 (4) / 0
приехать	<u>176</u>	161 (7) / 15 (4)	прялка	<u>139</u>	124 (4) / 15 (6)

[7. С. 7–8]

Словарная статья ЧМС строится следующим образом: 1) заглавное слово (например, *рыбачить*); 2) общее количество отмеченных актуализаций мотивационных отношений заглавного слова (260); 3) количество актуализаций отношений лексической мотивации (255); 4) количество лексических мотиваторов (6); 5) количество актуализаций отношений структурной мотивации (5); 6) количество структурных мотиваторов (2).

В роли заглавного слова – мотивированная лексическая единица МДС, выполняющая ту же функцию в данном словаре.

Порядок расположения словарных статей – по убыванию актуализованных заглавным словом мотивационных отношений.

ЧМС продемонстрировал не только частоту актуализации мотивационных отношений слов, но и явление полимотивации диалектного слова, явление варьирования ВФС и ряд других функциональных характеристик [2. С. 174–176; 3. С. 39; 10. С. 129].

12. Словарь ремотивированных лексических единиц / сост. М.В. Курьшева [17. С. 174–300].

Настоящий словарь связан с динамическим аспектом мотивологии, изучающим процессы преобразования лексических единиц: ремотивации, демотивации, лексикализации ВФС [2. С. 63–89].

Словарь ремотиватов, лексических и структурных, отражает результаты процесса ремотивации, исследованного на диалектном материале. Словарь охватывает 332 слова, претерпевших процесс лексической ремотивации, и 530 – процесс структурной ремотивации.

Словарная статья включает: а) заглавную зону, где представлены ремотиват – лексический или структурный – и исходное слово с толкованием значения; б) краткую этимологическую справку исходного слова и его современную мотивировку; в) иллюстративную часть, локальную помету. Образец словарной статьи лексического и структурного ремотивата:

БАХИЛЫ ‘высокие охотничьи сапоги’.

Заимствование из языка коми *bakilo* – то же (Фасмер). В говорах мотивируется звукоподражательным *бах-бах* или глаголом *бахать*.

– *Идёшь по болоту – бах, бах, так хлопают они по воде* (Том. Верш.). // *Бахилы широкие, по ногам бахают, вот и назвали* (Том. Колп.).

СНЕГАРЬ ← **СНЕГИРЬ** ‘певчая птичка’. Структура слова изменена под влиянием единиц с суффиксом – арь, ср.: *чухарь* ‘тетерев’, *щекарь* ‘белый голубь’, *глухарь* и под. – *А вчерась снегари прилетели* (Том. Яр.).

Данные словаря убедительно подтвердили активность процесса ремотивации – лексической и структурной – как отражения тенденции к мотивированности языкового знака, проиллюстрировали способы реализации процесса лексической ремотивации (с изменением звучания слова и без его изменения) и структурной (с наращением формантной части, за счёт вычленения или преобразования конечного сегмента слова, посредством «замещения» иноязычного сегмента в слове исконно русским) [2. С. 64–75; 5. С. 104–107; 18. С. 24–26].

13. Мотивационный диалектный словарь форм субъективной оценки имён (фрагмент) / сост. Г.В. Калиткина [19. С. 222–252] (МС ФСО).

МС составлен на материале русских говоров Среднего Приобья. Формы субъективной оценки существительных и прилагательных, по данным составителя словаря, насчитывают 1666 единиц, зафиксированных в 4288 контекстах материалов диалектологических экспедиций ТГУ. Огромный пласт экспрессивной лексики не был введён в МДС и потому заслуживал пристального изучения в аспекте теории мотивации. По итогам лексикографического анализа был составлен МС ФСО (фрагмент А–С), охвативший 562 словарные статьи, образцом которых послужил МДС. В прил. 3 кандидатской диссертации представлен отрезок на К (107 словарных статей).

КОНИШКА.

ЛМ: конь (5). Лошадь.

СМ: возишка (1), сенишка (10), дровишки (1).

1. Ласк. к конь. – *Я раньше пахала, были кони: Бурка и ешо забыла, сам красивый конишка был* (Кем. Елык.). *Когда я возрос побольше, ходил конев гонять <...> Конишка один добрый был, я его и запряг* (Кож. Кож.).

2. Уничижит. к конь. – *Сеяли розжь – сошонка такая на двух конях, а конишки плохие* (Зыр. Черд.). *Шаркунцы всяки навесют, а конь идёт в итанах, холиовы чембары, как леший. Старого конишку выберут, чтоб посмирней* (Кож. Терс.).

3. Табу к конь. – *Раньше белых коней берегли. А счас никаких нет. А без коней-то никуда нельзя. Был и у нас тоже раньше один конишка* (Том. Яр.) *Как жили раньше – сенишко косил, дровишки рубил, возишко свезёшь, два конишка-то было* (Том. Бат.).

Специфику словарной статьи МС ФСО составляет толкование значения заглавного слова, неизменный компонент которого – эмоционально-экспрессивная помета. В число других помет включена помета «табу», характеризующая одну из функциональных особенностей ФСО в речи селян. Например: *«Так и тогда обзаводились: то шубёнку надо, то избёнку, то коровёнку»* [18. С. 17–18]. Нередко реализуется функция аттракции ФСО: *Мороз морозит, такой морозина! Заморозил меня совсем!* Подробнее см.: [19, 20].

III. Мотивационный сопоставительный словарь – тип МС, представляющий результаты сопоставления соотносительных категориальных единиц мотивологии, принадлежащих разным стратам

одного языка или разным языкам. Теоретической основой такого словаря являются положения сопоставительной мотивологии [21. С. 17–24; 20, С. 14–24], в которых систематизированы параметры сопоставления соотносительных или адекватных лексических единиц одного языка или двух и более языков.

В 1980-е – начале 1990-х гг. начался отсчёт времени сопоставительной мотивологии [2. С. 48–50; 21. С. 242–246; 22. С. 17–24; 23. С. 14–24], который сопровождался изменением жанра МС от толкового до толково-сопоставительного и структуры его словарной статьи, которая обрела многопараметровый характер за счёт введения дополнительных показателей. В их числе: 1) результаты психолингвистического эксперимента (ПЛЭ); 2) компоненты ВФС: мотивационная форма (МФ) и мотивационное значение (МЗ); 3) сведения о типах мотивированности ВФС; 4) этимологические справки и справки из специальной (ботанической или зоологической) литературы. Первые апробации фрагментов сопоставительных МС с многопараметровой структурой словарной статьи осуществлены в курсовых работах (спецсеминар О.И. Блиновой) – Ж.А. Воробьёвой (1993), Л.В. Дубиной (1993), С.В. Волковой (1995), М.А. Янушкевич (1995) и некоторых других, посвященных мотивационному анализу наименований животных и растений русского языка в сопоставлении с украинским и немецким языками.

В эти же годы была разработана методика мотивационно-сопоставительного анализа и определены параметры сопоставления соотносительных и адекватных лексических единиц русского языка с другими языками [21–25]. Особую роль в этот период сыграли методические разработки и лексикографические этюды А.Д. Адиловой [24]. С 1996 г. в структуре словарной статьи закрепились вышеназванные параметры сопоставления лексических единиц, дополненные ещё двумя: мотивировочным признаком (МП) и номинационным признаком [24]. Продолжилось составление мотивационных толковых словарей и мотивационно-сопоставительных на основе многопараметрового сопоставления языковых единиц. Началось составление мотивационно-сопоставительных словарей и их фрагментов в рамках кандидатских и докторских диссертаций.

* Работы хранятся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии Томского государственного университета.

14. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков (на материале наименований птиц и растений) / сост. А.С. Филатова [26. С. 186–284]. (МСС).

На материале вышеназванных тематических групп впервые в 2004 г. был составлен МСС русского и английского языков, включающий 400 словарных статей на каждую тематическую группу. Составителем использованы результаты мотивационно-сопоставительных исследований предшественников (А.Д. Адиловой, 1996 г., И.Е. Козловой, 1999 г.), данные проведенных ПЛЭ (90 000 показаний метаязыкового сознания носителей русского и английского языков), сведения из различных источников – словарей, специальной литературы по орнитологии и ботанике на русском и английском языках, этимологические справочники. В структуре словарной статьи МСС использовано 10 компонентов: 1) латинское название птицы и растения; 2) заглавное слово; 3) толкование лексического значения; 4) показания ПЛЭ; 5) лексические (ЛМ) и структурные (СМ) мотиваторы; 6) тип ВФС; 7) мотивировочный (МП) и номинационный признаки (НП); 8) орнитологическая и фитонимическая справка; 9) этимологическая справка сопоставляемых слов; 10) изображения птицы / растения.

Образец словарной статьи (даётся в сокращении):

Solydago virgaurea (-)

ЛЗ: 'травянистое растение семейства сложноцветных, с желтыми цветками, собранными в соцветия'

ЗОЛОТАРНИК	GOLDENROD
Результаты ПЛЭ:	Результаты ПЛЭ:
а) от «золотые цветки» – 84 чел.	а) от «золотые цветки» – 63 чел.
от «золотого цвета кустарник» – 9 чел.	от «растение с золотистыми прутиками» – 37 чел.
немотивированное – 7 чел.	100/0
93/7	МФ: GOLDEN/rod
б) золотар/НИК – 69 чел.	ВФС ₁ < МЗ: '<растение с> золотыми <цветками>'
золотарник – 31 чел.	ЛМ ₁ : golden – золотой
69/31	
МФ: ЗОЛОТ/ар/НИК	
ВФС1 < МЗ: 'растение <с> золотыми <цветками>'	МФ: GOLDEN/ROD
ЛМ ₁ : золотой	ВФС ₂ < МЗ: '<растение с> золотыми прутиками'
СМ ₁ : клопов/НИК, тернов/НИК	ЛМ ₂ : ЛМ ₁ , rod – прут

МФ: ЗОЛОТ/АРНИК

ВФС₂ <

МЗ: 'кустарник золотого <цвета>'

ЛМ₂: ЛМ₁, *кустарник*

СМ₂: СМ₁

ВФС вариативная, нелексикализованная, метафорическая

МП: золотой, кустарник (НП: золотистые цветки)

Фитонимическая справка: «Плотная, ровная заросль поверху сплошь обрызгана *золотистыми* цветочками. Латинское прозвище растения *Solydago* восходит к понятию «укреплять, *излечивать*», намекая на былую лекарственную силу растения» (Стрижев, с. 146, 149).

ВФС вариативная, нелексикализованная, метафорическая

МП: золотой, прут (НП: желтые цветки)

Фитонимическая справка: «They have toothed leaves that usually alternate along the stem and *yellow* flower heads composed of both disk and ray flowers» («У них зубчатые листья, которые обычно чередуются вдоль корня, и желтые головки цветков, состоящие как из круглых, так и удлиненных цветов») (Britanica, vol. 4, p. 450).

Этимология:

GOLDEN: 13в. вытесненное *gilden*. Др.-англ. *gylden*. В различных словосочетаниях прямой перевод лат. *aureus* (*golden age* 'золотой век'), *golden mean* 'золотая середина' (*aurea mediocritas*, Гораций).

ROD: позднее др.-англ. *rodd* синонимично небрит. формам, на которые ссылаются в этимологии слова *rood* 'крест', но формально отлично; возможно, родственно др.-норв. *rudda* 'дубинка' (норв. диал. *rudda, rydda* 'большой прут, палка', *rodda* 'кол').

Расширение многопараметрового мотивационного анализа, масштабность в привлечении числа сопоставляемых единиц и двух тематических групп, в организации ПЛЭ с использованием аудио- и видеоаппаратуры дополнительно к традиционным приёмам, в использовании этимологической справки – всё это способствовало получению значительных результатов, серьёзной научной новизны для разных аспектов мотивологии, включая лексикографический.

15. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / сост. А.С. Савенко [27. С. 15–195].

Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы / сост. А.С. Савенко. [28. С. 15–184].

Составитель двухтомника А.С. Савенко (Филатова) – автор более 30 публикаций, посвященных мотивационной лексикографии

фауны и флоры. Опубликованный в 2012 г. двухтомник базируется на материалах её кандидатской диссертации и десятках статей.

Двухтомник содержит 400 словарных статей: 200 наименований растений, 200 наименований птиц русского литературного языка и, соответственно, английского языка. Оба словарных тома предваряет общее введение, включающее сведения о материалах и источниках словарей [с. 6–7], структуре словарной статьи [с. 8–10] и информативных данных словарей [с. 10–14].

Этот фундаментальный труд, продолжающий сложившиеся традиции мотивационной лексикографии, отмечает масштабность фактической базы, высокое качество собранных свидетельств осознания мотивировки русских и английских наименований растений и птиц, высокая степень информативности полученных результатов не только для сферы описательной и сопоставительной мотивологии, но и для компаративистики, общего языкознания, ономазиологии, когнитивистики, лингвокультурологии [29]. Он не имеет аналогов в России и за рубежом.

16. Мотивационно-сопоставительный словарь зоонимов русского языка / сост. А.В. Шевчик [30. С. 114–179]. (МССЗ).

Этот словарь, как и предыдущий, является двуязычным.

МССЗ русского литературного языка представлен в главе 3 кандидатской диссертации автора, выполненной в жанре словарь / исследование, в котором лексикографическая теория мотивологии перемежается со словарными статьями, завершаясь образцами словарных статей зоонимов русского и английского языков. Всего 178 словарных статей. Источники для анализа: 28 000 метавысказываний носителей русского и английского языков, полученных в период с 2005 по 2011 г., 2500 текстов и метатекстов, впервые привлечённых для нужд мотивологического исследования из работ научно-популярного характера и Национального корпуса русского языка. В структуру словарной статьи к 10 использованным ранее компонентам (см. словари А.С. Филатовой (Савенко) введено ещё 2: сведения о типе мотивированности (ТМ) лексических единиц и лингвокультурологические пометы для слов с метафорической ВФС. Образец словарной статьи МССЗ:

УТКОНОС

Orithorhynchus anatinus

Яйцекладущее млекопитающее, с мордой, оканчивающейся плоским широким клювом, наподобие утиного

УТКОНОС	DUCKBILL
Показания МЯС: <i>«у зверька нос совсем как у утки» (100)</i>	Показания МЯС: <i>«it has the bill of a duck» – это животное имеет утиный клюв (50)</i>
мотивир., СО, зоом.	мотивир., СО, зоом.
МФ: УТКОНОС	МФ: DUCK/BILL
ВФС:	ВФС:
МЗ: ‘/животное/ <с> носом <как клюв> утки’	МЗ: ‘/животное/ <с> клювом, <напоминающим> утиный’
ЛМ: НОС УТКи	ЛМ: DUCK – утка, BILL –клюв
ВФС: невар., нелекс., метаф.	ВФС: невар., нелекс., метаф.
МП: нос как клюв утки	МП: нос как утиный клюв
НП: внешний вид, по форме	НП: внешний вид, по форме
ТМ: морфосемантический	ТМ: морфосемантический
Этимологическая справка: –	Этимологическая справка: –
Лексические процессы: –	Лексические процессы: –

Зоонимическая справка: утконос – австралийское млекопитающее отряда однопроходных, родственное ехидне. Его тело похоже на тело бобра, мех густой. Он не рождает живых детёнышей, а откладывает яйца, первые дни кормит потомство молоком. Голова отличается своим широким утиным клювом от головы других млекопитающих. Обе челюсти вытянуты и сплошь одеты роговой кожей, которая продолжается назад в виде своеобразной оторочки [1, с. 157]. // Челюсти его не имеют зубов и одеты широким кожистым клювом, похожим на утиный [20, с. 30].

[30. С. 172]

Достоинства МССЗ обусловлены усовершенствованием методики сбора и отбора материала анализа, включая новую, компьютерную, форму проведения ПЛЭ; привлечением новых источников мо-

тивологического исследования и новых аспектов рассмотрения (лингвокультурологического, национально-культурного), определением общего и специфичного в сфере зоонимов русского и английского языков. Лексикографическая и теоретическая разработка новой тематической группы лексики позволила обратиться к проблемам дидактики.

17. Мотивационно-сопоставительный словарь орнитонимов русского, польского и украинского языков / сост. А.Д. Адилова [25. Прил. 2. С. 243–256].

Первая попытка составления многоязычного мотивационно-сопоставительного словаря осуществлена А.Д. Адиловой в 1996 г. при написании кандидатской диссертации [25], в которой были представлены результаты мотивационно-сопоставительного анализа орнитонимов трёх языков: русского, польского, украинского. Для анализа были использованы 127 наименований птиц русского языка (они перечислены в прил. 1 [25. С. 226–227]) и их соответствия в польском и украинском языках. 26 трёхязычных словарных статей представлены в прил. 2 [25. С. 243–256]. Образец словарной статьи:

ВЕРТИШЕЙКА. Небольшая птичка семейства дятловых с мягким, округлым хвостом.

ЛМ: вертеть шей

СМ: красношейКА, казарКА

ПЯС: «часто вертит шей» (18)

МФ: вертишей/КА

ВФС $\left\{ \begin{array}{l} \text{МЗ: птица <которая>} \\ \text{вертит шей;} \end{array} \right.$

Невариант., нелексикал., неметафор.; МП: «вертеть шей» (Ср. НП: крутит головой);

Орн. справка: Сидя на дереве, птица беспрестанно вертит головой то влево, то вправо, за что она и получила своё название» (Жизнь насекомых, с. 358).

Kvetoglow

ЛМ: Krecic – крутить, glowa – голова.

СМ: –

МФ: kvetoglow

ВФС $\left\{ \begin{array}{l} \text{МЗ: птица, <которая>} \\ \text{крутит головой;} \end{array} \right.$

Невариант., нелексикал., неметафор.

КРУТИГОЛОВКА.

ЛМ: крутить головой

СМ: славКА, лисКА;

МФ: крутиголов/КА

ВФС $\left\{ \begin{array}{l} \text{МЗ: птица, <которая>} \\ \text{крутит головой;} \end{array} \right.$

Невариант., нелексикал., неметаф. [25. С. 243]

18. Многоязычный мотивационно-сопоставительный словарь славянских и тюркских языков / сост. А.Д. Жакупова (Адилова) [31. С. 181–231; 31. С. 27–35].

Многоязычный МСС – первый из сопоставительных словарей, посвященный лексикографическому анализу двух тематических групп (наименованиям птиц и растений) в пяти языках – славянских (русском, болгарском, польском) и тюркских (казахском и татарском). Причём в трех языках – болгарском, казахском и тюркском – мотивационное исследование орнитонимов и фитонимов выполняется впервые.

Составителем избран табличный способ представления лексикографического аппарата: в таблицах даны сведения о количестве информантов, о показаниях метаязыкового сознания, о статистике привлеченных для сопоставления слов. Табличным способом оформлены словарные статьи. Один из образцов словарной статьи:

[*Centaurea cyanus* L.] ‘кентаврский цветок’.
ЛЗ: ‘светло-синий полевой цветок, растущий во ржи’

Русский	Болгарский	Татарский
<p>Василѣк</p> <p><u>Результаты ПЛЭ:</u> «Этот цветок назван в честь имени Василия, а почему не знаю» (57) «не знаю» (43) 57/43</p> <p>МФ: ВАСИЛѢК</p> <p>ВФС { МФ: ВАСИЛѢК МЗ: ‘растение <как-то связано с именем> Василий’</p> <p>ЛМ: <i>Василий</i> СМ: голубОК, выюнОК</p> <p>ВФС: невариантная, лексикализованная, неметафорическая. МП: Василий (НП –) Тип мотивированности: морфол.</p>	<p>Метличка</p> <p><u>Результаты ПЛЭ:</u> «стебълцата и сатънки в букетче заприливча на малка метличка» (22) 40/10</p> <p>МЗ: МЕТЛичИНА</p> <p>ВФС { МЗ: МЕТЛичИНА МЗ: ‘растение, <стебли которого как> веник’</p> <p>ЛМ₁: <i>метла</i> – веник СМ₁: кьпИНА, садИНА <...></p> <p>ВФС: вариантная, нелексикализованная, метафорическая. МП: метла (НП: сухие цветки). Тип мотивированности: морфол. * Перевод: стебли очень тонкие, и если их собрать в букет, они похожи на маленькие веники</p>	<p>Кукбаш</p> <p><u>Результаты ПЛЭ:</u> «зэнгәр чәчәкләр үсемләр» (65) «күкшикелле зэнгәр башлы гол» (35) 100/0</p> <p>МФ: КУКбаш</p> <p>ВФС { МФ: КУКбаш МЗ: ‘<растение с синими цветками>’</p> <p>ЛМ₁: КУК – синий</p> <p>МФ: КУКБАШ</p> <p>ВФС₂ { МФ: КУКБАШ МЗ: ‘<растение с голубой, как> небо, головкой’</p> <p>ЛМ₂: <i>КУК</i> – небо <i>баш</i> – голова ВФС: вариантная, нелексикализованная. ВФС₁ неметафорическая. ВФС₂ метафорическая. МП: кук; кукбаш (НП: синие цветы). Тип мотивированности: морфол.</p>

А знаете ли Вы, что? «Василёк давно привлёк внимание цветоводов, так как его ярко-голубые соцветия уже много веков мелькают на полях <...> Василёк голубой – сорняк, но какой красивый, изящный, трогательный! <...>» (<http://kashtan.by.ru>).

Этимологическая справка: «Василёк – ... укр. василёк, соответствует греч. βασιλίου, <...> Преображенский принимает греч. происхождение, в то время как Брюкнер смело допускает в русском слове преобразование из польского *bazylika* (сер. XVI в.) якобы потому, что польск. *Bazyli* соответствует рус. Василий» (Фасмер. Т. 1. С. 277).

Структура словарной статьи традиционна для последних мотивационно-сопоставительных словарей (А.С. Филатовой (Савенко), А.В. Шевчик). Дополнением к ней являются параметр перевода метавысказываний носителей сопоставляемых языков и вопросно-ответная форма пояснения мотивировочного признака обозначаемого. Развёрнутый информативный материал, полученный на богатой лексикографической базе, дан в [31, 32].

По своему жанру МС также представляет словарь / исследование с результатами полиаспектного анализа двух тематических групп в пяти языках [31].

IV. Толково-функциональный мотивационный словарь – тип МС, отражающего функциональный аспект категориальных единиц мотивологии.

Фрагменты мотивационно-функциональных словарей.

Этот тип МС представлен большей частью в отдельных попытках лексикографирования функций мотивационно связанных слов и цепочек в стихотворениях М. Цветаевой, Н. Рубцова, О. Мандельштама, Е. Евтушенко [4. С. 43–44; 3. С. 38–39; 33. С. 94–96]. Единичный опыт составления функционального МС представляет дипломное сочинение К.И. Комаровой, выполненное на материале «Пословиц русского народа» В.И. Даля. Образец словарной статьи см. в [3. С. 37–38].

На материале «Этимологического словаря» Б.Ю. Нормана (Норман Б.Ю. Язык – знакомый незнакомец. Минск, 1987) Е.В. Наумовой составлен по образцу МС «Словарь квазиремотиватов» (300 словарных статей), назначение которого – исследование речевой игры. Сопоставление ВФ квазиремотивата (ВФК) с ВФС литературного языка, а также ЛМ и СМ создает комический эффект.

Образец словарной статьи:

ДАНТИСТ (лит.-вед.) – исследователь творчества Данте Алигьери.
ЛМ: Данте
СМ: лингвист, дарвинист

МФ: ДАНТ/ИСТ
ВФК
МЗ: исследователь ДАНТЕ
[34. С. 67]

V. 19. Полисистемный словарь сибирского говора / сост. М.А. Толстова [35. С. 344–350; С. 36. С. 29–33]. (ПССГ).

ПССГ отражает взаимосвязь лексических явлений вершининского говора Томской области – явление мотивации, синонимии и антонимии. Ключевую позицию в сфере лексических явлений занимает явление мотивации слов, практически охватывающее мотивационной связью слова от А до Я и представляющее своеобразный каркас с вплетёнными в него синонимией и антонимией. Поэтому взаимосвязь лексических явлений рассматривается в ряду мотивационных типов словарей.

Назначение ПССГ – выявить многогранность взаимосвязи лексических явлений, формы их проявления с учётом разных параметров: частеречной принадлежности, видов актуализации в текстах и метатекстах, функциональной характеристики и т.д. Очевидна сложность лексикографического воплощения исследуемого феномена.

Согласно концепции словаря, разработанного М.А. Толстой, структура словарной статьи ПССГ состоит из трёх зон: зоны А, с актуализованными компонентами лексических явлений, иллюстративными данными; зоны Б, где представлена разноаспектная характеристика компонентов системных отношений: мотивация и её вид, функции, соотнесённость с другими формами языка; зоны В, где дана схема полисистемной парадигмы: знаком = показана синонимическая связь, ↔ – антонимическая, → – лексическая мотивация, — – структурная мотивация. Составлено 250 словарных статей. Образец словарной статьи с компонентами трёх лексических явлений:

1. а) ГЛУХАРЬ
ПЕСТРУ'ХА

↔

ГЛУХАРКА, КОПАЛУ'ХА,

Крупная лесная птица семейства тетеревиных.
Самка глухаря.

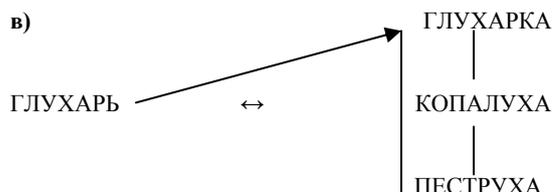
– Дак это глухарка, копалуха. Ну, он, сам-то – глухарь, самец-то, а копалуха – самка, пеструха. // Копалуха – мать глухаря, глухаря большие. А самка у него – пеструха. // Пеструху эту «копалухой» зовут.

б) Глухарь [ант. *глухарка*, *копалуха*, *пеструха*, метаяз.; О]

Глухарка [п/мот., ЛМ: *глухарь*, син. *копалуха*, *пеструха*, ант. *глухарь*; метаяз., переч.; О]

Копалуха [п/мот., СМ: *пеструха*; син. *глухарка*, *пеструха*, абс.; ант. *глухарь*, метаяз., переч.; Д]

Пеструха [п/мот., СМ: *копалуха*, син. *глухарка*, *копалуха*, абс.; ант. *глухарь*, метаяз.; Д]*

VI. Цикл мотивационных словарей завершается ещё одним типом словаря, имеющим непосредственное отношение к научной терминологии.

20. Словарь терминов мотивологии / сост. О.И. Блинова [4. С. 13–59]. [СТМ].

Словарь включает 37 словарных статей. Большую часть составляют основные научные понятия мотивологии, они насчитывают вместе с видовыми научными понятиями 210 единиц. В словарь включены также лингвистические термины общего языкознания и различных разделов русистики – семасиологии, ономасиологии, дериватологии, лингвопоэтики, лексикографии и т.п., тесно связанных с теорией мотивации слов.

Ведущий принцип представления терминов мотивологии – алфавитный, который в отдельных случаях сочетается с алфавитно-гнездовым принципом.

Структура словарной статьи включает следующие компоненты:

1) заглавное слово – термин или терминологическое сочетание;

* Условные сокращения: ант. – антоним, абс. – абсолютный синоним, метаяз. – мета-языковая функция, переч. – перечисления функция, п/мот. – полумотивированное слово, О – общерусское слово, Д – диалектное слово, син. – синоним.

2) дублетное или антонимическое соответствие; 3) аббревиатура термина или словосочетания; 4) толкование термина; 5) примеры, иллюстративный материал. Образец словарной статьи:

Перевернутая мотивация. Стилистический приём инверсионного употребления мотивируемого и мотивирующего слов, отражающего обратный ход мысли, события и т.п.; напр.: *Твердит об этом трубный глас Москвы, / Когда она, колебля своды ночи, / Как равных – славит павших и живых / И смерти смертный приговор пророчит* (О. Бергольц) <...> [5, с. 146–148].

Во втором и третьем изданиях словаря введены переработанные и дополненные словарные статьи, новые словарные статьи и «Словник терминов мотивологии» с указанием страниц, где находится термин [С. 54–59].

* * *

Краткое историографическое описание мотивационных словарей позволит представить, насколько разнообразно развивалась мысль лексикографа в желании воплотить в словарную форму те или иные феномены теории мотивации слов.

За менее чем тридцатилетний временной период (80-е гг. XX в. – начало XXI в.) составлено более 20 типов мотивационных словарей от толковых до полисистемного, отражающих все аспекты мотивологии: описательный, онтологический, сопоставительный, социовозрастной, динамический, функциональный. Лексикографическим исследованием охвачено 9 языков: русский, украинский, польский, болгарский, английский, немецкий, татарский, включая страты – литературный язык, диалектная речь, детская, художественная, фольклорная, профессиональная; 5 тематических групп: орнитонимы, фитонимы, зоонимы, предметно-бытовая лексика, специальная; свыше нескольких тысяч лексических единиц, по весьма неполным данным.

Историографический анализ показал, по каким направлениям шло развитие лексикографического освоения теории мотивации слов.

Одно из направлений решало задачу первичного описания, инвентаризации мотивационного корпуса языка, диалекта, говора, для чего составлялись толковые мотивационные словари, охватывающие минимум категориальных единиц мотивологии: мотивему, лексические и структурные мотиваторы, составляющие мотивационную па-

радигму. Примеры: МС диалектной группировки (МДС), говора (МССГ).

Поаспектное лексикографирование отдельных категориальных единиц мотивологии, связанных с членением мотивемы (МС формантов, МС ВФС) или мотивационной парадигмы (МС лексических мотиваторов), породило комплекс задач: онтологических (форманты и тематические группы, типология ВФС, ЛМ, выявление МФ, трактовка МЗ), функциональных (варьирование ВФС), проблему динамики мотивем (ремотивация, демотивация и др.), которые, в свою очередь, вызвали потребность лексикографических решений (МС форм субъективной оценки, МС детской речи, словарь ВФС, МС ремотиваторов, демотиваторов).

Проблема национальной самобытности русского языка, его общности и специфики по сравнению с другими языками вызвала к жизни ещё один тип МС – сопоставительный. Со временем в процесс сопоставления вовлекалось всё большее число категориальных единиц мотивологии, обеспечивавшее большую полноту необходимых языковых фактов для исследования.

Лексикографическое направление мотивологии находится в начале пути. Диапазон его развития огромен, как огромно число языков мира.

Условные сокращения

Антроп. – антропоморфизм	МП – мотивировочный признак
Артеф. – артефактоморфизм	МФ – мотивационная форма
ВФК – внутренняя форма квазиремотивата	НП – номинационный признак
Д – диалектное слово	О – общерусское слово
Зоом. – зооморфизм	ПЛЭ – психолингвистический эксперимент
ЛМ – лексический мотиватор	ПЯС – показания метаязыкового сознания
МДС – мотивационный диалектный словарь	СМ – структурный мотиватор
МЗ – мотивационное значение	СМС – сопоставительный мотивационный словарь
МП – мотивационная парадигма	СО – собственно образное слово
МС – мотивационный словарь	ЧМС – частотный мотивационный словарь
МСС – мотивационно связанные слова	ЯМ – языковая метафора
МССГ – мотивационный словарь сибирского говора	

Литература

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. – СПб., 2000. – 356 с.

2. Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект. – Томск, 1984. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010. – 208 с.
3. Блинова О.И. Типы мотивационных словарей // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – Т. 3, вып. 1: Филология. – 2004. – С. 35–40.
4. Блинова О.И. Словарь терминов мотивологии // Блинова О.И. Русская мотивология. – 3-е изд., перераб. и доп. – Томск, 2005. – 68 с.
5. Томская диалектологическая школа: историогр. очерк / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2006. – 392 с.
6. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Томск, 1974. – Т. 2. – Прил. 7. – С. 202–251.
7. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / авт.-сост. В.В. Палагина, З.М. Богословская и др.; под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1982. – Т. 1. 1983. – Т. 2. – 370 с.
8. Мотивационный словарь сибирского говора / под ред. О.И. Блиновой; авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко. – Томск, 2009. – Т. 1: А–О. – 372 с.; 2010. – Т. 2: П–Я. – 310 с.
9. Мотивология: библиогр. указ. / сост. О.И. Блинова, А.С. Филатова. – Томск, 2004. – 78 с.
10. Блинова О.И. Источниковедческие возможности мотивационных словарей // Вопр. языкознания. – 1986. – №5. – С. 125–131.
11. Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1985. – Прил. 1. – С. 220–275; прил. 2. С. 276–296.
12. Штейнгарт Е.А. Проблема мотивированности специальной лексики // Ежегодник регион. лингвистического центра Приенисейской Сибири. – Красноярск, 2001. – С. 152–159.
13. Гарганеева К.В. Мотивационный словарь детской речи / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 2007. – 120 с.
14. Золотухина О.В. Явление варьирования внутренней формы слова в системе диалекта: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – С. 105–106. – Прил. 1.
15. Наумов В.Г. Словарь лексических мотиваторов говора // Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения. – Кемерово, 1985. – С. 90–95.
16. Нестерова Н.Г. Словарь регулярных формантов (на материале говоров Среднего Приобья // Актуальные проблемы диалектной лексикографии. – Кемерово, 1989. – С. 37–42.
17. Курьшева М.В. Явление ремотивации в говорах: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1989. – С. 174–300. – Прил. 1.
18. Курьшева М.В. О диахроническом аспекте исследования процесса ремотивации // Актуальные проблемы исторической диалектологии и лексикографии восточнославянских языков: тез. докл. – Днепропетровск, 1988. – Ч. 1. – С. 24–26.
19. Калиткина Г.В. Формы субъективной оценки в аспекте теории мотивации (на диалектном материале): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1990. – С. 222–252. – Прил. 3.
20. Калиткина Г.В. Мотивационный диалектный словарь форм субъективной оценки (говоры Среднего Приобья) и его информационные возможности // Актуальные проблемы диалектной лексикографии. – Кемерово, 1989. – С. 17–18.

21. *Блинова О.И.* Сопоставительный анализ явления мотивации слов в литературном языке и диалекте // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М., 1987. – С. 242–246.
22. *Блинова О.И.* Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: Семантика и функционирование. – Томск, 1994. – Т. 1. – С. 17–24.
23. *Блинова О.И.* Лексикографический аспект сопоставительной мотивологии // Глагол и имя в русской лексикографии: Вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. – С. 14–24.
24. *Адилова А.Д.* К сопоставительной мотивологии славянских языков (на материале наименований птиц): Методическая разработка в дополнение к спецкурсу «Явление мотивации слов». – Кокшетау, 1994. – С. 3–8.
25. *Адилова А.Д.* Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – С. 243–256. – Прил. 1, 2.
26. *Филатова А.С.* Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – С. 186–284. – Прил. 3–4.
27. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М., 2012. – С. 15–195.
28. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М., 2012. – С. 15–184.
29. *Савенко А.С.* Мотивационно-сопоставительный анализ тематических групп русского языка. – Germany: LAP Lambert Academic Publishing, 2012.
30. *Шевчик А.В.* Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011. – С. 114–179.
31. *Жакупова А.Д.* Сопоставительная мотивология: Методы и аспекты. – Кокшетау, 2009. – 264 с.
32. *Жакупова А.Д.* Сопоставительная мотивология: сущность и направления (на материале славянских и тюркских языков): автореф. дис... д-ра филол. наук. – Алматы, 2009. – 45 с.
33. *Наумова Е.В.* Квазиремотивация слова как средство создания комического эффекта: Дипломная работа. – Томск, 2005. – С. 67.
34. *Блинова О.И.* О чём звонят колокола?: (Стилистические этюды) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 1999. – Т. 268. – С. 94–96.
35. *Толстова М.А.* Концепция полисистемного диалектного словаря // Русская речевая культура и текст. – Томск, 2011. – С. 344–350.
36. *Толстова М.А.* Взаимосвязь компонентов лексических явлений антонимии и мотивации в системе диалекта // Язык, литература и культура в региональном пространстве. – Вып. 2. – Барнаул, 2011. – С. 29–33.
37. *Блинова О.И.* Словарь внутренних форм слова // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск, 1987. – С. 162–168.

А.Д. Жакупова

МОДЕЛЬ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ «МОТИВАЦИОННОГО СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ ОРНИТОНИМОВ И ФИТОНИМОВ»

Специальное исследование, предпринятое автором в поисках оптимального способа антропоцентрического конструирования многоязычного словаря, позволило предложить такую модель словарной статьи, которая разработана согласно требованиям антропоцентрической лексикографии, ориентированной на человека, его языковое сознание. Словарная статья основывается на учете показаний метаязыкового сознания носителей русского, болгарского, польского, казахского и татарского языков, эксплицирующих мировосприятие людей в процессе предметно-познавательной деятельности.

Ключевые слова: антропоцентрическая лексикография, сопоставительная мотивология, мотивированность слова, показания метаязыкового сознания.

Современное состояние лексикографии, вступившей в новую полосу своего развития под влиянием идей антропоцентрической парадигмы знания, выдвигает к каждому вновь созданному словарю как к особому жанру научного труда определенные требования.

Основное требование к словарю нового типа – ориентирование на человека, на его языковое сознание (языковую способность, языковую компетенцию) – реализует «Мотивационный сопоставительный словарь (на материале русских, болгарских, польских, казахских, татарских орнитонимов и фитонимов)», проект которого представлен автором статьи в [1].

Главная особенность антропоориентированного многоязычного «Мотивационного сопоставительного словаря» (МСС) в том, что он эксплицирует метаязыковое сознание (МЯС) носителей языков, их знания языка и знания о языке, ассоциативные знания/реакции, а также дает возможность сравнить их с «образами» чужого языкового сознания.

Антропоцентрическое направление лексикографии, рассматривая словарь как особый способ конструирования языка, позволяет некоторым образом отступать от лексикографических традиций,

предлагая новые принципы языкового описания, основанные на обращении к языковой личности. Антропоцентрическая лексикография лишь начинает складываться, и важно выделить такие принципы представления словарной информации, которые бы отвечали требованиям полезности, доступности лингвистических сведений для пользователей во всех зонах словарной статьи.

При разработке МСС учитываются, с одной стороны, общие принципы словарного описания мотивированной лексики, реализованные в ряде уже изданных мотивационных словарей [2–7], с другой стороны, вводятся новые компоненты, определяющие специфику МСС как полинационального словаря, нацеленного не только на лингвистическое описание мотивированных слов разных языков, но и отражающего «взгляд» человека на язык (его осмысление и осознание языка), а также содержащего культурно-исторические, энциклопедические сведения, что, несомненно, повышает познавательную ценность словаря.

Центральной единицей словаря как особого лингвистического жанра является *словарная статья*, разработка которой зависит от лингвистической позиции автора, от цели словаря, его назначения, от потребностей адресата и т.д.

Основная задача словарной статьи – представить мотивированное слово во всем его структурно-семантическом многообразии (особенности внутренней формы слова и её компонентов, мотивирующие единицы, тип мотивированности) – осложняется тем, что слово здесь рассматривается с позиции носителей разных (родственных и неродственных) языков, как результат осмысления ими звучания и значения слова. «Мотивационная одежда» слова зависит от того, как оно воспринимается и осознается носителями языков, какие мотивационные связи и ассоциативные образы возникают в их сознании. Словарная статья моделируется таким образом, чтобы читатель смог увидеть, как мотивированное слово репрезентирует знания языка и знания о языке, какова его роль в познании мира и в формировании национальной языковой картины мира.

Словарная статья многоязычного МСС орнитонимов и фитонимов является результатом сопоставительно-мотивологических исследований, проводимых автором статьи с 1995 г. Первая попытка структурирования словарной статьи МСС была предпринята О.И. Блиновой [8] и А.Д. Адиловой (Жакуповой) [9], которые пред-

ложили включить в словарную статью показания МЯС носителей языков (русского и польского), полученные в ходе психолингвистического эксперимента, лексическое значение описываемой единицы, указание на внутреннюю форму слова (ВФС), состоящую из мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ), мотивировочный (МП) и номинационный признаки (НП), а также данные специальной (орнитологической) литературы. В целях расширения так называемого «мотивационного паспорта» слова А.Д. Адиловой было предложено ввести в словарную статью данные этимологических словарей. А.С. Филатова, продолжая традицию лексикографирования мотивированных лексических единиц, дополнила словарную статью иллюстративным материалом и, следуя за И.Е. Козловой, подробно описавшей в [10] технику приёма словарной идентификации, ввела латинское номенклатурное наименование как необходимый компонент словарной статьи [11].

Ключевым моментом словарной статьи являются показания МЯС носителей языков, которые и определяют структуру словарной статьи многоязычного (полинационального) МСС.

Словарная статья распадается на 4 информационные зоны:

I. Вводная, включающая латинское номенклатурное наименование птицы/растения с переводом и толкование лексического значения (ЛЗ) слова, которые выступают в качестве *tertium comparationis* (t.c.) – основания для сравнения. В основе проводимого нами сопоставительно-мотивологического исследования лежит сопоставительный метод, направленный на выявление особенностей языков по отношению друг к другу, следовательно, здесь не может идти речь об исходном языке сопоставления. «...Для объективного научного сопоставления лексико-семантических систем ни один реально существующий национальный язык не может быть выбран в качестве *tertium comparationis* по одной простой причине: каждый язык отражает своё собственное национально-специфическое видение мира» [12. С. 106].

Сопоставительно-мотивологическое исследование предусматривает соотнесение национальных языков с языком-эталоном – такой независимой ни от одного языка системой, которая представлена в виде специально сконструированной формулы, выражающей универсальные характеристики того или иного слова. В качестве такой системы нами избран t.c., состоящий из двух частей. Первая пред-

ставляет собой латинское номенклатурное наименование птицы/растения, сопровождающееся буквальным переводом. В переводе отражен либо род (вид) объекта (*Luscinia svecica* ‘<какой-то> соловей’), либо характерный признак объекта (*Calidris melanotos* ‘черная <птица>’), либо само название объекта (*Dipsacus fulhorum* ‘ворсянка’ – растение), либо признак, легший в основу наименования (*Herniaria* ‘грыжа’). В любом случае латинский термин указывает на свойства объекта в отвлечении от конкретных единиц сопоставляемых языков. Вторая часть т.с. представляет собой толкование ЛЗ слова, являющееся по своей сути инвариантным обозначением биологического/зоологического объекта, включающее основные характеристики того или иного объекта. Толкование ЛЗ осуществляется исследователем с опорой на имеющиеся в толковых словарях, энциклопедических источниках и под. определения и описания. Основное требование к формулировке ЛЗ – ёмкость и содержательность. Например, *ворсянка* – ЛЗ: ‘травянистое растение, соцветия которого (ворсальные шишки) применяются в промышленности для ворсования’, *дутыш* – ЛЗ: ‘особая порода голубей с длинным телом и сильно развитым зобом’.

Таким образом, вводная часть словарной статьи выглядит следующим образом:

[*Convolvulus L.*] (извивающийся)

ЛЗ: ‘вьющееся сорное травянистое растение’

[*Regulus*] (король)

ЛЗ: ‘небольшая лесная птица отряда воробьиных с яркой окраской темени’

Латинский термин является словарным идентификатором и служит исходной точкой отсчёта при правильном подборе эквивалентной лексики сопоставляемых языков, а сформулированное ЛЗ выступает как понятийный идентификатор, дающий универсальное представление о языковом объекте. Сумма этих двух составляющих и есть т.с., который в целом можно рассматривать как когнитивное внеязыковое понятие, реализующееся в разных языках в виде одно-

словных номенклатурных эквивалентных единиц. «В универсальной типологии основой сравнения, по отношению к которой определяется специфика данных языков, является гипотетический, абстрактный язык-эталон, включающий общезыковые черты» [13. С. 10].

Выбор именно такого т.с. обусловлен необходимостью корректного сопоставления с целью получения результатов достаточной степени достоверности. Учёт т.с. важен, прежде всего, на начальном этапе исследования, когда осуществляется подбор межъязыковых эквивалентов. Двухязычные словари зачастую содержат эквивалентный перевод с опорой на внутреннюю форму слова, а не на внеязыковое когнитивное понятие, отсюда возникает проблема расхождения терминообозначения, которая может привести к неверному подбору сопоставляемой лексики.

II. Экспериментальная часть распадается на 5 столбцов, в каждом из которых дается заголовочное слово – наименование птицы/растения в русском, болгарском, польском, казахском и татарском языках (эквивалентные ЛЕ) – и далее следуют результаты психолингвистического эксперимента (ПЛЭ) в виде показаний МЯС информантов-носителей языков.

Заголовочное слово, фиксируемое графически в исходной форме, расположено по левому краю столбца. Подача заголовочного слова в многоязычном МСС отличается от подачи его в других (толковых мотивационных) словарях. Во-первых, оно приводится без указания ударения. Идея отказа от графического изображения ударения возникла в связи с тем, что в некоторых языках ударение фиксированное (в польском – ударение падает на второй слог от конца, в казахском и татарском – на последний слог). Во-вторых, не приводятся грамматические характеристики слов, поскольку наименования птиц/растений относятся к одной части речи – имени существительному, и все они, без исключения, даны в им. п. ед. ч. Наименование птицы/растения характеризуется одним ЛЗ, не имеет лексико-семантических вариантов, поэтому различие омонимии и полисемии как одной из важных проблем организации толковых словарей в МСС отсутствует.

Показания МЯС носителей языков – это центральный компонент словарной статьи МСС, организующее ядро, которое формирует «мотивационный паспорт» слова и моделирует микроструктуру словаря в целом.

В словарную статью вошли уже заранее отобранные и систематизированные исследователем показания информантов, отражающие актуализацию мотивационных (ассоциативных) связей слов в сознании носителя языка. «...Мотивированность/немотивированность лексических единиц (ЛЕ) определяется осознанием носителем языка связи звучания и значения слова, основанным на ассоциации с другими ЛЕ» [14. С. 32]. Осознание носителями языков мотивированности того или иного слова выявлялось в результате проведения свободного или целенаправленного ПЛЭ. В ходе эксперимента устно или письменно (прием анкетирования) было опрошено 1000 носителей разных языков от 15 до 65 лет, которым предлагалось ответить на вопросы: «Как Вы думаете, почему именно так называется эта птица/это растение?»; «Как Вы объясните связь звучания и значения слова?». Осознание мотивированности/немотивированности слова было эксплицировано в ответах-высказываниях в виде мотивирующих толкований (например: рус. *шпажник* – «у этого растения листья очень острые, тонкие, как *шпага*»; каз. *оқпақ* – «*оқ-оқ* деген дыбыс *шығаратын құс*) или рефлексирующих толкований, содержащих сомнение, неуверенность, догадку (*дудник* – *может быть, из стебля этого растения делают дудки, или стебель похож на дудку*; болг. *гургулица* – «*может да е звукоподражательно име?*»).

МСС – многоязычный словарь, предназначенный не только для носителя русского языка, но и для читателей-носителей тех языков, которые нашли свое отражение в словаре, поэтому показания МЯС информантов в данной зоне словарной статьи даются на их языке (без перевода). Это оправдано тем, что при мотивационно-сопоставительном анализе выявляется национальная специфика осознания языковой и неязыковой действительности, запечатлённая в метаязыковых высказываниях представителей разных лингвокультурных сообществ. Только оригинальные метавысказывания наглядно демонстрируют собственное национально-специфическое видение мира. При всём этом оформительская (издательская) оболочка словаря будет осуществляться на русском языке, поэтому в словарной статье предусмотрен перевод на русский язык всех показаний МЯС (дан в конце словарной статьи под *).

Показания МЯС являются в первую очередь источником для выявления лексической мотивированности (*ворсянка* – «*листья ворсистые*»; *гвоздика* – «*стебель, как гвоздь*»), реже – структурной моти-

вированности (*баклан* – «это как *пеликан*»), а также позволяют выявить звукоизобразительные слова (*лебедь* – «это красивая, нежная, добрая птица»). Все подобного рода метавысказывания позволяют делать вывод о мотивированности слова. Ответ «не знаю» сигнализирует о немотивированности слова. Через дефис указывается количество информантов, давших показания. Ниже приводится статистическая справка (первое число указывает на количество мотивированных слов, второе – немотивированных).

III. Характеризирующая часть словарной статьи отражает все структурно-семантические характеристики мотивированных ЛЕ сопоставляемых языков:

- выводится ВФС, состоящая из мотивационной формы (МФ) и мотивационного значения (МЗ);
- в мотивированном слове указываются лексические и структурные мотиваторы (ЛМ и СМ) согласно результатам ПЛЭ;
- определяется вид ВФС (вариантная/вариативная¹, невариантная, лексикализованная/нелексикализованная, метафорическая/неметафорическая). При вариантном/вариативном характере ВФС приводятся все толкования МФ и МЗ;
- сопоставляются мотивировочный (МП) и номинационный признаки (НП), которые могут совпадать, если у них одно и то же словесное выражение, и различаться, если НП выражен метафорически;
- указывается тип мотивированности (фонетический, морфологический, семантический, лексико-семантический).

IV. Иллюстративная часть. В этой зоне словарной статьи помещается иллюстрация (преимущественно цветная), которая предлагалась информантам в ходе ПЛЭ и которая в значительной степени «облегчала» осмысление ими той или иной языковой единицы. Иллюстрация позволяет читателю в некоторых случаях наглядно убедиться в достоверности показаний информантов. Также здесь дана гносеологическая справка, которая носит энциклопедический, этимологический, специализированный (ботанический или орнитологический) характер (под рубрикой «*А знаете ли вы, что...?*»). На наш взгляд, эта зона словарной статьи, несомненно, повышает познавательную ценность МСС.

Приведём образец словарной статьи (см. таблицу).

¹ О различии терминов вариантный/вариативный см. [15. С. 54].

[Certhia L.]

ЛЗ: 'мелкая певчая птица из отряда воробьиных серовато-бурой окраски с длинным тонким клювом'

Русский	Болгарский	Польский	Казахский	Татарский
<p>Пищуха</p> <p>Результаты ПЛЭ: «не поет, а пищит» – 60 чел. «голос напоминает писк» – 40 чел.</p> <p>100/0 МФ: ПИЩУХА МЗ: 'птица, <к-рой> торая>пищит'</p> <p>ВФС₁ < ЛМ₁: пищать СМ₁: сипУХА, лысУХА МФ: ПИЩУХА МЗ: 'птица, <голос к-рой как> писк'</p> <p>ЛМ₂: писк СМ₂: СМ₁ ВФС₁ нелексикализованная, ВФС₂ метафорическая МП: пищать, писк (НП: высокий, тонкий голос) Тип мотивированности: морфол.</p>	<p>Дърволазка</p> <p>Результаты ПЛЭ: «птица, която лази по дърветата» * – 40 чел.</p> <p>40/0 МФ: ДЪРВОЛАЗКА МЗ: 'птица, <к-рая> лазае по> дървям'</p> <p>ВФС < ЛМ: дърво – дерево, лазя – лазить, ползать СМ: сньюгушка, мухоловка ВФС невариантная, нелексикализованная, метафорическая МП: дърво, лазя (НП: умеет лазить по деревьям) Тип мотивированности: морфол. * перевод: птица, которая лазает по деревьям</p>	<p>Pełzacz</p> <p>Результаты ПЛЭ: «ptak, który umie pełzać» * – 50 чел.</p> <p>50/0 МФ: PEŁZACZ МЗ: 'птица, <к-рая> ползае'</p> <p>ВФС < ЛМ: pełzać – ползать, лазать СМ: rycbACZ, gzuwACZ ВФС невариантная, нелексикализованная, метафорическая МП: pełzać (НП: умеет ползать) Тип мотивированности: морфол. * перевод: птица, которая умеет ползать</p> 	<p>Шикылдак</p> <p>Результаты ПЛЭ: «шиқылдаған дауысы бар сияқты» * – 46 чел. «шиқыл дауысты елестетінін құс» – 34 чел.</p> <p>МФ: ШИКЫЛДАК МЗ: 'птица, <к-рая как бы> пищит'</p> <p>ВФС₁ < ЛМ₁: шиқылдау – пищать СМ₁: сарғалдақ, шырғалдақ МФ: ШИКЫЛДАК МЗ: 'птица, <голос к-рой похож на> писк'</p> <p>ВФС₂ < ЛМ₂: шиқыл – писк СМ₂: СМ₁ ВФС₁ нелексикализованная, метафорическая МП: пищать, писк (НП: высокий, тонкий голос) Тип мотивированности: морфол. * перевод: птица, которая как бы пищит; птица, голос которой напоминает писк</p>	<p>Чыелдык</p> <p>Результаты ПЛЭ: «Көңде чыелдык-чәредди торган кош» * – 35 чел. «Ул узенә тавышы белән нечкә тавышлы кеңене хәтерләтә» – 25 чел.</p> <p>МФ: ЧЫЕЛДЫК МЗ: 'птица, <к-рая> пищит'</p> <p>ВФС < ЛМ₁: чыелдау – пищать СМ₁: чыгычык, бытбылдык МФ: ЧЫЕЛДЫК МЗ: 'птица, <похожа на> пискун'</p> <p>ВФС₂ < ЛМ₂: чыелдык – пискун, писклявый человек СМ₂: СМ₁ ВФС₁ нелексикализованная, ВФС₂ метафорическая МП: пищать, пискун (НП: высокий, тонкий голос) Тип мотивированности: морфол., семант. * перевод: птица, которая сильно пищит; птица, напоминает писклявого человека.</p>

А знаете ли вы, что? «...пищуха... передвигается по стволу снизу вверх, опираясь на жёсткий хвост, часто издавая характерное попискивание, от которого и произошло её название» [Ковшарь А.Ф., Ковшарь В.А. Животный мир Казахстана. Алматы, – 2004. – С. 98].

На первый взгляд словарная статья может показаться весьма объёмной и трудно обозримой, однако при внимательном прочтении её вид оказывается вполне оправданным. Параллельное расположение информационных зон помогает читателю легко ориентироваться в структуре словарной статьи, находить именно ту информацию, которая его интересует.

Словарная статья многоязычного МСС характеризуется единообразием лексикографической представленности, систематизацией материала; сам словарь предоставляет большие возможности для разработки теоретических и практических вопросов сопоставительной лексикологии и мотивологии, типологии славянских языков, а его данные могут учитываться при создании многоязычных переводных, культурологических и лингвострановедческих словарей.

Специальное исследование, предпринятое автором в поисках оптимального способа антропоцентрического ориентирования многоязычного МСС, позволило предложить такую модель словарной статьи, которая основывается на учете показаний МЯС носителей разных языков, эксплицирующих мировосприятие и мирозерцание людей в процессе предметно-познавательной деятельности.

Литература

1. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. – Кокшетау: Келешек, 2009. – 265 с.
2. Мотивационный диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. – Т. 1 (А–О). – Томск, 1982; Т. 2 (П–Я). – Томск, 1983.
3. Блинова О.И. Словарь внутренних форм слова // Русские старожильческие говоры Сибири. – Томск, 1987. – С. 162–168.
4. Золотухина О.В. По страницам словаря внутренних форм слова // IV Житниковские чтения: Актуальные проблемы лексикографирования научных исследований. – Челябинск, 2000. – Ч. 2. – С. 199–205.
5. Наумов В.Г. Словарь лексических мотиваторов говора // Лексика и фразеология говоров территорий позднего заселения. – Кемерово, 1985.
6. Нестерова Н.Г. Словарь регулярных формантов (на материале говоров Среднего Приобья) // Актуальные проблемы диалектной лексикографии. – Кемерово, 1989. – С. 36–42).
7. Гарганеева К.В. Мотивационный словарь детской речи / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2007. – 122 с.
8. Блинова О.И. Лексикографический аспект сопоставительной мотивологии // Глагол и имя в русской лексикографии: Вопросы теории и практики. – Екатеринбург, 1996. – С. 14–24.

9. Жакупова (Адилова) А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – 360 с.
10. Козлова И.Е. Специфика явления мотивации слов в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1999. – 287 с.
11. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 295 с.
12. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. – Киев: Знание, 2004. – 326 с.
13. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
14. Блинова О.И. Явление мотивации слов: лексикологический аспект. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 184 с.
15. Блинова О.И. Варьирование внутренней формы слова в говорах // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященное 60-летию образования СССР и 40-летию Победы под Сталинградом: тез. докл. и сообщ. – Волгоград, 1982. – С. 53–54.

В.Г. Наумов

ПРИНЦИПЫ ПЕРЕВОДА ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

В статье представлена идея перевода диалектных словарей на иностранные языки с целью трансляции специфической языковой картины мира, фрагментов национальной культуры для их адекватного восприятия представителями иных культур, носителями иных языков. Предложен вариант структуры словарной статьи, дается обоснование выбора материала для осуществления представляемого проекта.

Ключевые слова: перевод, диалектный словарь, языковая картина мира, структура словарной статьи.

Задача передачи, трансляции специфических фрагментов национальной культуры носителям иных языков и представителям иных культур продолжает оставаться актуальной в современной лингвистике. Поэтому перспективной оказывается идея перевода на иные языки лексикографических трудов толкового типа, отражающих в той или иной мере лексические системы языков и их национальных разновидностей – социальных и территориальных диалектов, разговорных вариантов литературного языка, арго и т.п.

Наиболее распространенный вид такого перевода – информация в двуязычном словаре – словаре учебном, совмещающем в себе представление о лексических системах (в их сопоставлении) двух (реже – более) языков. Близок этому типу лингвострановедческий словарь. Так или иначе в подобных словарях описываются фрагменты национальных языковых картин мира, отраженных в лексике литературного языка, и эти словари специально предназначены для носителей иных языков и культур. Но национальная языковая картина мира не ограничивается пределами литературного языка. Более того, исследования последних лет показывают недостаточность опоры только на литературный язык, особо пристальное внимание традиционно уделяется изучению территориальных диалектов как своеобразных «накопителей», «аккумуляторов» национальной специфики, в первую очередь – языковой. Естественной при этом представляется ценность и диалектных словарей.

С другой стороны, многие диалектные лексемы не совпадают либо по объему семантики, либо по форме ее выражения с соответствующими лексемами литературного языка, а то и вовсе не имеют в нем соответствий, называя специфические для данной местности реалии, понятия, представления. И именно это составило бы особый интерес для тех, кто знакомится с иной культурой и с другим языком. Для решения данной проблемы, казалось бы, достаточно было бы и обычного диалектного словаря на соответствующем «родном» языке, но есть несколько причин, ограничивающих сферу его применения в иноязычной среде и снижающих его информативные возможности. Это, прежде всего, отсутствие у большинства потенциальных читателей словаря, своеобразных «пользователей», знания языка, достаточного для адекватного восприятия лексикографического текста. Кроме того, даже вполне удовлетворительное владение иностранным языком очень редко является идеальным для чтения и понимания диалектных (не всех, конечно) текстов, приводящихся в качестве иллюстраций употребления соответствующих толкуемых лексических единиц. В конце концов, перевод диалектного словаря мог бы стать своего рода экспериментом, осуществляемым в русле решения проблем переводимости, передачи национальной специфики из одного языка в другой. Причем такой перевод по своему статусу занимал бы особое по сравнению, например, с художественным или с техническим переводом место. В результате может получиться достаточно любопытный и по форме, и по содержанию сопоставительный анализ двух (как минимум) языковых картин мира. По сути же, в идеале речь должна идти о трех системах: диалект языка-источника, литературный язык-источник (так как лексикографическая информация в виде словарных дефиниций дается на литературном языке), литературный язык перевода.

Помимо этого, в рамках работы над переводом диалектного словаря могут быть поставлены и решены вопросы, касающиеся частных проблем лексикологического, лексикографического, переводческого, культурологического, общелингвистического характера. Таким образом, идея создания экспериментального переводного диалектного словаря вполне может быть обоснована сложившейся в лингвистике и в культурологии ситуацией.

Практика перевода словарей особого распространения не имеет. Самым ярким образцом подобного труда является перевод знамени-

того «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера [1]. Но, во-первых, это перевод словаря **русского** языка на **русский** язык, что, естественно, облегчало задачу переводчика, а во-вторых, у этимологического словаря, как и у этимологических трудов вообще, есть некая интернациональная специфика, когда способом толкования семантики является отсылка к «третьим» языкам, которые служат своеобразным универсальным семантическим инструментом. Следует сказать и о том, что известная трудность перевода лингвистических трудов, научных текстов проявляется и в случае перевода словаря. Поэтому необходимо выработать некоторый «метаязык» со своей терминологической подсистемой, своеобразный посредник при переводе; во всяком случае, терминология может быть переведена на другой язык с максимальной долей точности.

Первой же проблемой, возникающей перед составителями переводного словаря, является отбор материала. Основой для перевода должен стать уже созданный на языке-источнике словарь или материалы к словарю. Тем не менее сразу же необходимо решить главный вопрос: какой словарь брать за основу – недифференцированный, полный или дифференцированный? При любом подходе есть свои «плюсы» и «минусы», причем примерно те же, что и в самих этих словарях. Понятно стремление к полному отражению лексической системы в многообразии смысловых и формальных связей составляющих ее единиц. Вместе с тем совпадающие с литературным языком ЛСВ (причем совпадающие полностью, включая грамматические, стилистические и имеющиеся коннотативные характеристики) значительно увеличивают объем словаря. Думается, что попытки создания переводных словарей должны осуществляться в любых направлениях. В связи с этим в качестве исходных для перевода могли бы стать, например, созданные в рамках Томской диалектологической школы «Полный словарь сибирского говора» [2], «Вершининский словарь» [3], «Словарь образных слов русского языка» [4] и др. Особого внимания, естественно, заслуживают структура словарной статьи и способы представления ее компонентов в переводе словаря.

Заглавное слово может быть подано в том числе и в исконной форме, снабженной транскрипцией, отражающей характер произношения соответствующей лексической единицы в данном диалекте (**FAYSHO'NKA** [faiysho'nka] (файшонка)). Думается, что форма по-

дачи грамматических и стилистических помет не должна вызывать особых проблем: накоплен достаточный опыт представления этих характеристик в двуязычных словарях литературных языков. Необходимы лишь предварительное изложение правил такого представления в виде соответствующих списков сокращений с их переводом, а также краткая характеристика грамматической и фонетической систем говора.

Самым, пожалуй, ответственным и трудоемким (но и самым значимым и интересным с лингвистической точки зрения) делом является перевод толкования лексического значения диалектного слова, а проблема адекватности толкования семантики в переводе становится весьма актуальной. Условно можно выделить фрагменты дефиниций с полным соответствием при переводе, с частичным соответствием и с несоответствием. Причем речь идет не обо всей дефиниции, а именно о ее фрагментах. В связи с этим можно предположить, что центральной на первом этапе станет проблема семантизации самой дефиниции, что представляет особый научный интерес, даже безотносительно проблемы ее перевода. Кроме того, решение проблемы перевода дефиниции позволит более четко структурировать различные формы толкований и более точно определить их типологию. Не исключается и вариант совмещенного – лингвистического и энциклопедического толкования, когда возникает проблема описания реалии, неизвестной носителю языка перевода.

Особую сложность представляет решение проблемы подачи иллюстративного материала. Безусловно, на страницах переводного словаря должны быть представлены оригинальные тексты на языке-источнике. Кроме того, необходим хотя бы подстрочный перевод, позволяющий определить место и роль толкуемого слова в структуре высказывания («**Poskotina** (*land covered with grass and other low plants suitable for grazing animals, especially cattle or sheep; pasture*) had gate and near the **poskotina** lived a special person-**PRIVOROTNIK**, who watched the gate»). В словарной статье может быть помещена конструкция-формула, отражающая минимальную типичную модель, в которой употребляется данная лексема («**PRIVORO'TNIK open gate**»). В тексте перевода толкуемое слово может быть представлено в исконной форме – в виде своеобразного варваризма («The gates were. No, we had **приворотники** (**приворотник-s**), they opened their»).

Словарные статьи (последовательно или выборочно) могут сопровождаться краткой этимологической справкой и/или характеристикой словообразовательной (и/или морфемной) структуры, а по сути – истории толкуемого диалектного слова (**STANO`K**... Place for coachmen's (a drivers of a horse-drawn carriage) recreation <**stan/ok** ...**стан/овиться, о/стан/авливаться** – put up at **STANOK**>. Это поможет читателю словаря более точно определить место данной единицы в лексической системе говора, а соответствующего понятия – в национальном и региональном мире понятий, что несомненно позволит получить более полное представление о соответствующей языковой картине мира.

Вариант словарной статьи:

ЛИТО`ВКА [lito`fkə] *n.* (**ЛИТО`ВКА, -и, жс**). 1. Scythe; braid - Poured from the steel *scythe* with a long straight handle (Вы`литая из ста`ли **коса`** с дли`нной прямо`й рукоя`тью) <л/и/т/ь (от/л/и/вать) – found, cast of metal>. – Scythes mowed down the ranks, they dry, then rake in a pile, in haycocks; Skewed (**kosheni`na**) remains, so I squinted scythe and left: mowed grass – **kosheni`na** (*Лито`вками ско`силь ряды`, оне` вы` сохнут, пото`м грабля`ми в ку`чу, в ко`нна; Кошени`на остаё`тся, вот я лито`вкой скосил и оста`вил: подко`шенная трава` – кошении`на*). D 73¹.

2. Blade of the spit (Ле`звие косы`). – Scythe on the handle (**kosyo`vishche**) planted. – We mowed hay; Scythe whetstone grind; Then beat off scythe with a hammer, a wide place (*Лито`вка на косьё`вище наса`жена. Се`но коси`ли; Лито`вку бруско`м сто`чут; Тогда` отбива`ют лито`вку молотко`м, широ`ким ме`стом*). D 36.

3. The cutting of the mower (Ре`жущая ча`сть сенокоси`лки). – **Derga`tch**, it is part of mower, it moves the blade; We have not begun [to mow]: blade will tear. [Tansy] in finger-thick. And then we'll sit with him, to rivet (*Дерга`ч, он у сенокоси`лки, он лито`вку дё`ргат; Мы не ста`ли [коси`ть]: лито`вки порвё`т. В па`лец толцино`й [ни`жма]. А пото`м бу`дем сиде`ть с ним, клепа`ть*). DAR 4. [3. Т. 3. С. 234–235].

Литература

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1–4.

¹ В переведенном словаре дается перевод помет словаря-источника. «D» (dialect) соответствует сокращению «Д» (диалектное), «DAR» (dialect/all-Russian) соответствует сокращению «ДО» (диалектный вариант общерусского слова), цифра отражает количество зафиксированных употреблений слова.

2. *Полный словарь сибирского говора* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995. – Т. 1–4.
3. *Вершининский словарь* / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. – Т. 1–7.
4. *Блинова О.И., Юрина Е.А.* Словарь образных слов русского языка. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 364 с.

А.В. Шевчик

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЗООНИМОВ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье представлены принципы лексикографического описания наименований животных в «Мотивационно-сопоставительном словаре зоонимов русского языка». Дана краткая историография мотивационно-сопоставительной лексикографии, в традициях которой ведётся работа над словарём. Представлены тип словаря, его состав и структура словарной статьи, позволяющие делать выводы о лингвистической и лингвокультурной специфике русской зоонимической лексики.

Ключевые слова: лексикография, мотивология, мотивационно-сопоставительный словарь, зооним.

Феномены мотивированности языкового знака и внутренней формы слова (ВФС), занимавшие умы древних и средневековых философов, и в современной науке являются объектом внимания многих научных дисциплин, в первую очередь – лингвистических: лексикологии, этимологии, дериватологии, семасиологии, ономазиологии, когнитивистики, лингвокультурологии, лингводидактики, лексикографии. В Томской мотивологической школе в 70-е гг. XX в. был определён лексикологический статус мотивированности как свойства слова и внутренней формы как морфосемантической структуры слова [1], явивший собой благодатную основу для развития мотивологической теории в различных аспектах с опорой на принципы системности, синхронности и антропоцентризма [2].

С момента выделения мотивологии в самостоятельную лексикологическую дисциплину одним из основных направлений анализа явления мотивации слов является мотивационная лексикография [3]. На протяжении четырёх десятилетий процесс становления аспектов мотивологии сопровождается появлением мотивационных словарей разных типов, апробирующих новые теоретические концепции на обширном материале русского литературного языка, народно-разговорной, художественной, детской речи, а также отдельных тематических групп славянских, германских, тюркских, романских языков [4].

Лексикографическая параметризация результатов анализа активно используется и в рамках мотивационно-сопоставительных исследований. О.И. Блинова в статье «Сопоставительная мотивология» (1994) отмечает, что данные сопоставительного мотивационного словаря позволяют подвести под сопоставительные исследования прочную фактическую базу. Предложенная ею в данной статье концепция мотивационно-сопоставительного словаря (МСС) включает следующие компоненты: основание сопоставления – номинему, соотносимые лексические единицы и их внутренние формы, лексические и структурные мотиваторы, тексты и метатексты, иллюстрирующие актуализацию мотивационных отношений [5. С. 22].

Данная концепция МСС и ряд мотивационных словарей других типов составили очередной этап развития передовой области современной лексикографии, реализуя «антропоцентрический» вид лексикографирования, приходящий на смену «лингвоцентрическому» [6]. Антропоориентированные словари описывают язык как принадлежность сознания человека, моделируют процесс активного, а не пассивного знания языка. К словарям активного типа, как отмечает А.Д. Жакупова [7. С. 182], относятся мотивационные и ассоциативные словари.

Если ассоциативные словари, отражающие «ассоциативно-вербальную сеть языкового сознания человека», «язык в его предречевой готовности» [8. С. 23], «внутренний, или ментальный, лексикон» [8. С. 23, 9], связаны с изучением глубинного уровня языкового сознания, относящегося к области неосознанного, то мотивационные словари, в отличие от них, фиксируют факты рефлексивного осмысления элементов и закономерностей языка, выявляющие поверхностный уровень языкового сознания его носителей – метаязыковое сознание [10. С. 54].

История лексикографического описания мотивированной лексики русского языка в сопоставительном аспекте насчитывает уже почти два десятилетия, концепция МСС на данный момент апробирована и усовершенствована на материале тематических групп орнитонимов и фитонимов различных славянских, тюркских, германских языков [7, 11, 12]. Основой словаря подобного типа неизменно признавались метатекстовые материалы, фиксирующие осознание мотивированности лексических единиц носителями изучаемых язы-

ков. Авторы А.Д. Жакупова (Адилова), А.С. Савенко (Филатова) стремились к единообразному описанию сопоставляемых слов, разработали принципы привлечения в словарную статью информации нелингвистического, энциклопедического характера, раскрывающей культурологический потенциал изученной лексики.

В 2012 г. мотивационно-сопоставительный словарь впервые был опубликован. Двухтомный труд А.С. Савенко [13, 14] включает 400 словарных статей, раскрывающих перед читателем мотивационный потенциал 800 наименований растений и птиц русского и английского языков, реализованный в 90 000 показаний языкового сознания их носителей.

Продолжающий традиции лексикографического аспекта сопоставительной мотивологии «Мотивационно-сопоставительный словарь зоонимов русского языка» (МССЗ) впервые вводит в её словарный фонд лексикографическое описание тематической группы наименований животных и представляет собой очередной этап реализации мотивационно-сопоставительного словаря русского языка. Тип словаря, его состав и структура словарной статьи отвечают цели выяснения специфики зоонимов русского языка в аспекте их мотивированности в сопоставлении с эквивалентной лексикой английского языка.

Тип МССЗ определяется по нескольким основаниям: объект, предмет лексикографирования, цель лексикографирования, способ представления лексики (за образец взята типология диалектных словарей О.И. Блиновой [15]). В соответствии с объектом лексикографирования МССЗ является, во-первых, словарём литературного языка, во-вторых, синхронным словарём. По предмету лексикографирования МССЗ – дифференциальный по двум критериям: по внешнему критерию – это словарь одной тематической группы, по внутреннему критерию – мотивационный словарь, представляющий явление мотивации слов. По цели МССЗ – сопоставительный словарь, он предьявляет результаты анализа соотносительных категориальных единиц мотивологии, принадлежащих русскому и английскому языкам (словнаименований животных, их внутренних форм, мотиваторов, мотивировочных, номинационных признаков, типов мотивированности, лексических процессов, действие которых претерпели

сопоставляемые зоонимы). По способу представления лексики – прямой словарь.

Мотивационно-сопоставительный словарь зоонимов русского языка включает слова тематической группы зоонимов русского и английского языков – наименования животных класса млекопитающих.

Основу словаря составляют зоонимы литературного языка – общеупотребительные наименования млекопитающих, встречающиеся в толковых и двуязычных словарях русского и английского языков без помет (*барсук – badger, белка – squirrel, заяц – hare, ёж – hedgehog, норка – mink, кенгуру – kangaroo* и др.). В словарь также включены зоонимы, квалифицированные в словарях литературного языка как специальная лексика и сопровождаемые пометами спец. – специальное, зоол. – зоологическое, а также наименования животных, отсутствующие в данных словарях, но характеризующиеся высокой частотностью в научно-популярной литературе (*бородавочник – warthog, вечерница – noctule, горал – goral, долгопят – tarsier, желтодушка – pinetep, медоед – ratel* и др.).

Основополагающие принципы отбора лексики соответствуют типу мотивационно-сопоставительного словаря (однословность, номенклатурность, возможность денотатного соотношения лексикографируемых единиц). В словарь входят мотивированные, полумотивированные и немотивированные лексические единицы сопоставляемых языков, составляющие двуязычные пары эквивалентных и адекватных зоонимов.

Особенностью МССЗ является сложный комплекс единиц лексикографирования, основу которого составляют мотивированное слово, его мотиваторы и внутренняя форма слова. Также лексикографически описаны такие единицы, как тип мотивированности, мотивировочный и номинационный признаки, лексические процессы, связанные с мотивированностью. Лексикографирование ВФС включает описание её компонентов – мотивационной формы и мотивационного значения, а также её вида по трём параметрам (вариантность, лексикализованность, метафоричность). Словарные статьи МСС расположены в алфавитном порядке.

Словарная статья выполнена в виде таблицы, левая часть которой отражает сопоставляемые единицы русского языка, правая –

английского, и состоит из четырёх зон: зоны заглавного слова, зоны показаний МЯС, интерпретационной и справочной зон.

Зона заглавного слова включает: а) заглавное слово на русском языке; б) толкование его лексического значения; в) научное латинское наименование животного (при наличии такового); г) изображение животного для наглядности; д) заглавное слово на русском и английском языках; е) лингвокультурологические пометы (для образных зоонимов).

В зоне показаний метаязыкового сознания представлены результаты опроса информантов, мотивирующих зоонимы и статистические данные.

Интерпретационная зона содержит: а) указание на мотивированность / полумотивированность / немотивированность слова; б) схему внутренней формы слова; в) лексический мотиватор (мотиваторы) и/или структурный мотиватор (мотиваторы); г) вид ВФС (вариантная / невариантная, лексикализованная / нелексикализованная, метафорическая / неметафорическая); д) тип мотивированности (в зависимости от средства мотивировки); е) мотивировочный признак (при наличии мотивированности); ж) номинационный признак; з) лексические процессы демотивации, ремотивации, лексикализации ВФС.

В справочную зону входят этимологическая и зоонимическая справки.

На сегодняшний день составлено 180 словарных статей будущего словаря, в совокупности представляющих такие особенности зоонимической лексики, как её активная вовлечённость в процессы утраты и приобретения мотивированности, реализация способов адаптации иноязычных слов в системе языка, отражение антропоориентированной концептуализации мира носителями русского языка, превалирующие средства мотивировки наименований животных и др. Работа над словарём продолжается.

Ниже приведены образцы словарных статей «Мотивационно-сопоставительного словаря зоонимов русского языка». Образцы статей даны также в диссертационной работе автора [16. С. 114–177].

КОСАТКА

Orcinus orca

Крупный хищный дельфин пятнистой чёрно-белой окраски с большим изогнутым спинным плавником

КОСАТКА		KILLER
Показания метаязыкового сознания: «животное получило такое название из-за косо́го плавника» (47) «у неё плавник на спине похож на косу» (29) «не знаю» (24)		Показания метаязыкового сознания: «it kills animals and people» – животное убивает других животных и людей (50)
мотивир., СО, артефактоморфизм		мотивир.
МФ: КО Сат/КА ВФС ₁ : МЗ: 'животное <с> косым плавником>'	МФ: КОСАт/КА ВФС ₂ : МЗ: 'животное <с плавником, похожим на> косу>	МФ: KILL/ER ВФС: МЗ: 'животное, <которое> убивает <животных и людей>'
ЛМ ₁ : КОСой СМ _{1,2} : землеройКА, полёвКА	ЛМ ₂ : КОСА	ЛМ: to KILL – убивать СМ: badgER – барсук, hamstER – хомяк
ВФС ₁ : вар., нелекс., неметаф. ВФС ₂ : вар., нелекс., метаф.		ВФС: невар., нелекс., неметаф.
МП ₁ : косо́й плавник МП ₂ : изогнутый, как коса, плавник		МП: способно убить животное и человека
НП _{1,2} : внешний вид, по форме		НП: особенности поведения, по действию
ТМ ₁ : морфологический ТМ ₂ : морфосемантический		ТМ: морфологический
Лексические процессы: –		Лексические процессы: –
Этимологическая справка: –		Этимологическая справка: –
Зоонимическая справка: косатка – прожорливый и бесстрашный хищник, убивающий акул, тюленей, пингвинов и прочих морских животных, какие только попадутся на его пути, – кит, называемый по латыни <i>Orcinus orca</i> , соединяет в себе грубую силу беспощадного громила с замечательным умом дельфина [17. С. 122].		

ВЫДРА

Lutra lutra

Хищное млекопитающее семейства куньих, с жёстким ценным мехом тёмно-бурого цвета, хорошо плавающее в воде и питающееся рыбой, лягушками и т.п.

ВЫДРА	ОТТЕР
Показания метаязыкового сознания: «у этого животного ценный мех, поэтому его шкуру выдирают, выдёргивают и выдывают» (53) «это водяное животное» (8) «не знаю» (39)	Показания метаязыкового сознания: «its habitat is water» – место обитания этого животного – вода (43) «не знаю» (7)
мотивир.	мотивир.
МФ: ВЫДРА ВФС: МЗ: «животное/, <с которого> сдирают <шкуру>»	МФ: OTtER ВФС: МЗ: «животное, <обитающее в> воде»
ЛМ: ВЫДирать (ВЫДёргивать) СМ: зебра, пантера, ондатра	ЛМ: wOTer – вода СМ: hamstER – хомяк, howlER – ревун
ВФС: невар., нелекс., неметаф.	ВФС: невар., нелекс., неметаф.
МП: из шкуры животного выдёргивают остевые волосы	МП: обитает в воде
НП: по использованию животного	НП: образ жизни, по месту обитания
Этимологическая справка: общеслав. и.-е. характера. Образовано с пом. суффикса -р- от той же основы, что и вода. Начальное в – протетическое. Родственно литовскому ūdra, греч. ὕδωρ – вода, ὕδρος – водяная змея, гидра [18].	Этимологическая справка: общегерм. *otraz, и.-е. *udros от санскрит. Udrás, гр. Húdroc – водная змея, гидра [19, 20].
Лексические процессы: демотивация, лексическая ремотивация	Лексические процессы: структурная ремотивация
Зоонимическая справка: В старину этого зверя называли «порещня», видимо за то, что он встречается по рекам. Выдра – это более позднее название, и произошло оно от слов выдирать или выдёргивать (при выделке шкуры остевые волосы большей частью выдёргиваются и используется только густая и очень мягкая подпушь [21. С. 82]. По образу жизни выдра, бесспорно, одно из самых интересных животных; уже на суше она способна к замечательно легким движениям, быстро бежит, словно скользит, подымается на задние лапы, даже лазает по деревьям, в воде же чувствует себя, как в родной стихии, подобно рыбе [22. Т. 2. С. 256].	

Литература

1. Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. ... д-ра филол. наук / Том. гос. ун-т. – Томск, 1974. – Т. 1. – 465 с. Машинопись.
2. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – 394 с.
3. Блинова О.И. Мотивационный словарь диалекта и некоторые вопросы теории // *Вопр. языкознания и сибирской диалектологии*. – Томск, 1977. – С. 107–110.
4. *Мотивология*: библиогр. указ. / под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 78 с.
5. Блинова О.И. Сопоставительная мотивология // *Вопр. слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование*. – Ч. 1. – Томск, 1994. – С. 7–24.
6. Морковкин В.В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // *Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре: сб. науч. ст.* – М., 1988. – С. 131–137.
7. Жакупова А.Д. Сопоставительная мотивология: методы и аспекты. – Кокшетау: Келешек, 2009. – 264 с.
8. Гольдин В.Е., Сдобнова А.П. Русская ассоциативная лексикография. – Саратов: науч. кн., 2008. – 77 с.
9. Aitchison J. *Words in the mind*. – Maldon a.o.: Blackwell Publishing, 2005. – 314 p.
10. Ростова А.Н. Обыденное метаязыковое сознание: статус и аспекты изучения // *Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика*. – Кемерово; Барнаул, 2008. – С. 49–57.
11. Адилова А.Д. Принципы мотивологического исследования и его аспекты (на материале наименований птиц): дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 1996. – 257 с.
12. Филатова А.С. Тематические группы русского языка в мотивационно-сопоставительном аспекте: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2004. – 295 с.
13. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Орнитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 200 с.
14. Савенко А.С. Мотивационно-сопоставительный словарь русского и английского языков: Фитонимы / под ред. О.И. Блиновой. – М.: ЛЕНАНД, 2012. – 198 с.
15. Блинова О.И. Типы региональных словарей // *Русские говоры Сибири*. – Томск, 1981. – С. 7–11.
16. Шевчик А.В. Комплексное мотивологическое исследование зоонимов русского языка: дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2011. – 241 с.
17. Ричцутти Р. Млекопитающие водного мира // *Опасные обитатели моря*. – Л., 1979. – С. 121–143.
18. Шанский Н.М., Иванов И.И., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – М.: Просвещение, 1971. – 538 с.
19. *Online etymology dictionary* [Электронный ресурс] // URL: [http:// www. etymonline.com](http://www.etymonline.com) (дата обращения: 20.05.2011).
20. *The Oxford Dictionary of English etymology* / Onions C.T, Friedrichsen G.W.S, Burchfield R.W. – Oxford, 1996. – 1040 p.
21. Руковский Н.Н. По следам лесных зверей. – М.: Лесная промышленность, 1981. – 160 с.
22. Брем А. Жизнь животных: в 3 т. – М.: ТЕРРА – TERRA, 1992.

СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.161.1

В.Г. Арьянова, А.В. Арьянова

МИР СОВРЕМЕННЫХ КРЕСТЬЯН (ПО МАТЕРИАЛАМ «СЛОВАРЯ ФИТОНИМОВ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ»)

В статье отмечаются некоторые особенности материальной и духовной культуры современных сельских жителей среднеобского бассейна, которые отражаются как в названиях растений, так и в рассказах о них, в том числе в поверьях, преданиях, пословицах, поговорках, загадках и других произведениях устного народного творчества, богато представленных в иллюстративной части словарных статей трехтомного «Словаря фитонимов Среднего Приобья».

Ключевые слова: фитоним, словарь, Среднее Приобье, материальная и духовная культура крестьян.

Сбор лексики среднеобских говоров, в том числе и фитонимики, был начат в 50-е гг. XX в. Однако большая часть помещенных в «Словаре фитонимов Среднего Приобья» [1] иллюстративных материалов была собрана автором и студентами филологического факультета Томского педуниверситета под руководством составителя словаря в течение последних двух-трех десятилетий, когда появилась возможность производить записи на магнитную ленту. Это позволяет считать, что данные материалы отражают мировидение современных жителей села среднеобского бассейна.

Несмотря на вынужденное усечение текстов, обусловленное принципом экономии при составлении словаря, а также его тематической направленностью, материалы дают возможность познакомиться с фрагментами материальной и духовной культуры крестьян, с их миропониманием, этическими, эстетическими и нравственными позициями и установками и ценностями. Тексты отражают особенности обычаев, нравов, верований, хозяйственной деятельности крестьян, традиции народной медицины.

Мир человека неразрывно связан с миром природы, которая удовлетворяет материальные и духовные потребности людей. Сложно найти такую сферу деятельности, где бы сельские жители не ис-

пользовали растения. Это и земледелие, и скотоводство, и всевозможные промыслы, народная медицина, домашнее хозяйство – всюду человек встречается с растительным миром, который знаком ему подчас до мелочей. Нет такой семьи, которая не имела бы приусадебного участка. Огород и получаемый урожай – предмет постоянной заботы и обсуждения в семье, в гостях, с гостями. Это можно наблюдать и летом, и зимой, при подготовке к весенним работам, при обработке земли, сборе урожая, приготовлении пищи, так как без растений просто невозможно физическое существование людей.

Интересно отметить, что о культурных и дикорастущих растениях информанты часто повествуют в разных эмоционально-оценочных тонах: о возделываемых обычно говорят в стилистически нейтральной, о дикорастущих – часто в возвышенной тональности. Исключения составляют декоративные цветы. Растения дикой природы – это ее дары, не всегда познанные, вызывающие особый интерес и чувство благодарности за их существование.

Роль растений, в том числе дикорастущих, как пищевого продукта высоко оценивается селянами: *Вот мы выжили в войну за счет трав, ягод и грибов (Ягода). ...и на цветы смотрели не как женщины, а как коровы: «Нельзя ли съесть?» (Лабазник вязолистный). Выжили благодаря лесу (Смородина красная).* Эта мысль рефреном звучит в устах почти всех информантов.

Рассказывая о растениях, информанты сообщают о самых разных блюдах и способах их приготовления: парёнки, кулага, лепёшки из трав, драники, жарёвня, горлодёр, хреновина, опённица, блины из муки, полученной из корней растений, начинка для пирогов, заварка для чая (чужедержавным чаем брезговали), кисели, хлеб с конопляными отбойками, супы из трав, конфетки из молодых побегов ели, соленья из диких растений и т.д. При этом указывается, какие растения нельзя есть (обычно это ядовитые травы или ягодники).

В рассказах о культурных растениях содержится информация об истории их освоения. Например, раньше из ягод не варили варенье, не выращивали помидоры, турнепс, не сеяли кукурузу, не различали сорта чеснока и т.д. Не было палисадников, около дома не садили деревья, сирень появилась недавно. Вместе с тем в последние годы широко стали выращивать такие теплолюбивые растения, как арбузы, дыни, сливы, яблони и др. Делается попытка одомашнивания дикоросов (Боярышник, Черемша, Черноголовник и др.). Параллель-

но сообщаются факты из жизни людей. В трудные годы растения служили источником хотя бы какого-то материального дохода: чтобы купить платок, надо сдать малину (Черемуха), купить чего-нибудь в магазине – продать стаканчик земляники (Шиповник) и т.п. Информанты часто сравнивают прошлое и настоящее, находя доброе и худое в них, сравнивают отношение сельских и городских людей к тем или иным продуктам: *Это вы, городские, чё попало едите* (Паслен черный).

Спектр использования растений в хозяйстве, как уже отмечалось, очень широк. Подчас одно растение применялось в разных целях. Например, из ивы плели корзины, гнули дуги, изготавливали вязи, цевки, венки, ивы рубили на частокол и плетень, кору ивы использовали для дубления кож и окраски тканей. Соцветие ивы козьей съедали как лакомство, ее ветви ломали и освящали в церкви, ставили за икону для охраны дома от злых духов. Было поверье, что если на веточке будет больше соцветий (котиков), то и хозяйство будет разрастаться, а скотину и людей били освященными веточками, чтобы не болели (Все виды ив). Практически все словарные статьи содержат сведения об использовании растений в хозяйстве или в оздоровлении людей. Информанты делятся знаниями о способах изготовления целебных напитков, мазей. Они рассказывают о том, что и как выращивали в прошлом, как обрабатывали землю, сеяли, молотили, из чего делали пряжу, как вязали, шили, чем красили ткани, как делали посуду и другую утварь, изготавливали транспортные средства. Многие знания и умения крестьян применяются и сейчас в домашнем хозяйстве.

Материалы «Словаря фитонимов» отражают достаточно сложно и четко организованную народную систематику растений, ее многоуровневый характер. Все растительные организмы, включая грибы, объединены в особое царство природы – растения. Они подразделяются на своего рода «отделы»: деревья, кустарники, травы, ягоды, мхи, грибы (*Грибы растут, значит они растения*). Особое положение занимают посевные, овощные и бахчевые растения. Они составляют особый «отдел» – культурные растения. В каждом из этих крупных объединений очень часто выделяются роды, включающие два и более вида (сорта) растений (например, тополь: тополь черный – тополь серебристый; крапива: крапива большая – крапива маленькая – крапива конопляная; смородина: смородина черная – смо-

родина красная – смородина белая; капуста: капуста белокочанная – багровая капуста – цветная капуста – капуста-толстопятка.

Народная систематика растений среднеобского бассейна охватила более семисот их видов и сортов.

Всматриваясь в окружающий мир, крестьяне видят не только то, что пригодно в хозяйстве. Их пытливый ум и зоркий глаз позволяют разглядеть и крошечные цветочки, и едва заметные волоски на листочках травинок, заглянуть внутрь стебля или корня, восхититься их красотой и необычностью. Вызывает удивление интерес крестьян к строению растений, знание наименований их частей. В сданном в печать «Словаре названий частей растений...» помещено более трехсот таких наименований, причем не только тех частей, что находят применение в хозяйстве.

Сельские жители трепетно относятся к природе, очень тяжело переживают ее разрушение как под воздействием неблагоприятных экологических явлений, так и вследствие хищнического разграбления недобросовестными людьми: *Сидоренко берёг кедроч, уши драл, потому и сохранился в Лучаново (Кедр сибирский). Люблю супчики с травками варить. Кислички для щец кину, для витаминного супчика морковочку. Одним словом, без травочек никуда. Природа-мать богата, беречь её надо и дарами пользоваться разумно (Щавель обыкновенный). Я её [мать-и-мачеху] распознала на берегу, а теперь там всё перебурobili (Ятрышник шлемовидный). Подобных высказываний очень много.*

Известно, что отношение древних людей к растениям носило сакральное значение. И сегодня отголоски этого отношения сохранились в памяти народа. Многие крестьяне, особенно люди старшего поколения, с молитвой идут в лес, рубят деревья, сажают растения в огороде, при этом в молитвах обращаются не только к Господу, но и к растениям: *Всегда... когда нас мама водила в лес, она всегда с лесом здоровалась [...], это отношение к лесу у нас у всех осталось (Лес). В сентябре был день, двадцать первого сентября, Рябинники. Именины рябины устраивали. День Павла и Петра. Рябина вот у нас растение сильно почитаемое было [...]. А некоторые были, которые молились на рябину. Староверы (Рябина сибирская).*

Растения наделяются способностью защитить человека от злых сил (Багульник, Девясил, Осина, Полынь, Рябина, Чертополох, Ятрышник и др.). Растения могут защищать друг друга и помогать друг

другу: береза – еловая нянька, крапива – заступница малины. Растительный мир опоэтизирован людьми. Образ растений отражен практически во всех фольклорных жанрах: в песнях (Берёза, Малина, Калина, Рябина, Черёмуха), частушках (Горлянка, Ива, Лилия-саранка, Незабудка, Пеларгония зональная, Чеснок и др.), пословицах, поговорках, загадках (Берёза, Черёда, Лук репчатый, Камыш, Одуванчик, Подорожник, Свекла, Тростник и др.), преданиях, сказаниях, легендах, поверьях (Василёк синий, Вахта, Вороний глаз, Деясил, Кипрей, Клюква, Ковыль, Ландыш, Марьяник, Папоротник, Одуванчик, Подорожник, Шиповник и др.). Приведем несколько примеров: *Молочай, жёлтая трава, подойники мыли, чтоб молока больше было* (Осот полевой). *Ветреник [...] в кринке парют, чтоб сметаны больше было* (Прострел широколистный). *Вот такой травы чертополоха нарвать да накласть кругом во дворе. Всяка дрянь, плохой человек не зайдёт, а то и зайдёт, так назад повернёт* (Синеголовник плосколистный). Осот да лебеда – для посевов беда (Лебеда). *Глазок жёлтый на солнце глядит, солнце нахмурится – глазок прищурится* (Одуванчик). *С молоком, а не коровушка, летает, а не соловушка* (Одуванчик). Пример легенды о журавле, открывшем людям «клад». *Клюква растёт. Но мы её так не называем. Мы зовём её журавлиха, ещё и брусничник журавлиный. Дак он всегда зелёный, листики у неё мелкие, даже очень много. Цветки у журавлихи мелкие, розовые. Ягоды у неё тёмно-красны, похожи на маленькие шарики. Растёт она у нас на болотах. Люди рассказывают, что к одному мужику в деревне прилетел ночью журавль и сказал, чтобы шёл он за ним. Покажет он ему места, де-то клад богат зарыт. Пошёл мужик за журавлём, а тот-то привёл его на болото. Пришёл мужик на болото и увидел красные рубины, то была журавлиха. Вернулся мужик домой и рассказал всем людям в деревне про чудо-ягоду и про журавля. И стали её кликать журавлихой* (Клюква).

С растениями связано много примет (Берёза, Ива, Малина, Осина, Осока, Синеголовник, Черёмуха, Черника, Чистотел, Шиповник и др.). Например: *Где талина, раньше там колодцы копали. Она воду любит* (Ива). *Рожь в землю, а лук из земли* (Лук репчатый).

Мир природы знаком человеку с детства. Растения используются в различных играх (Акация, Борщевик, Дягиль, Клен, Лопух, Мятлика, Нивянка, Одуванчик, Пион, Подорожник, Рогоз, Ромашка, Смолевка-хлопушка и др.).

Природа воспринимается как прекрасное, вызывающее эстетическое наслаждение. *И сама себе сажаю, и людям давала и даю, чтобы у людей было красиво. Астрочки – это мои любимые цветы (Флокс). А это пушочки называются. Посмотрите, какие колосочки нежненькие, нежненькие и длиненькие [...], просто прелесть травка (Ячмень гривастый). Ой, я вообще люблю цветы. Самый любимый цветок у меня, по-моему, анютины глазки [...]. Я просто считаю, что это чудо-цветочек (Фиалка трехцветная). Возьмём вот нашу русскую берёзу. Сколько песен про неё спето! Это же красавица! Жарко – под берёзу лёг, свежий ветерок, листья шелестят, вроде как музыка, хочешь не хочешь, а уснёшь, задремлешь (Берёза). Люблю я цветочки, они как живые, с ними и разговариваю другой раз (Цветочки). Тыквы очень долго могут храниться дома, прямо в комнате. Посмотри, какая красавица! [Переворачивает тыкву]. Очень полезная. И для сердечников полезная, и для почек (Тыква обыкновенная). Рябина у нас круглый год красавица. Когда цветёт, любо-дорого поглядеть, а как ягоды на ней гроздьями висят, и не рассказать (Рябина). Ну вот, например, калачики [...]. Ведь бывают такие высоченные вымахивают. Листья такие красивые, круглые у ней, глядеться не наглядеться. А когда они вырастут полностью, в детстве её тоже ели. Они цветут такими цветочками розовенькими, беленькими бывают. Она как-то по полям не растёт, только по огородам (Просвирник маленький). Я знаю только растения радости (Тополь чёрный).*

В бережном отношении к природе сельских жителей проявляется высокий уровень их духовной культуры.

Общезвестно, что культура человека находит свое отражение в значительной степени в слове. Ни в одном из рассказов информантов не было слов бранных, слов с «низкой» семантикой. Особенно это наблюдалось в тех случаях, когда речь шла о растительном мире. Его предметам даны красивые и понятные наименования. Поэтому очень часто наши респонденты с удовольствием объясняли, почему так названо то или иное растение: *Вот это баשמачки. Видишь, у них цветки в форме баשמачка (Башмачок красный). Есть бабий язык называется. Бабий язык длинный, болтает много (Эпифиллум). Эту у нас бройлер зовут [...], она така лохмата трава (Фацелия).*

Около половины однословных и составных фитонимов в среднеобских говорах – образные единицы: баранки, баранчики, бархатки,

волчий глаз и т.д. *Вот на дорожках в огороде растут как вилы. Вилами зовём* (Гулявник). *Чисто как кто кудри навьёт. У нас зовут баранчики* (Первоцвет Палласа).

Рассказы информантов о растениях изобилуют словами с оттенками значения уменьшительности и ласкательности: травочка, кустик, анюточка, берёзка, беляночка, бутончик, листочек, корешочек, стебелёк, жёлтенький, малюсенький, синенький и т.д.

В целом речь сельских жителей лаконичная, ясная, образная, точная.

Уже беглый взгляд на страницы «Словаря фитонимов» позволяет увидеть богатство и красоту мира крестьян, их гармоничную связь с природой.

Литература

1. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья: в 3 т. – Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006–2008.

М.В. Слаутина

ОТОБРАЖЕНИЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЛОВАРЕ СИНОНИМОВ

В статье рассматриваются синонимия и антонимия как отражение универсальных логических отношений, а также их взаимодействие в рамках лексических макропарадигм. Материалом послужили словарные статьи двух идеографических словарей синонимов. На основе анализа лексического материала выделены разные уровни проявления оппозитивности, определены типы оппозитивных отношений внутри синонимико-антонимических комплексов – контрарный и комплементарный, а также рассмотрены принципы организации таких комплексов – симметричное и несимметричное построение.

Ключевые слова: идеография, синонимы, антонимы.

Тождество и противопоставление являются универсальными логическими отношениями, которые находят отражение в существовании таких языковых явлений, как синонимия и антонимия. Как отмечает Г.И. Берестнев, человек осмысляет окружающую действительность при помощи универсального когнитивного кода, в основе которого лежат базовые семантические оппозиции, представляющие собой «глубинную реальность человеческого сознания, вариативные реализации некой единой архетипической фигуры, посредством которой человек внутренне осваивает мир и мыслит его». «Эта фигура, – пишет далее исследователь, – может быть представлена как <...> обязательный для всего сущего принцип единства симметрии и асимметрии на всех уровнях бытия и в самом общем плане – как принцип двоичности, соотносимого нетождества [1. С. 6–7].

Взаимосвязь отношений тождества и противопоставления, проявляющуюся в рамках семантических группировок лексики, целесообразно изучать на материале идеографических словарей. Настоящее исследование проводилось на материале двух словарей, созданных коллективом межвузовской проблемной группы «Русский глагол» под руководством проф. Л.Г. Бабенко: «Словаря-тезауруса синонимов русской речи» (М.: АСТ-ПРЕСС, 2007) и «Большого толкового

словаря синонимов русской речи» (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008). Особенностью этих словарей является то, что классификация лексического материала в них осуществлена на основе денотативного компонента семантики и синонимические ряды распределены по денотативным сферам (далее – ДС), каждая из которых отображает определенный фрагмент действительности. Выделение денотативно-идеографических групп внутри каждой сферы связано с отображением различных аспектов денотативной ситуации.

Идеографический принцип описания лексики дает дополнительные возможности. Во-первых, семантическое расстояние между синонимическими рядами, входящими в одну идеографическую группу, оказывается меньше, чем при алфавитном способе подачи материала, что обеспечивает большую точность при выявлении семантической идеи ряда. Во-вторых, анализ связей в пределах семантической микропарадигмы помогает лучше понять значение каждого отдельного имени, так как микросистема (синонимический ряд, антонимическая группа) создает особый контекст для входящих в нее элементов, в этом случае значение слова «поддерживается» значениями других членов парадигмы [2. С. 43]. В-третьих, при идеографическом описании лексики сама понятийная сетка становится носителем культурной информации, поскольку репрезентирует способ категоризации мира, принятый в данном языковом сообществе. Отмечая перспективность идеографического описания синонимических рядов внутри семантических групп и полей, Л.Г. Бабенко указывает, что «такой словарь по-новому представляет картину действительности, отображаемую русскими синонимами» [3. С. 14]. И наконец, идеографический принцип описания материала позволяет более отчетливо выявить системные связи между лексическими группировками и внутри них.

Как показывают наблюдения, в отношениях противопоставления могут находиться не только два слова (ср. привычный и употребительный термин *антонимическая пара*), но и группы слов (например, синонимические ряды) и лексические макропарадигмы. Принцип оппозитивности «работает» на разных уровнях обобщения. Так, по оппозитивному принципу организована, например, ДС «Эмоции», в которой противоположность является системообразующей. Это находит отражение в самой понятийной классификации (ср. названия денотативно-идеографических групп «Счастье – несчастье»,

«Радость – грусть», «Надежда – отчаяние», «Любовь – неприязнь», «Интерес – равнодушие», «Спокойствие – беспокойство», «Одобрение – неодобрение» и т.д.).

То же можно сказать о ДС «Оценка». Оценочная семантика предполагает наличие двух полярных смыслов: *хорошо – плохо*, которые конкретизируются в зависимости от типа оценки. Так, утилитарная оценка располагается между полюсами *полезно – вредно*, эстетическая основана на противопоставлении *красивого и безобразного* и т.д. Внутри денотативно-идеографических групп синонимические ряды располагаются вокруг этих полюсов. Например, в группе «Интеллектуальная оценка» синонимические ряды «притягиваются» к противоположным полюсам *умный – глупый*. Положительную оценку выражают ряды с заголовочными единицами *Умный, Умник, Умница, Умно, Знаток, Сообразительность, Сообразительный* и др.; отрицательную – *Дурак, Дура, Глупость, Глупый, Глупо, Ограниченность, Ограниченный, Тупой, Тупица* и др.

Для других ДС оппозиционность не является системообразующим принципом, однако оппозитивные смыслы и здесь играют важную роль. Такова, например, ДС «Экономика», в которой значение противоположности присутствует в каждой группе, конкретизируясь в противопоставленных синонимических рядах: *Богатый – Бедный; Прибыль – Убыток; Рентабельный – Убыточный; Дорогой – Дешевый; Приобретать, Зарабатывать, Копить – Тратить, Растрачивать* и т.д.

Внутри денотативно-идеографических групп отношения противопоставления реализуются по-разному. Довольно редки симметрично-противоположные синонимические ряды, полностью антонимичные друг другу. В этом случае каждый член одного ряда является антонимом к каждому члену другого ряда и ко всему ряду в целом. Например: *Прибыльный, выгодный, доходный, рентабельный, разг.-сниж. прибыточный – Неприбыльный, бездоходный, невыгодный, нерентабельный, убыточный; Вступительный, вводный – Завершающий, заключительный; Логичный, последовательный – Нелогичный, непоследовательный, книжн. алогичный*. Как видно из приведенных примеров, значение противоположности в этих случаях может поддерживаться словообразовательными средствами.

Значительно чаще встречается явление неполной симметрии, когда синонимические ряды, выражающие противоположный смысл,

лишь частично пересекаются друг с другом. В качестве примера можно привести синонимические ряды *Молчать*, *промолчать*, *смолчать*, книжн. *безмолвствовать*, разг. *отмалчиваться/отмолчаться*, разг. *помалкивать* и *Говорить/сказать*, *выговаривать/выговорить*, *проговаривать/проговорить*, *произносить/произнести*, книжн. *вещать*, книжн. *изрекать/изречь*, устар. высок. *взговорить*, устар. высок. *возговорить*, устар. *глаголать*, устар. *молвить*, разг. *вымолвить*, разг. *промолвить*. В данном случае только глаголы *молчать*, *безмолвствовать* являются антонимами ко всему ряду *Говорить*. В остальных случаях образуются антонимические пары или антонимические группы, включающие не все члены ряда: *промолчать* – *сказать*, *проговорить*, *произнести*, *изречь*, *промолвить*. Такие ограничения обусловлены не только семантикой слов, входящих в синонимический ряд, но и их грамматическими характеристиками. Если, например, учитывать видовую характеристику глагола, то эти ряды фактически распадаются на два каждый: очевидно, что перфективные члены видовых пар не будут вступать в антонимические отношения с имперфективными членами видовых пар другого ряда. Вряд ли можно считать антонимами *молчать* и *изречь*, *произносить* и *отмолчаться*. Кроме того, определенные ограничения связаны со стилистическими характеристиками слов-синонимов. Стилистическая окраска слов не препятствует возникновению синонимических отношений, но для антонимии это явление нежелательное. Например, стилистически маркированные члены синонимических рядов *Богатый* и *Бедный* не вступают друг с другом и с нейтральными членами противоположного ряда в антонимические отношения: ср. невозможность (или, по крайней мере, спорность) таких антонимических пар: разг.-сниж. *беспорточный* – разг.-сниж. *достаточный*; *бедный* – разг.-сниж. *справный*. Однако это условие не является обязательным и не распространяется на все случаи. Так, например, синонимические ряды *Дешевый*, *доступный*, *малоценный*, *недорогой*, *общедоступный*, разг. *грошовый*, разг. *копеечный*, разг. *малостоящий* и *Дорогой*, *дорогостоящий*, *недешевый*, *недоступный*, разг. шутол. *бесценный* хотя и с некоторыми оговорками, но можно считать симметрично-противоположными рядами, в которых стилистическая маркированность членов не препятствует возникновению оппозитивных отношений.

Явление антонимии связано с понятием нормы. При этом норма понимается как некий средний, нейтральный член антонимической пары, группы. Действительно, материал словаря во многом подтверждает это наблюдение. Большинство синонимических рядов с противоположным значением, образующих антонимические группы, реализуют контрарный тип антонимии. Ср., например: **Богатый**, *безбедный, зажиточный, крепкий, небедный, обеспеченный, состоятельный*, устар. *достаточный*, разг. презрит. *буржуйский*, разг.-сниж. *справный* (семантическая идея: отличающийся достатком, обилием материальных ценностей, отсутствием нужды (о жизни, периоде жизни, хозяйстве материальном положении кого-чего-л.) и **Бедный**, *небогатый, нищий, нищенский, книжн. малообеспеченный*, книжн. *необеспеченный*, устар. *убогий* (семантическая идея: отличающейся крайней нуждой, отсутствием средств к существованию (о жизни, хозяйстве, материальном положении кого-чего-л.).

Как правило, контрарная антонимия реализуется в противопоставлении синонимических рядов, построенных по градационному принципу. В таких синонимических рядах обнаруживается также антонимия внутри ряда, когда семантическое расстояние между крайними членами ряда, обозначающими максимальную и минимальную степень признака, настолько велико, что они фактически становятся почти антонимами, выражая противоположное значение. В качестве примера рассмотрим ряд **Бедный**, *небогатый, нищий*, книжн. *малоимущий*, книжн. *малообеспеченный*, книжн. *неимущий*, книжн. *необеспеченный*, книжн. *нуждающийся*, устар. *недостаточный*, устар. *убогий*, разг. *голый*, разг.-сниж. *беспорточный*, разг.-сниж. *голопятый*, разг.-сниж. *голоштаный* (о человеке), в котором крайними членами ряда являются, с одной стороны, *малоимущий, малообеспеченный*, а с другой – *нищий*. Подобные синонимы могут употребляться как контекстные антонимы, образующие особую стилистическую фигуру, разновидность антитезы – парадиастолу. Ср.: *Он не малообеспеченный, а нищий; Этим людей нельзя уже назвать малоимущими – они нищие.*

Интересно отметить, что в случае контрарной антонимии значение превышения нормы, значительного несоответствия ей реализуется по-разному: как внутри градационных синонимических рядов, так и вне их, а также может поддерживаться грамматическими средствами. Например, значение превышения нормы в синонимическом

ряду *Умный* отражается в семантике слов *мудрый, прозорливый*; в противоположном ряду *Глупый* оно заключено в словах *безмозглый, пустоголовый*. Но если в первом случае мы можем передать это значение также и грамматическими средствами – формой превосходной степени (*умнейший, мудрейший, прозорливейший, проницательнейший, толковейший* и т.д.), то во втором ряду только заголовочное слово *глупый* образует эту форму. В этом случае значение превышения нормы может быть передано лексическими средствами – синонимический ряд *Тупой* обозначает крайнее проявление признака глупости.

Синонимические ряды с противоположным значением образуют также комплементарный тип антонимии в случаях, когда наблюдается смещение нормы в сторону положительной оценки. Так происходит, например, в ДС «Религия», где синонимические ряды, характеризующие человека, его поведение, отражают представление о религиозной норме. Так, идея соответствия норме и даже превышения ее содержится в семантике ряда *Безгрешный, благочестивый, праведный*. Противоположное представление – о несоответствии такой норме – отражено в семантической идее ряда: *Грешный, многогрешный*, книжн. *неправедный*, разг. *безбожный*, разг. *нечестивый*. В религиозной картине мира норма соотносится с положительной оценкой, которая, в свою очередь, связана с представлением о праведной, безгрешной жизни, соответствующей основным постулатам вероучения. Для религиозного сознания существует либо вера в Бога, либо неверие; либо праведная жизнь, либо грешная и т.д. Нет и не может быть никакого «промежуточного» состояния. Это находит отражение в семантике рядов, выражающих противоположные (а с точки зрения религии взаимоисключающие) понятия. Ср.: *Атеизм, безверие, неверие*, устар. афеизм, разг. *безбожие* и *Вера, религия, церковь*, книжн. *вероисповедание*, книжн. *исповедание*, книжн. *конфессия*.

К антонимичным можно отнести некоторые синонимические ряды, противоположность которых отражает универсальные культурные оппозиции. Например, синонимические ряды *Мужчина – Женщина* реализуют противопоставленность по полу; в противоположных рядах *Единоверец – Иноверец* находит отражение архетипическая оппозиция «свой – чужой» и т.д.

Таким образом, идеографический принцип описания лексики дает возможность рассмотреть взаимосвязь различных типов парадигматических группировок. Взаимодействие синонимии и антонимии проявляется на разных уровнях обобщения, обеспечивая существование синонимико-антонимических комплексов, построенных по оппозитивному принципу и включающих синонимические ряды, выражающие противоположное значение.

Литература

1. Берестнев Г.И. Когнитивный статус семантических оппозиций в сопоставительном аспекте (язык – культура) // Структура текста и семантика языковых единиц: сб. науч. тр. – Вып. 3. – Калининград, 2005.
2. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. – М.: Индрик, 2007.
3. Бабенко Л.Г. Предисловие // Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под ред. Л.Г. Бабенко. – М., 2007.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

ЛЕКСИКОГРАФИЯ НА АЛТАЕ: ОБЗОР ДИАЛЕКТНЫХ И ОНОМАСТИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ

Среди множества разнообразных словарей, существующих в настоящее время, особое место, несомненно, принадлежит областным словарям, составление которых во второй половине XX в. достигло в нашей стране поистине небывалого размаха. Пожалуй, сегодня не осталось ни одного региона России, народная речь которого не подверглась бы лексикографическому описанию. И это не случайно. «Огромное научное, историко-культурное значение диалектных словарей, – пишет О.И. Блинова, – обусловлено тем, что они являются хранилищем, нередко единственным, уникальных фактов русской народно-разговорной речи, существующей только в устной форме и потому нигде не зафиксированной <...> именно поэтому знаток и ценитель поэтики живого русского слова К. Паустовский призывал: «Мы обязаны искать и собирать повсюду по крупицам, как золотиносный песок, образцы русской речи» [1. С. 118].

Поиск и сбор «по крупицам» «языковых жемчужин» на Алтае начали давно. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи диалектной речи и диалектных слов, произведённые в XIX в. историками, этнографами, любителями русского слова – С.И. Гуляевым, В. Вербицким, Г.Н. Потаниным и др. В наше время «Словарь говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края» составила Т.Н. Кудаква [2]. Талицкий словарь, отразивший диалектную лексику русского старожильческого населения Талицкого сельского совета Усть-Канского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай), подготовили В.Н. Богданов и его ученики [3–6]. Однако случилось так, что реальная возможность создания сводного «Словаря русских говоров Алтая» появилась только в связи с открытием в 1973 г. Алтайского государственного университета и приездом сюда из Томска профессора И.А. Воробьёвой. «Находясь в атмосфере Томской диалектологической школы с её лексикографической направленностью, – пишет О.И. Блинова в статье «Профессор Ида Александровна Воробьёва (томский период)», –

И.А. Воробьёва не могла не быть вовлечённой в составление средне-обских словарей. <...> Приобретённый лексикографический опыт ей пригодится при работе над «Словарём русских говоров Алтая» [7. С. 9–10]. Именно И.А. Воробьёва является инициатором, организатором и одним из активных составителей четырёхтомного «Словаря русских говоров Алтая» [8]. Проект данного словаря И.А. Воробьёва (совместно с О.А. Любимовой) опубликовала в 1983 г. Понадобилось 10 лет кропотливой работы учёных факультета (в первую очередь преподавателей кафедры общего и исторического языкознания), коллег из Барнаульского государственного педагогического университета, Бийского педагогического государственного университета для подготовки первого тома «Словаря русских говоров Алтая» (1993 г). Остальные три тома вышли уже после смерти И.А. Воробьёвой и посвящены её памяти. В посвящении говорится: «До последних дней жизни И.А. Воробьёва работала над «Словарём русских говоров Алтая». Под её руководством и редакцией создан уникальный лексикографический труд, вобравший в себя лексическое богатство русских говоров Алтайского края, отразивший в словарном составе мир вещественных реалий и духовную культуру самобытного региона» [8. Т. 2, ч. 1. С. 4]. «Словарь русских говоров Алтая», удостоенный в 1997 г. краевой премии Демидовского фонда, активно вводится в научный оборот. На его основе или с учётом его материалов подготовлены и защищены кандидатские диссертации, написаны десятки научных статей. Словарь становится источником для создания других лексикографических трудов.

После выхода в свет «Словаря русских говоров Алтая» лексикографическое направление в региональных исследованиях учёных филологического факультета Алтайского государственного университета становится одним из приоритетных. Причём усилия авторов направлены на создание разного рода тематических и аспектных словарей. Так, в 2001 г. издан «Ойконимический словарь Алтая» Л.М. Дмитриевой [9], составленный на основе архивных материалов и топонимической картотеки кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета, собиравшейся под руководством И.А. Воробьёвой с 1974 г. Информация о населённых пунктах Алтайского края, содержащаяся в данном словаре (исторические сведения, документально подтверждающие ту или иную этимологию, топонимические контексты, отражающие языко-

вое сознание современных жителей), даёт достаточно полное представление о топонимической системе региона в её «онтологическом и ментальном бытии».

В 2002 г. выходит из печати «Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина» И.А. Воробьёвой [10]. Подготовку данного словаря И.А. Воробьёва начала в рамках работы над энциклопедическим словарём-справочником «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество». В 1997 г. публикуется её программное исследование «Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина», явившееся частью коллективной монографии «Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов» [11]. Здесь (вслед за другими исследователями) И.А. Воробьёва акцентирует внимание на том, что основой индивидуального стиля В.М. Шукшина выступает разговорно-обиходный язык. Причём в своём творчестве писатель опирался не только на разговорную стихию литературного языка, но и на просторечие и диалектную речь, которую он знал с детства, впитав её, по его выражению, «с молоком матери». И.А. Воробьёва обращает внимание на тот факт, что В.М. Шукшин не только хорошо знал говор родного алтайского села Сростки, который в первую очередь и отразился в его произведениях, но и записывал специально речь своих земляков. «Можно даже сказать, – подчёркивает И.А. Воробьёва, – что у него [Шукшина] был профессиональный интерес к народному языку, словарь которого он хотел составить: «Сибирский разговорный словарь... чудится мне, что Сибирь есть та самая кладовая, которую давно пора открыть и выгрести всё добро и раздать» [11. С. 111]. В приведённом исследовании И.А. Воробьёвой представлен анализ (в аспекте взаимоотношения языка и культуры) достаточно большого массива диалектных слов, выбранных из романа «Любавины».

В этом же году (1997) продолжается публикация материалов И.А. Воробьёвой к диалектному словарю по произведениям В.М. Шукшина: в работе «Творчество В.М. Шукшина. Опыт энциклопедического словаря-справочника» представлены предисловие к словарю и словарные статьи на буквы А–Л, подготовленные к печати А.В. Морозовым [12]. В межвузовском сборнике статей «Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание», вышедшем в 2001 г. в издательстве Алтайского университета, напечатан ещё один фрагмент словаря (буквы М–О) [13]. В

окончательной редакции, осуществлённой В.А. Чесноковой и Л.И. Шелеповой [14], в словаре представлено около 1000 диалектизмов всех типов, встречающихся в произведениях В.М. Шукшина. Кроме диалектных и диалектно-просторечных лексических единиц, в словарь вошли несколько жаргонизмов (главным образом из тюремного арго), небольшая часть фразеологизмов, а также некоторые «специфически шукшинские слова и выражения»: *глубинка* – «сокровенное, тайное (о душе)», *душа с перевивом* – «о человеке непростом, «себе на уме», *красотень* – «красота» и др. Предполагается, что В.М. Шукшин как тонкий знаток диалекта, как человек, знающий говор изнутри, мог создавать новые (производные) слова по моделям диалектного (и не только диалектного) словообразования, как часто поступают и диалектоносители, употребляя в своей речи новые слова.

В 2006 г. при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (аналитическая ведомственная программа «Развитие научного потенциала высшей школы») опубликован «Словарь местных географических терминов Алтая» Л.А. Музюкиной [15], составленный на основе записей речи старожилов Алтая, которые производились автором и другими участниками топонимических экспедиций филологического факультета Алтайского университета в 1974–1990 гг. Словарь содержит 1420 словарных статей, посвящённых объяснению лексических единиц (терминов), называющих географические объекты: низменности, возвышенности, реки, озёра, болота, дороги, участки леса и т.п. Примечательной особенностью данного словаря является то, что он «включает в себя как диалектную, или областную, лексику, бытующую в системе диалекта, так и общерусскую, употребляющуюся не только в диалектах, но и в литературном языке и просторечии» [15. С. 3]. По справедливому замечанию автора, «отражение в словаре общерусских слов или отдельных значений в составе полисемантических единиц позволяет представить данную тематическую группу как систему, репрезентирующую сегмент языковой картины мира» [Там же].

В настоящее время при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (региональный конкурс «Российское могущество: Алтайский край») с учётом предшествующего опыта создания этимологических и историко-этимологических словарей русского языка (в том числе его диалектов) авторским коллективом под руководством Л.И. Шелеповой разработаны принципы состав-

ления нового лексикографического труда – «Историко-этимологического словаря русских говоров Алтая» [16], который по своему типу является региональным. В нём объясняются происхождение и история диалектных слов, зафиксированных на Алтае в речи современных его жителей. При этом составители опираются на концепцию диалектного этимологического словаря севернорусских говоров А.С. Герда, по мнению которого «основная задача регионального этимологического словаря – не столько и не обязательно дальняя этимология слова, сколько определение ареальных взаимосвязей слов данного диалекта с другими диалектами и по возможности определение того, как, когда и из каких диалектов (языков) проникло слово в данный диалект» [17. С. 10]. В соответствии с разработанными принципами авторским коллективом (преподаватели, аспиранты и магистранты кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета) предложена историко-этимологическая интерпретация около 6000 диалектных слов на буквы А–Н, зафиксированных на территории Алтайского края и Республики Алтай: представлены соответствия объясняемым словам в других русских говорах, функционирующих на территории бывшего Советского Союза; дана историческая информация о словах (указано время их древнейшей фиксации в памятниках письменности – вхождения в «письменный узус»); приведены славянские языковые параллели, способствующие выявлению лексических связей исследуемых говоров с другими славянскими языками и диалектами и (на этой основе) определению места русских говоров Алтая в славянском языковом пространстве; обобщены (на основе существующих этимологических источников) версии о происхождении слов; в ряде случаев предложены оригинальные этимологические решения. Осуществление проекта «Историко-этимологический словарь русских говоров» в полном объёме – до буквы Я (планируется издать всего 10 выпусков) даст возможность воссоздать историю языка и культуры одного из самобытных регионов Сибири.

В открывшейся в 2007 г. на филологическом факультете лаборатории по изучению языка, литературы и культуры в региональном пространстве, деятельность которой направлена на консолидацию научных направлений и тем факультета, связанных с региональной проблематикой, значительное место отводится подготовке словарей,

на основе которых возможно моделирование фрагментов языковой картины Алтая и исследование ценностных ориентиров его жителей.

Литература

1. Блинова О.И. Русская диалектология: Лексика. – Томск, 1984. – 133 с.
2. Кудачова Т.Н. Словарь говоров с. Усть-Мосиха Ребрихинского района Алтайского края // Русские говоры на Алтае. – Барнаул, 1977. – С. 35–103.
3. Богданов В.Н. Талицкий словарь. – Барнаул, 1982. – Т. 1. – 226 с.
4. Богданов В.Н., Луканина Г.В., Сенина В.Я. Талицкий словарь. – Т. 2. – Горно-Алтайск, 1992. – 146 с.
5. Богданов В.Н., Луканина Г.В., Сенина В.Я. Талицкий словарь. – Т. 3. – Томск, 2002. – 189 с.
6. Богданов В.Н., Луканина Г.В., Сенина В.Я. Талицкий словарь. – Т. 4. – Горно-Алтайск, 2006. – 303 с.
7. Блинова О.И. Профессор Ида Александровна Воробьева (томский период) // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: материалы II Всероссийской научной конференции, посвящённой памяти проф. И.А. Воробьевой. – Барнаул, 2005. – С. 3–12.
8. Словарь русских говоров Алтая / под ред. И.А. Воробьевой, А.И. Ивановой. – Барнаул, 1993–1998. – Т. 1–4.
9. Дмитриева Л.М. Ойконимический словарь Алтая. – Барнаул, 2001. – 417 с.
10. Воробьева И.А. Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина. – Барнаул, 2002. – 110 с.
11. Региональная культура в лексике прозаических произведений В.М. Шукшина // Проза В.М. Шукшина как лингвокультурный феномен 60–70-х годов. – Барнаул, 1997. – С. 105–148.
12. Воробьева И.А. Словарь диалектизм в произведениях В.М. Шукшина // Творчество В.М. Шукшина: Опыт энциклопедического словаря-справочника. – Барнаул, 1997. – С. 160–194.
13. Воробьева И.А. Материалы к диалектному словарю по произведениям В.М. Шукшина // Язык прозы В.М. Шукшина: Теория. Наблюдения. Лексикографическое описание. – Барнаул, 2001. – С. 161–172.
14. Шелепова Л.И., Чеснокова В.А. О словарях языка В.М. Шукшина // В.М. Шукшин: проблемы и решения. – Барнаул, 2002. – С. 212–218.
15. Музюкина Л.А. Словарь местных географических терминов Алтая. – Барнаул, 2006. – 329 с.
16. Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. – Барнаул, 2007–2012. – Вып. 1–6.
17. Герд А.С. Региональный этимологический словарь как источник по истории диалекта // Русская диалектная этимология: тез. докл. второго науч. совещания, 17–19 апреля 1996 г. – Екатеринбург, 1996. – С. 10–11.

Л.И. Шелепова,
д-р филол. наук, профессор
кафедры общего и исторического языкознания
Алтайского государственного университета (Барнаул)
E-mail: lshelepova@yandex.ru

РЕЦЕНЗИИ

Мотивационный словарь сибирского говора: в 2 т. / авт.-сост. О.И. Блинова, С.В. Сыпченко; под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Том. ун-та, – 2009. – Т. 1: А–О. – 372 с.; 2010. – Т. 2: П–Я. – 310 с.

Словарь представляет собой опыт полного лексикографического описания ведущего лексического явления – явления мотивации слов одного говора: говора с. Вершинино Томского района Томской области. Словарь отражает духовную народную культуру.

Для научных работников, студентов, учителей-словесников, писателей, деятелей культуры, всех, кто интересуется народной речью.

Два тома «Мотивационного словаря сибирского говора», вышедшие в свет в Томском государственном университете на рубеже нового века, с одной стороны, стоят в одном ряду с другими изданиями Лаборатории общей и сибирской лексикографии, с другой – отличаются «лица необщим выраженьем». Изданный словарь – еще один достойный труд научного коллектива, необычайно плодотворно работающего в сфере создания словарей разного типа (библиографический список словарей, изданных лексикографами, включает около 30 наименований и более 40 томов) [1].

При этом считаем важным подчеркнуть, что весьма впечатляющий количественный показатель эффективности работы научного коллектива сочетается с качественным разнообразием представленной в словарях аспектной интерпретации лексики и фразеологии среднеобских говоров: наряду с базовыми толковыми словарями лексики говоров и просторечия Среднего Приобья, дифференциальными и полными, созданы словари, лексикографически представляющие пласты словарного состава диалекта, связанные различными типами системных связей – антонимическими, вариантными и др. Нам уже приходилось отмечать, что практически каждый исследовательский проект томских русистов либо разрабатывается параллельно со словарной интерпретацией анализируемого материала, либо завершается созданием словаря. В ряду многочисленных томских лексикографических проектов «Мотивационный словарь сибирского говора» отличается прежде всего тем, что он представляет одну из наиболее разработанных в рамках школы теорий – теорию мотива-

ции, отражая современное, т.е. такое, которое сформировалось в начале нового века, состояние мотивологии.

«Мотивационный словарь сибирского говора» выходит в свет спустя более полутора десятилетий после осуществления первого опыта лексикографического представления явления актуализации лексической и структурной мотивированности слов в тексте, воплотившегося в издании двух томов «Мотивационного диалектного словаря» (1982–1983 гг.) [2]. Этот факт «подталкивает» нас к сравнительному анализу словарей, подготовленных под научным руководством и общей редакцией О.И. Блиновой. Словарь отражает новый этап в развитии теории мотивологии, новый этап в развитии томской лексикографии, создается в новом лингвистическом контексте.

Взаимные отношения теории и лексикографической практики глубоко и многоаспектно отрефлексированы О.И. Блиновой [3. С. 6–26], и данный словарь является убедительным доказательством развиваемых ею положений. Теория мотивологии является целостной, глубоко структурированной, ее отличает строго систематизированная терминология, зафиксированная также лексикографически [4. С. 361–390]. Следствием этого является глубинная внутренняя обоснованность соотношения структурных компонентов словарной статьи и типа их текстового представления. В структуре «Мотивационного словаря сибирского говора» словарная статья включает три основные части: 1) часть заглавного слова, назначение которой – представление лексических и (частично) грамматических признаков лексем, характеризующейся системно-структурным свойством мотивированности; 2) часть, репрезентирующая мотиваторы – единицы, находящиеся в отношениях лексической и структурной мотивированности; 3) часть контекстная – представляющая фрагменты текстов, в пределах которых актуализируется системное свойство мотивированности.

Как известно, способ характеристики заглавного слова в словарной статье, и прежде всего в словарной дефиниции, определяется типом целевой направленности словаря, особенностями не только языкового материала (важными представляются оппозиции литературный – диалектный, литературный – просторечный, литературный – жаргонный), но и интерпретируемого в словаре явления. В данном случае проблемы дефинирования заглавного слова опреде-

лялись двумя аспектами ограничения словника словаря – диалектная лексика, входящая в особый тип отношений в лексической системе на основе категориального семантического свойства мотивированности. При том что дефиниция призвана отразить лексическое значение, она всегда является его интерпретацией и практически никогда не отражает содержания лексического значения в целом. Авторы толковых словарей общего типа при выборе способа дефиниции лексемы стремятся к тому, чтобы она обеспечила точность определения денотативной отнесенности слова. У авторов аспектированных толковых словарей задача усложняется, так как дефиниция должна, с одной стороны, однозначно определять сферу референции определяемого слова, с другой стороны, по возможности актуализировать то языковое явление, которое находится в фокусе интерпретации словаря.

В качестве образцового решения двух взаимосвязанных задач определения значений слов при создании дифференциального словаря, в котором отбор лексикона производится по принципу типа системных связей, хотелось бы назвать «Словарь синонимов русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой [4], в котором в дефиниции точно определяются границы денотации имени и в соотнесенных синонимах корреляция значений фиксируется так, что они поддаются непротиворечивой интерпретации. Однако отметим, что задача аспектированного отражения семантики в словаре синонимов стратегически совпадает с общей задачей точных фиксаций сфер референтной отнесенности имен, имеющих сходную семантику. В этом смысле авторы «Мотивационного словаря сибирского говора» решают более сложную проблему, так как семантические компоненты, коррелирующие со структурными компонентами мотивированного слова, могут функционально соотноситься с компонентами семантики, не играющими роли при определении границ денотации имени. В связи с этим комплекс решений, связанный с выбором способа толкования «в пользу денотата» или «в пользу отражения мотивированности», приятый авторами словаря, представляется вполне правомерным. Оправданным видится и решение включать в метатекстовые фрагменты диалектные и просторечные лексемы, маркируя их иносистемность по отношению к литературному языку словаря графически – закавычиванием, например: *хворать*, несов. Стать «хворым», а также: *ведренный*. Погожий, ясный, такой, как в «ведро».

Вторая структурная часть словарной статьи, в которой представлены единицы, находящиеся в отношениях мотивированности, ставит перед авторами проблему отражения в самой структуре словарной статьи взаимных корреляций типов единиц, находящихся в отношениях структурной и лексической, ближней и дальней мотивированности. Кроме того, отношения мотивированности функционально связаны с другими типами лексических отношений: отношениями варьирования, формальными и семантическими, с отношениями синонимии, антонимии, омонимии, что в целом в значительной степени усложняет картину реализации мотивационных отношений. Одна из сложных проблем, которую должен решать лексикограф, – сбалансированное соотношение строгой теоретической обусловленности лексикографических решений и потребностей экономной, информативной и в то же время непротиворечивой подачи материала. Как представляется, авторам рецензируемого словаря удалось решить эту непростую задачу, чему основой явилась проработанность мотивологической теории и многолетняя лексикографическая практика О.И. Блиновой и С.В. Сыпченко, являющихся авторами разнотипных словарей. Анализ словарных статей «Мотивационного словаря сибирского говора» позволяет нам сделать вывод, что каждое конкретное решение базируется на основе учета разных факторов. Например, при выборе характера семантизации слов-мотиваторов авторы учитывают ряд параметров: тип мотиватора – лексический, структурный; принадлежность слова к подсистеме языка – диалектный, просторечный степень и характер связи – полисемия, омонимия и др. Высокий уровень словаря определяется тем, что в структуре словарной статьи все эти отношения подаются строго регламентированно. Само расположение информации представляет результат авторской интерпретации взаимных отношений системных связей мотивированных лексем, их корреляций с другими типами отношений единиц лексической подсистемы языка.

Также в самой структуре третьей – контекстной – части словарной статьи отражен разный статус контекстов, актуализирующих мотивационные отношения: вначале даются фрагменты естественной народно-разговорной речи, в которых актуализация связей происходит естественно, неосознанно, затем следуют метатекстовые

фрагменты, в том числе и полученные в ходе психолингвистических экспериментов.

Если сравнивать в аспекте принятых лексикографических решений два варианта мотивационного словаря, следует отметить общность принципов организации словарных статей «Мотивационного диалектного словаря» и «Мотивационного словаря сибирского говора», что глубоко мотивировано единством теоретических установок их авторов. Однако мы наблюдаем большую степень детализированности частных лексикографических решений в новом словаре, как, например, уже упоминавшаяся последовательность подачи контекстов актуализации.

Еще одна значимая черта, которую хотелось бы отметить: «Мотивационный словарь сибирского говора» – проект, выполняемый научно-исследовательским университетским коллективом, в осуществление которого на всех этапах сбора, обработки, анализа материала и собственно создания вариантов словарных статей к работе привлекались студенты в ходе выполнения задач диалектологических практик, научно-исследовательской работы, в процессе подготовки курсовых и дипломных работ. Их имена представлены в двух разделах словаря: «Источники словаря. Неопубликованные» и «Список составителей картотеки «Мотивационного диалектного словаря»). Включенность студенческой научной работы в выполнение больших исследовательских, в том числе практически ориентированных, проектов чрезвычайно важна как для формирования подлинно университетской образовательной среды, которая всегда осознавалась как поле творческой, исследовательской реализации студентов, так и для сохранения и развития научной школы. А внимательное и благодарное отношение к вкладу студентов в выполнение научных работ считаем проявлением высокой научной этики, образцом которой является научная деятельность О.И. Блиновой. Обратим в связи с этим внимание также на то, что авторы словаря скрупулезны в представлении всех участников «большого мотивологического проекта», в том числе тех, кто принял участие в составлении картотеки словаря.

Новый словарь мотивологической серии томских лексикографов уже вошел в российский филологический контекст, активно используется в исследовательской работе. Хотелось бы пожелать в заключение, чтобы электронная версия словаря была размещена на обра-

зовательных порталах, что способствовало бы более интенсивному вовлечению материалов словаря в научный и образовательный диалог.

Литература

1. *Томская* диалектологическая школа: историограф. очерк. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – 392 с.
2. *Мотивационный* диалектный словарь: Говоры Среднего Приобья / под ред. О.И. Блиновой. – Томск, 1982. – Т. 1; 1983. – Т. 2.
3. Блинова О.И. Теория → словарь → теория → словарь ... // Вопросы лексикографии. – 2012. – № 1. – С. 6–26.
4. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты. – 2-е изд., стер. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. – С. 361–390.
5. *Словарь* синонимов русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой: в 2 т. – Л., 1970–1971.

З.И. Резанова,
профессор, д-р филол. наук, зав. кафедрой общего,
славяно-русского языкознания и классической филологии
Томского государственного университета
E-mail: resso@rambler.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРЬЯНОВА Анастасия Владимировна – студентка факультета иностранных языков Томского государственного университета.

E-mail: aryanovanastya@gmail.com

АРЬЯНОВА Валентина Григорьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета.

E-mail: slavist@tspu.edu.ru

БЛИНОВА Ольга Иосифовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: blinova_11@mail.ru

ГОЛЕВ Николай Данилович – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

Email: ngolevd@mail.ru, labjurdoc@kemsu.ru

ДРОНОВА Любовь Петровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: lpdronova@mail.ru

ЖАКУПОВА Айгуль Досжановна – д-р филол. наук, профессор кафедры русской филологии, проректор по учебной работе Кокчетавского государственного университета им. Ч. Валиханова (Казахстан).

E-mail: aygul.zhakupova@yandex.ru

НАУМОВ Валерий Геннадьевич – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: nauval@sibmail.com

СЛАУТИНА Марина Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).

E-mail: mslautina@yandex.ru

ФЕЛЬДЕ Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и речевой коммуникации, зам. директора Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета (Красноярск).

E-mail: Feldeo@list.ru

ШЕВЧИК Анна Валерьевна – ассистент кафедры русского языка Томского государственного университета.

E-mail: mikheeva_anna13@mail.ru

SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH

THEORY OF LEXICOGRAPHY

P. 5. *Golev Nicolay D.*, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). DERIVATIONAL ASSOCIATIONS OF RUSSIAN WORDS: THEORETICAL AND LEXICOGRAPHICAL ASPECTS. The article deals with the problems of derivational functioning of Russian vocabulary and its lexicographical description. The article introduces the concept of the Russian language derivational-associative dictionary. The article deals with a new associative dictionary project which treats the word as a text unit, a language system unit and a language consciousness one. Such an approach is connected with the idea of L.V. Shcherba that language facts can be treated in three aspects – language system, language material and speech activity.

The article proves that this unity is expressed in derivational associations, which create special contexts called "derivational contexts". For example, *я не боюсь, что меня кто-то ударит. не родился еще такой ...* (a context with the perspective direction of lexical derivation); *на то он и каменщик, чтобы* (a context with the retrospective direction of lexical derivation).

Such contexts have the role of stimuli in the associative-derivational experiment. During this experiment respondents fill in gaps in a derivational context, the gaps being focuses of derivation (perspective direction) or motivation (retrospective direction).

The results of filling in the gaps create association fields, which make up the basic content of the derivational-associative dictionary article. For example, **ТАБАК --- (АНТИТАБАЧНЫЙ)**

PLDC: **Табак вреден, а в школе плохо ведетсяпропаганда**

Антитабачная – 7, табачная – 5, эта – 5, данная – 3, активная – 2, здоровая – 2, вредная, оздоровительная, отрицательная, наркотическая, сигаретная, такая, действенная, подобная, до сих пор. Отказ – 2.

Theoretical problems of Russian vocabulary derivational functioning and association manifestations, the peculiarities of derivational contexts and derivational aspects of text-creation are discussed in the first part of the article. The second part deals with the lexicographical principles of building the Russian language derivational-associative dictionary. The concluding part outlines the research opportunities of the derivational-associative dictionary materials.

Key words: derivational associations, derivational lexicography, inner form of the word, derivational-associative dictionary, lexical-derivational context.

P. 26. *Dronova Lyubov P.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). ISSUES OF LEXICOGRAPHY AND ANTHROPOLOGICAL LINGUISTICS. Anthropologically-focused contemporary linguistics studies the world-view, ethnic value systems realised in language. Discreteness of the notion, depth of its understanding, representation of

evaluation parameters are shown in the density of a linguistic field expressing the concept. Formation of the semantic field relates to the issue of dialect variation of the national language, reflecting subcultural variability. In this situation, theoretical study and practical (lexicographical) solution to the problem of dialect synonymy (see the work by G.A. Rakov in this field), the so-called interdialect (interlanguage) synonymy (isosemy) are of particular relevance.

The problem of interdialect (interlanguage) synonymy (isosemy), its relevance in today's semantically-oriented research has been stated at the XIII International Congress of Slavists (Ljubljana, 2003) in S.M. Tolstaya report, "The semantic problem of reconstruction and synonymy in the Common Slavonic vocabulary". Despite the urgency of describing the interdialect (interlanguage) isosemy for both synchronic and diachronic studies there is no other work except *The Dictionary of Selected Synonyms of Indo-European Languages* by C.D. Buck in global lexicography. The present level of language science, its anthropological orientation marked another problem of lexicography requiring a practical solution: ordering the words in the dictionary according to conceptual, lexical-semantic or thematic groups, not in the formal alphabetical way. This problem was raised in the report of M.I. Chernysheva at the International Conference "Russian Philology on the Threshold of the 21 Century: Problems and Prospects" (Moscow, 2003).

The problem of interdialect and interlanguage synonymy study, and the problem of thematic (or ideographic) ordering of lexical material are similar issues; a consequence to it is a need for empirical data with all the created opportunities (primarily due to the development of cognitive semantics) and the need to study the language at a deeper level, where analysis of relations in one system is insufficient, where one needs to trace inter-system connections that involve traditionally determined and new (introduced by contacts subculturally) relations, and their results.

The basis for the work on interdialect and interlanguage synonymy and ideographic ordering may now be dialect dictionaries and atlases of different profiles, etymological dictionaries of new generation (reconstructing semantic relations), ordering the results of numerous lexicological studies aimed at examining the lexical and semantic fields in dialects and comparing the literary language and its dialects in the national language.

Interdialect and interlanguage approach to the problem of synonymy, ideographic ordering of the dictionary will show the possible variation of the original semantic model, and thus become the basis for distinguishing between the traditional and the new in semantic models, trends in semantic change. Ultimately, this will be more complete linguistic arguments in recreating the evolution of national world-view models.

Key words: lexicography, interdialect and interlanguage synonymy (isosemy).

P. 33. *Felde Olga V.* Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia). HISTORICAL TERMINOGRAPHY OF RUSSIAN LANGUAGE: TIMELINE AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT. Historical terminography solves theoretical and practical problems of lexicographical fixation of the special vocabulary of past eras. This branch of linguistics is actively engaged with a wide range of scientific disciplines. The very existence of historical terminography is impossible without the support of the conceptual apparatus of the diverse areas of human knowledge and practice. Historical dictionaries of specialized vocabulary reflect the formation of term systems. They contain information about the features of scientific, economic, social, political and cultural life of our ancestors, as well as the stages of accumulation of scientific knowledge about the

material and mental world. That is why not only the scientists who study the history of Russian language and culture have the need in such dictionaries, but the inquisitive people of all ages and professions, too.

Traditions of lexicographical description of the "Russian Antiquities" were laid by V.I. Tatishchev in the late 18th century. The first historical and terminological dictionaries were poorly differentiated from the encyclopedic reference books, the descriptive method of interpretation of words dominated and a variety of background information was reported.

In the mid-twentieth century historical terminography was part of the Applied Linguistics. The main objectives of this branch of Russian studies were: 1) reflection of the special vocabulary in the early stages of the term systems formation; 2) demonstration of the dynamics of nominative processes within the forming terminology; 3) a reflection of deep connection of the language with the spiritual and material culture of the society. There is a great variety of types of historical dictionaries of the special vocabulary of the Russian language. According to the subject areas there are interdisciplinary, specialized and industry specific dictionaries. According to the purpose there are encyclopaedic, definition dictionaries, definition dictionaries with elements of encyclopaedic description. In terms of volume there are big, medium, small and mini-dictionaries. Depending on the order of the entries there are alphabetic, ideographic historical and terminological dictionaries.

The vital problem of historical terminography at the present stage is to create a dictionary of the active type, oriented not only on the fixation of semantic content, but also on the reflection of the dynamics of the specific word. It is important to enhance the socio-cultural component of the dictionaries. It is necessary to develop a theoretical framework of lexicographical description of the various categories of special vocabulary of the Russian language of the 11th–17th and 18th – the beginning of the 20th centuries (terms, preterms, terminoids, industry words). In addition, of great importance is the involvement of new sources, preparation of electronic files and implementation of computer methods of analysis and lexicographical fixation of the vocabulary of the past eras. It is relevant to create dictionaries, which reflect the linguistic and functional diversity of the specialized vocabulary in its historical development.

Key words: historical terminography of the Russian language, special vocabulary of past eras, dictionaries, typology.

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

P. 39. *Blinova Olga I.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). HISTORIOGRAPHY OF TYPES OF MOTIVOLOGICAL DICTIONARIES. The article is devoted to the historiographical research of the types of motivological dictionaries illustrating different aspects of motivology: ontological, comparative, lexicographical, socio- and age-related, dynamic, functional, terminological. Alongside the published dictionaries, the dictionaries and the parts of the dictionaries presented in Candidate's and PhD dissertations were taken for the research.

Historiography is taken according to the types of motivological dictionaries with due consideration of the dates of their compiling and publishing. The dictionary can be characterized according to the following aspects: the object and subject of the dictionary,

its purpose, its sources, the structure of the dictionary entry, the number of entries and novelty.

In the first group of motivological dictionaries we consider types of dictionaries, which explain motivological units in the view of lexicography and their characteristics: motivated and semi-motivated words, motivated paradigm, motivated blocks, the inner form of the word and its types, types of motivation, characteristics of nomination and motivation taken together.

The following dictionaries were described: *The Experience of the Dialect Motivological Dictionary* (by O.I. Blinova), *The Dialect Motivological Dictionary: Dialects of the Middle Priobie* (edited by O.I. Blinova), a fragment of *The Motivological dictionary of Narim Dialect* (by V.G. Naumov), a fragment of *The Motivological Dictionary of Ornithonyms* (by A.D. Adilova), *The Motivological Dictionary of Jargons* (by E.A. Shteingart), *The Motivological Dictionary of Children's Speech* (by K.V. Garganeeva), *The Motivological Dictionary of Siberian Dialects* (by O.I. Blinova, S.V. Sipchenko).

In the second group motivological dictionaries of the units of the category were considered: *The Dictionary of the Inner Forms of Words* (by O.I. Blinova, O.V. Zolotukhina), *The Dictionary of Lexical Motivators* (by V.G. Naumov), *The Dictionary of Regular Formants* (by N.G. Nesterova), *The Frequency Dictionary* (by O.I. Blinova), *The Dictionary of Remotivated Lexical Units* (by M.V. Kurisheva), *The Dictionary of the Forms of Subjective Evaluation* (by G.V. Kalitkina).

In the third group explanatory and comparative dictionaries are described: bilingual: *The Russian-English Dictionary of Names of Animals and Birds* (by A.S. Filatova), a fragment of *The Russian-English Dictionary of Zoonyms* (by A.V. Shevchik); and multilingual: *The Motivological and Comparative Dictionary of Ornithonyms of Russian, Ukrainian and Polish* (by A.D. Adilova), *The Multilingual Motivological and Comparative Dictionary of Slavonic and Turkic Languages* (by A.D. Adilova).

In the fourth group explanatory and functional motivological dictionaries (by O.I. Blinova, K.I. Komarova, E.V. Naumova) are described. *The Polysystemic Dictionary of Siberian Dialect* (by M.A. Tolstova) brings closure to the historiographic note.

In the fifth group *The Motivological Dictionary of Terminology* was described.

In the conclusion the author reviews the historiographic description of motivological dictionaries. 12 motivological dictionaries were compiled and they cover all the aspects of motivology: lexicographical, comparative, socio- and age-related, dynamic, functional, ontological; 9 languages (Russian, English, German, French, Kazakh and others); 4 theme groups of ornithonyms, zoonyms, phytonyms and household objects, thousands of lexical units. The historiographic review illustrated how the lexicographical theory of words motivology was developing.

Key words: types of motivological dictionaries, explanatory, explanatory and comparative, functional, frequency, polysystemic dictionaries, dictionary of terms.

P. 66. Zhakupova Aygul D., Sh. Ualikhanov Kokshetau State University (Kokshetau, Kazakhstan). DICTIONARY ENTRY MODEL OF ORNITHONYMS AND PHYTONYMS MOTIVOLOGICAL CONTRASTIVE DICTIONARY. The main feature of anthropology-oriented multilingual *Motivological Contrastive Dictionary* (MCD) lies in the fact that it explicates native speakers' metalinguistic consciousness (MC), their language competence

and knowledge of language, associative knowledge/reactions; it also gives an opportunity to compare them with the "images" of a foreign speaker's linguistic consciousness.

On the one hand, in compiling a dictionary the general principles of motivated words dictionary description are taken into account, which were realized in a number of the already-published motivological dictionaries, on the other hand, new components are introduced defining the specificity of MCD as a polynational dictionary aimed not only at the linguistic description of motivated words of different languages, but also at the reflective "view" of the person on the language (their language perception), containing cultural historic and encyclopaedic information, which, certainly, increases the cognitive value of the dictionary.

The core unit of the dictionary is a *dictionary entry*, its compilation depends on the author's linguistic position, dictionary purpose, its designation and addressee's needs. The main task of a dictionary entry is to present a motivated word in its structural and semantic variety. The key point of a dictionary entry is the observations of native speakers' metalinguistic consciousness that define the dictionary entry structure of *The Multilingual Motivological Contrastive Dictionary*.

A dictionary entry has four informational zones:

1. Introduction, which includes a Latin nomenclature name of a bird/plant with its translation and lexical meaning explanation (LM) as *tertium comparationis* (t.c.) – comparison base.

2. Experimental part falls into five columns containing a head-word – a bird/plant name in Russian, Bulgarian, Polish, Kazakh and Tatar, which is followed by the results of the psycholinguistic experiment based on consulting native speakers' observations of metalinguistic consciousness.

3. Description part reflects all the structural and semantic features of motivated lexical units of the contrastive languages: the word's inner form (WIF) is derived consisting of the motivational form (MF) and motivational meaning (MM); lexical and structural motivators (LM/SM) in the motivated word are given by the results of the psycholinguistic experiment (PSLE); the WIF type is defined (varying, non-varying, lexical/non-lexical, metaphoric/non-metaphoric types); the explanation of all the motivational forms and meanings is given under WIF varying pattern; motivating and nominal features (MF/NF) are compared, which can coincide if they have the same verbal expression and differ if their nominal feature is metaphorically expressed; the type of motivation is given (phonetic, morphological, semantic and lexico-semantic).

4. Illustrative part. At first, a dictionary entry can seem quite big and hard to perceive, but after reading it thoroughly the reason why it is structured so becomes obvious. Parallel arrangement of information zones helps the reader to easily orientate in the dictionary entry and find the information they are interested in.

Key words: anthropocentric lexicography, contrastive motivology, word motivation, observations of metalinguistic consciousness.

P. 76. *Naumov Valeriy G.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). PRINCIPLES OF DIALECT DICTIONARY TRANSLATION. The article describes the problems of rendering lexicographical information to foreigners. The readers' attention is often concentrated on the idea of translating explanatory dictionaries that reflect the lexical systems of language into other languages. As the national linguistic picture of the world is not confined to the literary language

solely, the idea is justified of translating dialect dictionaries as peculiar "accumulators" of national specificity, the linguistic one, in the first place.

Translating a dialect dictionary may be an experiment aimed at solving the problem of scopes of translation, national specificity explication in a foreign language. This could be a type of translation different from technical or literary ones. The experiment may result in a comparison, unique in form and content, of two (as a minimum) linguistic pictures of the world. Three systems must be considered: source language dialect, literary source language (as dictionary entries are given in literary language forms), and literary target language. In order to solve the problems of translating works in linguistics in general, and dictionaries in particular, a meta-language should be created with its terminology subsystem, a certain mediator in the process of translation.

The result of translating a dictionary can help solve some urgent lexicographical problems, e.g. head-word presentation, which could be given in its authentic form with a transcription reflecting the unit's pronunciation in the given dialect; presentation of grammatical and stylistic comments, models of translating the unit's lexical meaning, etc.

The translated version of the dictionary should contain original texts in source language. A minimum of word-for-word translation of the contexts is required to define the role of the word explained in the structure of the phrase.

Dictionary entries may include brief etymology information and/or derivational structure description – the history of the dialect word.

Thus, such a dictionary is an example of lexicographical activity of a certain kind aimed at solving the issues that so far have not attracted attention of specialists in lexicography, translation, dialect studies, linguistic aspects of culture and others.

Key words: translation, dialect dictionary, linguistic picture of the world, structure of dictionary entry.

P. 82. *Shevchik Anna V.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF RUSSIAN AND ENGLISH ZOONYMS. Russian and English zoonyms, studied and compared by the author in the aspect of their motivation, are the subject of lexicographical description in the developing *Motivological-Comparative Dictionary of Russian Language Zoonyms*. The concept of this dictionary continues the tradition of the lexicographical aspect of motivology traditional for Tomsk Linguistic School and examines the motivation of words, the inner form of the word and the phenomenon of motivation in general lexicological approach.

The study of lexicographical description of motivated vocabulary of the Russian language in the comparative aspect started almost two decades ago. Creating motivological dictionaries is one of the trends of anthro-oriented lexicography. Motivological dictionaries, along with the associative ones, describe the language as belonging to the human mind, modelling the process of active rather than passive knowledge of the language. Association dictionaries help to study of the deep level of linguistic consciousness related to the field of the unconscious, while motivological ones record reflexive understanding of the elements and patterns of language that reveal that the surface level of language consciousness – metalinguistic one. At present the concept of motivological-comparative dictionary has been tested and refined on the material of the thematic groups of ornithonyms and phytonyms in various Slavic, Turkic, Germanic languages in the works of A.D. Zhakupova (Adilova), A.S. Savenko (Filatova). The basis

of this type of dictionary is metatext data that capture the realization of motivated lexical units by native speakers.

The Motivological-Comparative Dictionary of Russian Language Zoonyms will be the first to introduce a description of the thematic group of zoonyms into scientific discourse, to present the motivation of these words by modern Russian and English language speakers in its entries. The entries will also contain information about the internal form of the word, its motivators, effects of lexical processes of demotivation and remotivation, etc. The type of the dictionary, its macro- and microstructures meet the specific purpose of Russian language zoonyms specificity determination in comparison with the equivalent units of the English language.

The 180 entries compiled by the time of publication of the article allow drawing conclusions about such features of zoonyms, as their active involvement in the processes of acquisition and loss of motivation, implementation of effective ways of adaptation of foreign words in the language system, reflection of anthropology-oriented conceptualization of the world by Russian language speakers, the prevailing means of motivation of zoonyms, etc.

Key words: lexicography, motivology, motivological and comparative dictionary, zoonym.

DICTIONARIES AS SOURCES OF RESEARCH

P. 90. *Aryanova Valentina G.*, Tomsk State Pedagogical University; *Aryanova Anastasia V.*, Tomsk State University (Tomsk, Russia). *WORLD OF MODERN PEASANTS (BY THE DICTIONARY OF PHYTONYMS OF THE MIDDLE PRIOBIE)*. The main aim of this article is to identify some peculiarities of the material and spiritual culture of modern peasants from the Middle Priobie Basin, which are reflected in the three-volume *Dictionary of Phytonyms of the Middle Priobie*.

Though the collection of dialectal vocabulary of the Middle Priobie, as well as phytonyms, started in the 1950s, The Dictionary includes illustrated data, recorded during the last two or three decades; and it allows assuming that the information in it reflects the world-view of modern rural inhabitants.

Despite the forced truncation of the text due to the principle of economy in compiling the dictionary, as well as its thematic focus, its data provides an opportunity to learn some fragments of the material and spiritual culture of peasants with their world-view, ethical, aesthetic, moral beliefs, attitudes and values. The texts reflect peculiarities of customs, beliefs, economic activities and traditions of folk medicine.

The world of humans is inextricably linked with the world of nature, which satisfies both the material and spiritual needs of people. It is very difficult to find peasant activities, which are not connected with the use of plants. They include agriculture, cattle-breeding, various handicrafts, folk medicine, household – in all these spheres a person encounters with flora, which is so familiar to him.

The role of plants as food and healing products is highly valued by the villagers. The Dictionary presents information about harvesting and preparation of various dishes, beverages and medical ointments. The usage of plants in the household, as it has already been mentioned, is broad.

Sometimes one plant was used for different purposes. For example, peasants used willow to weave baskets, make brooms and fences, its bark helped to tan leather and dye

fabric. Flower heads of the goat willow was a delicacy; its branches were cut, consecrated in the church and placed behind the icon to protect the house from evil spirit. There was a belief that if the branch had many blossoms the household would grow; the cattle and people were beaten with the consecrated branches of all types of willow for them not to fall ill.

Dictionary material reflects complex and well-organized folk taxonomy of plants and contains information about the history of cultivated plants development.

Villagers treat nature with awe, worry about its destruction both under the influence of adverse environmental effects and its pillaging by dishonest people. Farmers' stories are full of sacred nature echoes of ancient people's attitude to nature. Flora is poeticized by people and the image of plants is reflected in almost all genres of folklore.

In the conclusion, we point out that a high level of spiritual culture of modern villagers is reflected in their attitude to nature, in their imaginative, emotional stories about plants.

Key words: phytonym, Middle Priobie, material and spiritual culture of peasants.

P. 97. *Slautina Marina V.*, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russia). REFLECTION OF ANTONYMIC RELATIONS IN DICTIONARY OF SYNONYMS. Universal logical relations of identity and opposition are reflected in such linguistic phenomena as synonymy and antonymy. The correlation of these phenomena becomes mostly apparent in analysing the structures of their lexical microparadigms. This research is made on ideographic dictionaries of synonyms. In those dictionaries the synonymic rows are distributed among denotative spheres.

As the research shows the principle of opposition works at different levels of conversation. It can become system-generative for the denotative sphere as a whole. It is reflected, for instance, in the group names of the sphere "emotions": "luck – misfortune", "happiness – sadness", "hope – despair", etc. For other spheres the opposition is not a system-generating principle. However, oppositional meanings play a very important role here. For example, in the sphere "economy" the meaning of the opposition is presented in every group specified in oppositional synonymic rows: "rich – poor", "profit – loss", "profitable – unprofitable".

Inside the denotative-ideographic groups, opposition relations of synonymic rows are realized in two different ways – as symmetric and asymmetric ones. In the symmetric construction every member of one row is antonymic to every member of another row and to the entire row itself. For example: profitable, favourable, lucrative, paying, advantageous (colloquial style) – unprofitable, unfavourable, non-lucrative, not paying, disadvantageous. In the asymmetric construction synonymic rows expressing the opposite meaning partly intersect.

Most synonymic rows with opposite meanings forming antonymic groups realise the counter type of antonymy. As a rule, these are rows of graded synonyms. Complementary type of antonymy is realised when the norm is displaced to the side of positive evaluation. It happens, for instance, in the denotative sphere "religion" where synonymic rows characterizing the person and their behaviour reflect the idea of a religious norm.

The contrast of some synonymic rows reflecting universal cultural oppositions refers to antonymic rows. For example, the archetypical opposition "mine – yours" is reflected in contrasting rows "co-religionist – adherent of a different faith".

Thus, the ideographic principle of lexis description gives an opportunity to analyse the correlation of different types of paradigmatic groups.

Key words: ideography, synonyms, antonyms.

Правила оформления статей в научный журнал «Вопросы лексикографии»

Редакция принимает статьи, набранные в текстовом редакторе WinWord. Статьи должны быть представлены в электронном и в распечатанном виде (формат А4). Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно предоставляются в отдельных файлах, вложенных в авторскую электронную папку.

Все рисунки выполняются только в черно-белой гамме, полноцветные иллюстрации не допускаются.

В начале статьи указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК), приводятся (каждый раз с новой строки):

- 1) инициалы и фамилия автора;
- 2) название статьи (строчными буквами, например: К вопросу о составлении мотивационного поэтического словаря);
- 3) её краткая аннотация (500 знаков), аннотация выделяется курсивом и отделяется от текста статьи пропуском строки;
- 4) ключевые слова (3–5).

Текст набирается шрифтами Times New Roman, размер шрифта – 14 кеглей, межстрочный интервал – полуторный, поля (все) – 1,5 см, абзацный отступ – 0,5 см.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию в авторской электронной папке.

Нумерация страниц сплошная, с 1-й страницы, внизу по центру.

Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например: [1. Т. 2. С. 25]. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера), предваряется словом «Литература» и оформляется в порядке упоминания или цитирования в тексте статьи (не в алфавитном порядке!). Под одним номером допустимо приводить только один источник. Обязательно указание количества страниц в используемых источниках.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок. Если в примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу,

номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесён с нумерацией источников в основном тексте статьи, после которых (перед которыми) вставлено примечание со ссылкой на источник. Примеры оформления можно посмотреть на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/lex/>) в разделе «Архив».

Двумя отдельными файлами (а также в виде распечаток) обязательно предоставляются:

1. Англоязычный блок

- английский вариант инициалов и фамилии автора;
- перевод названия своей организации;
- перевод названия статьи (например: On compiling a motivational poetic dictionary);

– автореферат статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков, включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

- перевод ключевых слов на английский язык,

2. Сведения об авторе по форме:

- фамилия, имя, отчество (полностью);

- учёная степень, учёное звание.

– должность и место работы / учёбы (кафедра / лаборатория / сектор, факультет / институт, вуз / НИИ и т.д.) без сокращений, например:

МИХАЙЛОВА Ольга Сергеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Томского государственного педагогического университета.

E-mail: filologia@inbox.ru

Кроме того, отдельно в том же файле указываются:

– Ф.И.О., должность и место работы научного руководителя (для студентов, аспирантов и соискателей);

- специальность (название и номер по классификации ВАК);

- телефоны (рабочий, сотовый).

Статья и сведения об авторе заверяются подписью автора (и научного руководителя – в случае, если автор не имеет учёной степени).

Всего оформляется и подаётся три электронных и бумажных документа:

- 1) текст статьи с аннотацией на русском языке;

- 2) английский вариант имени и фамилии автора, названия своей организации; перевод названия статьи и ключевых слов; автореферат

статьи на английском языке (2500–3000 печатных знаков; включая пробелы) и исходный текст автореферата на русском языке;

3) сведения об авторе.

Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, Ivanov1.doc, Ivanov2.doc, Ivanov3.doc) и вложены в папку, названную аналогично (например, Ivanov). При передаче электронной папки обязательно использование архиваторов WinZip или WinRar (например, Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторы должны представить в редакцию заполненный бланк, в котором указывается согласие автора на публикацию статьи и размещение её в Интернете. Письмо должно быть подписано автором и заверено в организации, в которой работает или обучается автор. В случае соавторства каждый из авторов подписывает и заверяет отдельное письмо.

Статьи принимаются по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), филологический факультет, редакция журнала «Вопросы лексикографии», Катунину Дмитрию Анатольевичу¹.

Электронные версии материалов обязательно размещаются в «личном кабинете» автора на сайте журнала (<http://vestnik.tsu.ru/lex/>). После регистрации и прикрепления статьи авторы имеют возможность отслеживать изменение её состояния (получение бумажного варианта, результат рецензирования и т.д.).

¹ По желанию автора бумажные варианты могут быть заменены сканированными PDF-файлами и представлены в редакцию в отдельной заархивированной папке посредством прикрепления на сайте параллельно с электронными вариантами материалов.

Научный журнал

ВОПРОСЫ
ЛЕКСИКОГРАФИИ

JOURNAL OF LEXICOGRAPHY

2012. № 2

Редактор *Т.В. Зелева*

Редактор-переводчик *В.В. Каишур*

Оригинал-макет *Г.П. Орловой*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Подписано в печать 07.08.2012 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Печ. л. 8,0; усл. печ. л. 7,4; уч.-изд. л. 7,2.

Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Отпечатано в типографии ТПУ